

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Дащинский Владислав Викторович

**СИСТЕМА БИБЛИОНИМОВ В РУССКОЙ ПРОЗЕ:
КВАНТИТАТИВНОЕ И СИНТАКСИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ; ФУНКЦИИ
И СЕМАНТИКА ЗАГОЛОВОЧНЫХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ Е. Ю. ЛУКИНА)**

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор В.И. Супрун

Волгоград – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. СИСТЕМА ЗАГЛАВИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	13
1.1. Заглавие произведения, его частей и «текста в тексте»: терминологические поиски литературной ономастики.....	16
1.2. Библиототоним, библиопартионим, интрабиблионим: функциональные различия.....	34
1.2.1. Соединительная функция и функция изоляции и завершения.....	40
1.2.2. Атррактивная / рекламная функция.....	41
1.2.3. Рекламно-маркетинговая / коммерческая функция.....	49
1.2.4. Эмоционально-экспрессивная функция.....	52
1.2.5. Информационная и содержательно-концептуальная функции.....	54
1.2.6. Жанроуказательная функция.....	58
1.2.7. Сюжетообразующая функция.....	61
1.3. Иерархия заголовочных единиц в художественном тексте и место в ней библионимической доминанты.....	65
Выводы по главе 1.....	91
ГЛАВА 2. БИБЛИОТОТОНИМ: РАЗВИТИЕ, ФУНКЦИИ, СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ЗАГЛАВИЙ ЦЕЛОГО ТЕКСТА.....	94
2.1. Полиаспектная классификация библиототонимов в творчестве Е. Ю. Лукина.....	94
2.2. Развитие заглавий в прозе Е. Ю. Лукина.....	107
2.2.1. Структурное (квантитативное) развитие.....	112
2.2.2. Синтаксическое развитие.....	126
2.3. Цикл «Слепые поводыри»: функциональный и семантический анализ предтекстовой и внутритекстовой библионимии.....	131
Выводы по 2 главе.....	163

ГЛАВА 3. БИБЛИОПАРТИОНИМ: АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ВНУТРЕННИХ ЗАГОЛОВКОВ И ОГЛАВЛЕНИЯ.....	165
3.1. Синхронический и диахронический аспекты изучения внутренних заголовков.....	165
3.2. Развитие внутренних заголовков в прозе Е. Ю. Лукина.....	175
3.2.1. Структурное (квантитативное) развитие.....	178
3.2.2. Синтаксическое развитие.....	184
3.3. Оглавление: функциональный и мотивационный аспекты изучения (на материале романов и повестей Е. Ю. Лукина).....	190
Выводы по 3 главе.....	213
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	215
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И МАТЕРИАЛОВ.....	220
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	222
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ.....	256
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ.....	259

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с XX в. феноменом заглавия интересуются специалисты различных гуманитарных специальностей (Кржижановский, 1931; Ронгинский, 1965; Джанджакова, 1979; Кожина, 1988; Веселова, 1998; Бабичева, 2000; Долгирева, 2002; Богданова, 2009 и др.), и поток публикаций в области изучения имени текста не ослабевает, хотя нельзя сказать, что количество переходит в качество, но такое положение дел объясняется относительно недавним появлением объекта исследования. Вопросы, связанные с онтологическим статусом заглавия, его содержательной и функциональной спецификой, были предметом размышлений писателей и критиков еще до появления первых академических трудов.

Диссертационная работа выполнена в русле ономастического подхода к названию художественного текста. *Библионим* – это специальная терминологическая номинация, обозначающая название любого письменного произведения. Термин появился во втором издании «Словаря русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской. Словарь зафиксировал переход от родовых понятий типа *название произведений литературы и искусства, хремотоним* к видовым. В издании не было специальной словарной статьи о разделе, изучающем такие имена, но его название, следуя заложенным в словаре терминологическим моделям, легко образовать: библионим(ия) + -ик-а → *библионимика*. На необходимость разработки раздела ономастики, посвященного исследованию названия текста, впервые указали Ю. А. Карпенко и И. В. Арнольд.

Для нашей работы необходимо уточнение направления исследования: *литературная библионимика*, поскольку мы изучаем литературные библионимы, или – в метадиалекте Донецкой ономастической школы – «библиопоэтонимы» (К. С. Федотова, Е. В. Минина, М. В. Бувевская и др.) Термин «библионим» активно используется представителями Воронежской

ономастической школы (Н. Б. Бугакова, С. А. Скуридина, Н. Н. Устинова и др.).

Несмотря на длительную отечественную и зарубежную традиции изучения заглавий в текстах разных функциональных стилей, многие проблемы остаются нерешенными, ряд вопросов не был затронут. Прежде всего не выяснены функциональные и онтологические различия между разными типами заголовочных единиц, не полностью установлен их количественный состав. Так, внутренний заголовок (название тома, части, главы, параграфа произведения) и совокупность внутренних заголовков, или оглавление, редко привлекают внимание специалистов. Нет общепринятой теории заглавия, в истории его развития наблюдается немало белых пятен.

Ономастический подход к изучению библионимических единиц сталкивается с терминологическими затруднениями: во-первых, концептуальный аппарат ономастики нуждается в терминах, позволяющих описать разнокачественные типы заглавий, термин «библионим» связан только с одним типом, и не всеми филологами он понимается одинаково; во-вторых, необходимо определить соотношение предметно-объектных областей таких направлений, посвященных анализу имени книги, как теория заглавия, титология, идеонимика, библионимика. Не получил серьезного развития квантитативный анализ библионимии, другие виды имен собственных в ономометрическом аспекте исследованы значительно лучше. Не оценена возможность картирования библионимического материала. Сказанное определяет **актуальность** нашей работы.

Объект исследования – система библионимов в прозе волгоградского писателя-фантаста Е. Ю. Лукина.

Предмет исследования – структурное (квантитативное) и синтаксическое развитие двух типов библионимов (заглавий и внутренних заголовков), их функциональная и смыслообразующая роль в прозе волгоградского автора.

Целью диссертации является выявление и описание библионимических единиц разных типов, образующих иерархию заглавий, со стороны их синтаксического и количественного развития, разнопланового функционирования в художественных текстах Е. Ю. Лукина, в частности, как ономастической доминанты.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих **задач**:

1) рассмотреть существующие термины и понятия, связанные с заголовочными единицами, выявить их достоинства и недостатки, заполнить лакуны в терминологическом аппарате библиониимики;

2) определить функциональные различия между тремя типами заглавий: 1) библиототонимом, или внешним заглавием; 2) библиопартионимом, или внутренним заголовком; 3) интрабиблионимом, или названием иноавторского текста («книга в книге»), присутствующего в художественном мире произведения;

3) обосновать необходимость выделения в библиониимике раздела, посвященного изучению внутренних заголовков; предложить программу исследований библиопартионимов;

4) изучить количественное (динамика средней длины, диапазон вариативности длины) и синтаксическое развитие заглавий и внутренних заголовков в прозе Е.Ю. Лукина;

5) проанализировать функциональный и смыслообразующий потенциал библионимов на материале прозаических текстов волгоградского писателя.

Материалом исследования послужила картотека библионимических единиц (431 ед.) из прозы Е. Ю. Лукина, из них 376 – предтекстовые библионимы (заглавия и внутренние заголовки), 55 – внутритекстовые библионимы; картотека библионимов других авторов – 350 единиц.

Источник материала – проза Е. Ю. Лукина за период с 1995 по 2024 г. «Соавторский» период творчества, когда волгоградский автор писал вместе с супругой Л. Лукиной, лишь частично учитывался в анализе. К иллюстрации

некоторых положений привлекаются заглавия произведений отечественной и мировой литературы XIX–XXI вв.

Теоретическую и методологическую базу диссертации составили:

1) труды отечественных филологов в области изучения заголовочных единиц в художественном тексте и в текстах иной стилевой принадлежности, а также теории заглавия в целом: И. В. Арнольд, Е. А. Баженовой, О. Ю. Богдановой, Н. А. Веселовой, Ю. А. Карпенко, Л. А. Климковой, А. В. Ламзиной, В. М. Ронгинского, С. Г. Тикуновой, Е. А. Тутатиной, Н. А. Фатеевой (Кожиной) и др.;

2) труды иностранных ученых, основоположников титологии (титрологии) и специалистов, развивающих это направление: J. Besa Camprubí, N. Dames, J. Fisher, G. Genette, V. Gibbons, C. Grivel, L. Hoek, J. Howley, F. Moretti, C. Nord и др.;

3) работы отечественных и зарубежных лингвистов по ономастике, в частности по литературной ономастике: Н. Б. Бугаковой, Н. В. Васильевой, И. Б. Вороновой, М. В. Голомидовой, В. М. Калинин, Г. Ф. Ковалёва, Р. В. Разумова, С. А. Скуридиной, А. В. Суперанской, В. И. Супруна, Ž. Dvořáková, M. Gibka и др.

Для достижения цели и решения поставленных задач применялись следующие **методы**: 1) описательный, включающий наблюдение, сопоставление, обобщение и классификацию библионимического материала; 2) метод функционального анализа – для выявления функций и семантики библионимов; 3) метод контекстуального анализа – для выявления семантики библионимов, изучения взаимодействия имен собственных и контекстов различного уровня сложности и широты; 4) метод интертекстуального анализа – для определения интертекстуальных вкраплений в названиях произведений (их архитектурных частей), прецедентного текста, которому эти вкрапления принадлежат, а также их функций; 5) метод дефиниционного анализа – для сравнения словарных дефиниций («заглавие», «заголовок», «библионим»); 6) экспериментальный метод, включающий процедуру

стилистического эксперимента, – для «тестирования» семантической и прагматической адекватности выбранного автором заглавия, доказательства того, что иные варианты названия были бы неудовлетворительны по тем или иным причинам.

Нами был подготовлен датасет заглавий и внутренних заголовков. Аналитические операции проводились с помощью библиотек, доступных для языка программирования Python: визуализация данных (Matplotlib), статистические расчеты (NumPy), работа с таблицами (Pandas), чтение и редактирование файлов Excel (OpenPyXL).

Научная новизна работы определяется тем, что в ней предпринята попытка систематизированного изучения библионимов двух типов в прозе Е. Ю. Лукина: библиототонимов и библиопартионимов. Проанализирована поэтика заглавия и оглавления в некоторых циклах волгоградского автора (цикл «Слепые поводыри», «Баклужинский цикл» и др.).

Теоретическая значимость работы состоит в уточнении понятийного аппарата библионимики, открытии новых аспектов изучения заголовочных единиц и детализации существующих; прежде всего намечен путь синхронного и диахронного анализа внутренних заголовков. В ходе исследования описаны функциональные различия между тремя типами библионимов. Заявлена и аргументирована с точки зрения развития библионимики необходимость корпусных сравнительно-сопоставительных исследований библионимов. На материале прозы Е. Ю. Лукина описаны функциональные и семантические особенности библионимических единиц, охарактеризовано их количественное и синтаксическое развитие.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов исследования в практике школьного преподавания русской и зарубежной литературы (теоретический аспект – роль заглавий в художественном тексте; практический – анализ сильных позиций текста, озаглавливание с учетом той или иной функции названия текстов различной жанровой направленности: сочинений-рассуждений, сочинений-описаний,

эссе и т. д.), в реализации университетских дисциплин, таких как «Филологический анализ текста» и «Стилистика», спецкурсов по литературной ономастике.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Библионимика – раздел ономастики, в котором изучается система библионимов письменного текста, закономерности их возникновения, структурного, семантического и прагматического развития, особенности функционирования в произведениях разных стилей и жанров. Литературная библионимика изучает систему библионимов в художественном тексте. Не за всеми единицами, которые анализируются в этом разделе, закреплены терминологические номинации. Термин «библионим» не способен отразить качественное разнообразие заголовочных единиц, он обозначает только один тип заглавий, тогда как номинирования требуют минимум 3 типа: во-первых, ‘заглавие всего произведения’ (это значение и передает указанный термин); во-вторых, ‘названия его составных частей’ (части, главы и др.); в-третьих, ‘наименования иноавторских произведений, функционирующих в художественном мире текста’. Несмотря на отдельные недостатки, оптимальным видится следующее решение: различать указанные значения с помощью латинских индексов-дифференциаторов: 1) библиототоним (*totum* – ‘целое’); 2) библиопартионим (*pars* – ‘часть’); 3) интрабиблионим (*intra* – ‘внутри’). Предложенные термины не вытесняют существующие номинации типа «заглавие», «внутренний заголовок» и др., а эксплицируют связь с ономастическим ракурсом рассмотрения заголовочных единиц.

2. Библиототонимы, библиопартионимы, интрабиблионимы имеют как общие функции, так и различные. Общими для них являются номинативная, информационная, жанроуказательная, содержательно-концептуальная, текстообразующая, прагматическая функции. Библиототоним реализует соединительную (интеграционную) и коммерческую функции; библиопартионим выполняет делимитационную функцию; интрабиблионим осуществляет характерологическую и сюжетообразующую функции. Список

проанализированных нами функций и закрепленных за тем или иным типом библионима нельзя рассматривать как окончательный.

3. Предтекстовые библионимы (внешнее заглавие и внутренний заголовок) и внутритекстовые библионимы образуют заголовочную иерархию, место в которой определяется их положением по отношению к тексту, функциональным потенциалом и участием в процессах тексто- и смыслообразования. Библионимическая иерархия не ограничивается тремя указанными типами библионимов, в нее может включаться подзаголовок, авторское название сборника произведений и т. д.

4. Библиототонимы и библиопартионимы в прозе волгоградского писателя-фантаста обладают количественным и синтаксическим разнообразием. Библионимы полифункциональны, нередко характеризуются семантической диффузностью. Диапазон вариативности длины заглавий и внутренних заголовков составляет от 1 до 7 слов. Самый частотный количественный тип – 2-словные названия, а наиболее распространенная синтаксическая структура – словосочетание. Автор регулярно использует заголовочные конструкции длиной 1–3 слова. На протяжении всего прозаического творчества Е. Ю. Лукина динамика средней длины библиототонимов остается стабильной, что говорит об устоявшихся предпочтениях автора. Анализ изменения длины библиопартионимов фиксирует снижение вариативности длины и тенденцию к использованию сверхлаконичных (т. е. 1-словных) конструкций.

5. Новым импульсом в изучении феномена заглавия должна стать разработка информационных ресурсов, баз данных и корпусов библионимов. Необходимо развивать ономастический подход к заголовочным единицам, ввести понятие «библионим» в контекст цифровой, количественной ономастики.

Оценка достоверности результатов исследования показала: использованные методы и приемы в полной мере обеспечивают достижение поставленной цели и решение исследовательских задач. Теоретические и

практические выводы сделаны на основе теоретической и методологической базы, не противоречат им. Полученные результаты аргументированы и отражены в научных публикациях.

Апробация результатов исследования. Основные результаты работы, обсуждаемые на заседаниях кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, были представлены на конференциях различного уровня: XXVIII Региональная конференция молодых ученых и исследователей Волгоградской области (Волгоград, 2023); XI Международная научная конференция студентов и молодых ученых «Новые горизонты русистики», посвященная памяти Г. И. Рихтера (Донецк, 2024); II Международная научная онлайн-конференция «Книга в книге» (Москва, 2024); III Международная научная онлайн-конференция «Книга в книге» (Москва, 2025); XXXVI Волгоградские областные краеведческие чтения (с международным участием), посвященные 80-летию Победы в Великой Отечественной войне (Волгоград, 2025); VIII Международная научно-практическая конференция «Сталинградская гвоздика» (Волгоград, 2025); IX Всероссийские научные чтения с международным участием (Абрамовские чтения) «Слово в зеркале истории языка» (Набережные Челны, 2025).

Основные положения диссертации отражены в 9 статьях (общий объем 7,2 п. л.), из них 6 – изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ.

Объем и структура работы. Диссертационное исследование (общий объем 259 с.) содержит введение, три главы, заключение, список использованной литературы (254 наименования), список использованных словарей и справочников (23 позиции). Текст работы включает 7 таблиц и 18 рисунков.

Во введении обосновывается актуальность темы исследования; определяются объект, предмет, цель и задачи диссертационной работы, характеризуются методы анализа языкового материала, обосновывается

научная новизна, теоретическая и практическая значимость; формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Система заглавий в художественном тексте» описывается ономастический подход к заголовочным единицам художественного текста; проводится критический обзор существующих в филологической литературе терминов, связанных с феноменом заглавия. Выявляются общие и различные функции трех типов библионимов; обосновывается их иерархическое положение; вводится понятие «библионимическая доминанта художественного текста», анализируется функционирование интрабиблионимов в качестве такой доминанты.

Во второй главе «Библиототоним: развитие, функции, смыслообразующая роль заглавий целого текста» определяются грамматические характеристики библиототонимов в прозе Е. Ю. Лукина, структурное (квантитативное) и синтаксическое развитие заглавий, а также функциональная и смыслообразующая роль библиототонимов в цикле «Слепые поводыри».

В третьей главе «Библиопартионим: аспекты изучения внутренних заголовков и оглавления» разрабатывается раздел библиониимики, посвященный изучению внутренних заголовков; описываются изменения длины внутреннего заголовка и специфика синтаксического оформления библиопартионимов в прозе волгоградского писателя на протяжении всего творчества; рассматривается «статическое» оглавление и устанавливаются его функции в ряде романов и повестей.

В диссертации после каждой главы представлены выводы. В заключении излагаются результаты проведенной работы и намечаются перспективы дальнейших исследований, которые видятся нам в необходимости корпусного изучения заголовочных единиц, введения библионимического материала в цифровой, квантитативный контексты ономастических исследований.

ГЛАВА 1. СИСТЕМА ЗАГЛАВИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Заглавие книги на протяжении своей долгой истории «обросло» многочисленными метафорическими определениями: «текстовый знаменосец» (Textual Standard-Bearers) [Hosington, 2018, p. 75], порог (Ж. Женнет), «визитная карточка поэта» [Джанджакова, 1979, с. 208], «смысловые “врата” произведения» [Маркова, Шибяева, 2016, с. 51], «seed that contains the tree» [Maiorino, 2010, p. 2] («семя, из которого вырастет дерево»), «рыболовной крючок», «дверная табличка», «входной билет» и мн. др.

По-видимому, первым трудом в отечественной научной литературе, где был поднят вопрос о разработке *раздела ономастики*, посвященного изучению названия текста (т. е. учение, выдвинутое не в рамках преимущественно литературоведческой теории заглавия), была статья Ю. А. Карпенко «Назва твору як об’єкт ономастики (Переважно на матеріалі творчості Миколи Бажана) (1975): «Назви творів – це власні назви. У принципі ними повинен займатися спеціальний розділ ономастики, але цього розділу ще не існує. Тому здійснення саме ономастичного підходу до назв творів, поряд з літературознавчим та мовознавчим підходами, видається тим більш доцільним і свосчасним» [Карпенко, 2008, с. 29] («Названия произведений – это имена собственные. В принципе ими должен заниматься специальный раздел ономастики, но такого раздела еще не существует. Поэтому осуществление именно ономастического подхода к названиям произведений, наряду с литературоведческим и языковедческим подходами, представляется тем более целесообразным и своевременным») (здесь и далее в диссертации перевод наш – В. Д.).

Отметим, что в планах ученого было создание книги о названиях, но он, к сожалению, не успел осуществить задуманное: «Потом хочу написать книгу о заглавиях. Я о ней давно мечтаю, а за буднями всё нет времени. Найду и напишу...» [Цит. по: Калинин, 2018, с. 128]. Вновь на необходимость такого раздела указала И. В. Арнольд в работе «Значение сильной позиции для

интерпретации художественного текста» (1978): «В плане лингвистическом заглавие является прежде всего названием, т.е. именем текста. Его можно уподобить имени собственному: оно индивидуализирует тот текст, которому принадлежит, выделяет его в ряду всех других текстов. Очень полезным делом было бы создание соответствующего раздела ономастики» [Арнольд, 1999, с. 225]. С учетом современных достижений в области изучения заглавий следует уточнить позицию И. А. Арнольд: заглавие не уподобляется ониму, оно и есть имя собственное.

Поскольку наша работа создается в русле ономастической парадигмы, необходимо дать определение соответствующего ее раздела. **Библионимика** (библионим(ия) + -ик-а) – раздел ономастики, изучающий названия письменных произведений. Это предварительное определение, позже оно будет уточнено.

В библиотековедении этот термин имеет другое толкование: «раздел ономастики, посвященный именам библиотек, получает название библионимика» [Матлина, 2007, с. 5] (предложенное понятие и его употребление в этом значении приняты специалистами данной научной области, т. е. библиотековедения [Карпова, 2010; Соколов, 2017]). Дефиниция С. Г. Матлиной не учитывает общепринятое значение термина «библионим» (неверно осуществлен этимологический анализ), данное в «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской, поэтому должна квалифицироваться как неточная.

В 1970-х гг. в зарубежных исследованиях с выходом в свет работ Л. Х. Хука (Leo H. Hoek) и К. Дюше (Claude Duchet), посвященных заглавию и его взаимодействию с текстом, обозначились контуры новой дисциплины – титологии (*titology*; английский вариант), титрологии (*titrologie*; французский вариант). Этим авторов считают «two of the founding fathers of the discipline of titology» («двумя отцами-основателями титологии») [Schaper, 2013, p. 102]. В связи с зарождением дисциплины упоминают имя литературного критика Г. Левина, который первым ввел термин *титология* [Levin, 1977, p. 13].

Это направление в разной степени сочетает семиотический, лингвистический и литературоведческий ракурсы изучения заглавия. Профессор литературы Л. Эбер (University of Quebec at Rimouski) относит эту дисциплину к литературной ономастике: «Dans la mesure où l'on considère que les titres d'œuvres sont des noms propres, la *titrologie* est une branche de l'onomastique littéraire» [Hébert, 2014, p. 53] («Поскольку названия произведений считаются именами собственными, *титрология* есть отрасль литературной ономастики»).

Библионимику и титологию роднит сфокусированность на заглавии произведения, тогда как внутренние заголовки (названия частей, глав и др.) не получают должного внимания в филологической литературе ни как конкретные представители оглавления, ни как целокупные (собственно оглавление), т. е. заголовки, рассмотренные по отдельности или вместе. Оглавление книги можно считать библионимическим текстом, тем самым придав этому книжному элементу (полу)ономастический статус (ср. с понятием «антропонимический текст», предложенным Л. М. Щетининым [Щетинин, 1980, с. 163]).

Проведем границу между объектами библионимики и титологии / теории заглавия. Объектом титологии, помимо заглавия, выступают и такие «пороговые» структуры текста, или паратекстуальные элементы, как «посвящение, эпитафия, инципит (начальный период текста), эксплицит (заключительный период текста)» [Вишняков, 2018, с. 62]. В целом объект расширяется до заголовочно-финального комплекса (термин Ю. Б. Орлицкого). Исследуются названия не только художественных произведений, но и кинематографических, изобразительных, музыкальных, в поле изучения включаются и периферийные наименования, например, платьев и парфюмерных изделий, входящих в модные коллекции (см., например: [Zanon, 2014]).

Объект библиониимики – система книжных заглавий (ее состав будет раскрыт в следующем параграфе). Данный факт позволяет считать библиониимику частью теории заглавия (идеониимики).

1.1. Заглавие произведения, его частей и «текста в тексте»: терминологические поиски литературной ономастики

Практика озаглавливания входит в перечень типизированных ситуаций, (фреймы социального контекста), в которых осуществляется искусственная номинация: «...озаглавливание законодательных, научных, публицистических, художественных текстов, именование произведений искусства, выставок, коллекций» [Голомидова, 1998, с. 42].

Самое важное имя собственное в художественном произведении – это заглавие. «В той целостности, – пишет Л. В. Карасев, – которую представляет собой повествование, заголовку принадлежит крохотное место: одна строчка из тысяч или десятков тысяч» [Карасев, 2009, с. 76], но при малом объеме она «не уступает крупным частям текста по своей смысловой емкости и значимости для целого текста» [Матвеева, 1990, с. 34]. Изучение этой «строчки», породившее тысячи научных публикаций, до сих пор не привело к решению некоторых сопряженных с ней проблем. Приведем типовые высказывания исследователей феномена заглавий: «...не выработано единого подхода к определению выполняемых ими функций» [Любимцева-Наталуха, 2024, с. 145]; «...поэтика заглавий – юная отрасль и в ней еще не очень-то много сделано. Главное – нет полного реестра заглавий не только большинства, но и отдельных классиков, а это чрезвычайно затрудняет делать какие-либо обнадеживающие и мотивированные выводы» [Коровин, 2015, с. 47]; «Η ΜΕΛΕΤΗ τών τίτλων άποτελει μιá άπό τίς πιο παραμελημένες περιοχές της λογοτεχνικής θεωρίας και κριτικής» [Πασχαλίδης, 1996, р. 73] («Изучение заглавий – одна из самых недооцененных областей литературной теории и критики»); общие выводы «по специфике использования заглавия в

литературе за какой-то продолжительный временной период крайне редки и если встречаются, то касаются прозы» [Колеватых, 2028, с. 3], а частные положения тиражируются из одной работы в другую; в отечественных исследованиях «не существует единой и консенсусной теории заглавия...» [Челнокова, Вдовин, Орехов, 2023, с. 148], не существует общепринятой теории и в зарубежной науке.

Обратим внимание на традиционные терминологические проблемы в этой области и проблемы, вызванные неоправданно смещенным исследовательским фокусом.

(1) Иногда отличается референтная отнесенность термина «библионим», принятого при ономастическом подходе к заглавию: «под библионимами (иначе религионимами) мы понимаем личные имена библейских персонажей» [Мурясов, 2015, с. 946], это «ИС различных персонажей и топонимы Ветхого и Нового Завета» [Тресорукова, 2019, с. 103]. Рассмотрение *библионима* как собственного имени человека или как родового термина для антропонимов и топонимов неприемлемо ввиду неточной трактовки значения терминологических элементов: «греч. Βιβλίον ‘книга’ + оним» [Подольская, 1988, с. 42]), имя собственное книги, а не онимов в библейской книге. В процитированных высказываниях сделан акцент на иную референтную отнесенность и терминологическую модель библионима: «библия + оним» (‘из лат. *biblia* ж. ед. < греч. βιβλία (ἅγια) мн. ‘(священные) книги’ [РЭС, 2009, с. 173]), корректное построение термина в этом случае: *библиеонимы* – «важный этнокультурный, темпоральный маркер, образующий блок ключевых слов Библии» [Тимошик, 2011, с. 107], его разновидности «біблієантропоніми та біблієтопоніми» [Колесник, 2017, с. 299] (у этого же автора для наречения религиозных текстов используется термин *сакральные библионимы*). Ср. другой вариант: «Необходимо различать термины ‘библпоэтоним’ и ‘библиопоэтоним’: первый используется для обозначения персонажей ветхозаветной и новозаветной истории (персонажей Библии), второй – для обозначения названий книг» [Федотова, 2018 с. 142]. И. Кочан

отмечает, что «слова с компонентом *библио-* – це переважно терміни наукової сфери та бібліотечної справи, хоч деякі з них набули побутового уживання – бібліотека, бібліотекар, бібліотечка, бібліотечний. Терміноелемент чітко окреслює систему термінів, пов'язаних із книгою, книгознавством» [Цит. по Н. В. Піддубна, 2017, с. 97] («слова с компонентом *библио-* – это преимущественно термины научной сферы и библиотечного дела, хотя некоторые из них приобрели бытовое употребление – библиотека, библиотекарь, библиотечка, библиотечный. Терминоэлемент четко очерчивает систему терминов, связанных с книгой, книговедением»), поэтому согласимся с Н. В. Поддубной, что «таке ототожнення, відтак і функціонування терміна *бібліонім* на позначення власної назви (антропоніми чи топоніма), ужитого в Біблії, не є доцільним» [Там же, с. 97] («такое отождествление, следовательно и функционирование термина *библионим* как обозначение собственного названия (антропонимы или топонима), употребленного в Библии, не является целесообразным»).

Как об омонимии рассматриваемых терминов пишет Н. М. Бербер: «Наприклад, в ономастичних дослідженнях спостерігаємо омонімію поняття *бібліонім* залежно від того, яке зі значень полісемічного препонента *бібліо-* взято за основу. Так, дослідники Л. Литвин, Л. Петрова, Л. Селіверстова, Г. Тимошик, Ю. Браїлко термін *бібліонім* кваліфікують як біблійну пропріальну лексику. Ми дотримуємось погляду дослідників Ю. О. Карпенка, Н. О. Веселової, Е. В. Боевої, Т. І. Крупеньової, М. М. Торчинського на тлумачення цього терміна як власної назви будь-якого твору» [Бербер, 2011, с. 182].

В зарубежных исследованиях термин «библионим» широкого распространения не получил. В редких случаях филологи ограничиваются констатацией вхождения имени собственного текста в класс идеонимов. В «Новом энциклопедическом словаре чешского языка» есть статья «Название текста» ((*Název textu (nadpis, titul, titulek)*)) [Mrázková, 2017], но данное понятие с ономастической точки зрения никак не комментируется: нет упоминания,

что это библионим (или идеоним). См. также: «Tytuł i ideonim są w polskim leksykonie pożyczkami z języków obcych. Tylko tytuł... jest na tyle zadomowiony, że uwzględniają go słowniki polszczyzny ogólnej» [Kowalik, 2019, p. 96] («Заглавие и идеоним в польский лексикон заимствованы из иностранных языков. Только заглавие... достаточно укоренилось, чтобы его учитывали словари общего польского языка»).

Встречаются и другие референты, например, К. С. Федотова к библиопозтонимам относит «не только названия литературных произведений, но и метонимические именованья книг по фамилии или имени их автора» [Федотова, 2018, с. 142].

Неоправданное расширение объема понятия мы встречаем в следующем высказывании: «Кроме того, к библионимам в рамках работы мы относим также и названия песен, фильмов, телевизионных сериалов» [Белозерова, 2008, с. 10] (точнее в этом случае было бы использование родового наименования – «идеоним»).

Представляют интерес терминологические штудии А. А. Белецкого. Названия книг он включил в состав термина «эргоним»: «...*эргонимы* (предлагаемый нами термин, образованный от гр. τὸ ἔργον – дело, вещь, произведение; *nomina singularum rerum artefactarum vel operum humanorum*), в которые мы включаем названия произведений искусства, литературных произведений и даже названия разных сортов вин, различных видов лекарств и т. д.» [Білецький, 2012, с. 333]. По поводу индивидуальной терминосистемы ученого Н. В. Васильева обоснованно замечает: она «обогастила метаязык науки, но не вошла в практический обиход, поскольку этимологическая точность терминов сыграла роль терминологической ловушки» [Васильева, 2023, с. 55–56]. На современном этапе развития ономастики разновидностей произведений искусства обобщает термин «идеоним». Ранее некоторые ученые относили их к хрематонимам, например, Ю. А. Карпенко. А. Ф. Немировская в диссертационной работе употребляла термин «хрематоним-заглавие» [Немировская 1989].

(2) Названия глав, параграфов, частей и т. д. – составные части произведения тоже являются именами собственными. Интегральные признаки библионима как онимной единицы характерны и для них: внутренний заголовок именуется конкретной, в основном завершенную часть текста, выделяя ее из ряда других частей, и этим выделением отграничивает и отличает ее от подобных объектов, внутренний заголовок соотносится только с ней, иными словами, он выполняет, «номинативно-выделительно-дифференцирующую, индивидуализирующую, идентифицирующую функции» [Климкова, 2020а, с. 18]. Для внутренних заголовков эта функция внутритекстовая, т. е. названия глав не выделяют их из ряда внутренних заголовков других текстов. Свойственны таким заголовкам и дифференциальные признаки библионима, например, они реализуют некоторые уникальные функции: «номинативно-тематическую, темарематическую» [Там же, с. 18], могут бытовать (обсуждаться читателями) отдельно от текста, в который включены: вспомним ненапечатанную главу «У Тихона» в романе «Бесы» Ф. М. Достоевского, главу «Сон Обломова» в романе И. А. Гончарова «Обломов», первоначально опубликованной как самостоятельное произведение; о чтении в кругу друзей писателями отдельных глав своих художественных работ, уже написанных или находящихся в процессе написания. Тем не менее, очевидно, что внутренний заголовок менее самостоятелен, чем внешнее заглавие, представительские функции второго практически ограничены.

(3) Как пишет Н. В. Васильева: «...библионим, будучи полифункциональной единицей, являет себя в трех пространствах: 1) в номинативно-ономастическом – как один из типов онима; 2) во внутритекстовом (=эндотекстовом) пространстве – как конструктор паратекстуальности (в терминологии Ж. Женетта), т. е. связи данного текста и его заголовочного комплекса; 3) во внетекстовом (=экзотекстовом) пространстве – как самостоятельная единица, существующая отдельно от “своего” текста» [Васильева, 2021, с. 102]. Специальный общепризнанный

термин, обозначающий имя собственное вне заголовочного ансамбля, предтекстовой позиции, в концептуальном аппарате ономастики, насколько нам известно, отсутствует. Ученые, вероятно, и не испытывают необходимости в его введении, а необходимость *различать* – на уровне закрепления термина – особенности библионимов ввиду их текстового расположения есть, так как разное расположение влияет на их функционирование, своеобразие онтологических свойств и паратекстуальных отношений.

Употребляемые по отношению к номинациям книг отдельными лингвистами и литературоведами ситуативные термины *интертекстуальный / аллюзивный / прецедентный оним*, «*текст в тексте*», *цитация заглавия* ограничены в силу того, что не все вводимые писателем в текст библионимы носят интертекстуальный характер, некоторые из них вымышлены, создаются для реализации эстетических задач конкретного произведения, например, «*Некрономикон*» безумного араба Абдуль Альхазреда в мире Г. Ф. Лавкрафта, «*Божественное хранилище благотворных знаний*» в рассказе «*Аналитический язык Джона Уилкинса*» Х. Л. Борхеса, двухтомный поэтический сборник «*Партизанские тропы*» (Т. 1: «*Партизанские метафоры*»; Т. 2: «*Партизанские синекдохи*») в повести Е. Ю. Лукина «*Лечиться будем*», «*Полвека поэзии*» – мемуары Лютика из фэнтезийной саги «*Ведьмак*» А. Сапковского и мн. др.

Обсудим две последние проблемы подробнее. Рассмотрим на материале толковых, терминологических словарей, энциклопедических изданий и научных работ, какие специальные номинации существуют для передачи значения / признака ‘название составной части произведения’, и укажем на их отдельные недостатки.

Признак входит в семантику лексемы *заглавие* (или его вхождение подразумевается). В толковых словарях (БАС, МАС, БУСРЯ) слово «заглавие» в целом определяется одинаково (далее в дефинициях сплошной линией подчеркиваются различия в объеме понятий):

– ‘название какого-л. произведения (литературного, музыкального и т. п.) или отдельных его частей’ [БАС, 2006, с. 114];

– ‘название литературного, научного, музыкального произведения или его части; заголовок’ [МАС, 1985, с. 507];

– ‘название какого-л. произведения, книги или части какого-л. произведения, книги’ [БУСРЯ, 2023, с. 316].

Третий вариант толкования отличается наибольшей обобщающей силой, ср. его, например, с определением в «Словаре русского языка, составленным Вторым отделением Императорской Академии Наук»: ‘название книги, журнала или какого-либо отдельного сочинения, статьи, главы, параграфы, пьесы, пѣсни, романса; заголовокъ’ [Словарь русского языка, составленный..., 1899, ст. 904]. В дефиниции БУСРЯ, возможно, учитывается значимая для истории литературы (чтения, книги) оппозиция *произведение* – *книга* (подробнее о ней см.: [Стаф, 2018]).

Во всех приведенных определениях отсутствует видовой дифференциатор ‘функция’, который учтен, например, в дефиниции БТС – ‘название какого-л. произведения или его части (*обычно отражающее его основную идею*)’ [БТС, 2000, с. 316] (Курсив наш. – В. Д.).

В «Большом толковом словаре русских существительных» рассматриваемое понятие дефинируется как ‘часть текста, помещенная перед основным текстом, определенным образом организующая его структуру, указывающая на тему или идею произведения’ [URL: [https://gramota.ru/poisk?query=заглавие&mode=slovari&dicts\[\]=50](https://gramota.ru/poisk?query=заглавие&mode=slovari&dicts[]=50)]. По сравнению с определениями из других толковых словарей в этом есть несколько изменений: 1) обозначены *две* функции заглавия (указание на тему и идею); 2) нет упоминаний о том, что это название и подразделений произведения, но, не исключено, что автор посчитал это очевидной информацией, поэтому не стал ее включать; 3) в идентификаторе «часть текста», как кажется, отразились филологические дискуссии о взаимоотношениях заглавия и текста: является ли оно его частью, или

представляет собой автономный текст, или эти две позиции будучи крайностями нуждаются в иных подходах.

Что заглавие – это название не только текста, но и его структурно-композиционных единиц, отмечено и в энциклопедическом словаре «Книговедение» (1982): «*З. всего произведения* помещается на титульных элементах, *частей* – на шмуцтитуле, спуске, в разрез текста, в подбор к тексту, в виде маргиналия на поле [Книговедение..., 1982, с. 184] (Курсив наш. – В. Д.). В энциклопедии «Книга» (1999), напротив, такой информации в дефиниции нет.

Значение закреплено за номинациями *внутреннее заглавие, промежуточный заголовок, внутренний заголовок* и т. д. Ученые, занимающиеся библионимическими изысканиями, часто цитируют мысль основоположника поэтики заглавий С. Д. Кржижановского, который утверждал, что заглавие «вправе выдавать себя за *главное* книги» [Кржижановский, 1931, с. 3]. Применимо ли это положение к *внутреннему заглавию*? (понятие, используемое Н. А. Фатеевой, А. В. Ламзиной и мн. др.). Например, в относительно небольшом двухчастном романе В. Т. Нарезного «*Аристион, или Перевоспитание*» (1822) в общей сумме 73 главы, каждая имеет название. Следует ли и о внутренних заглавиях утверждать, что они стремятся выдавать себя «за *главное* книги»? Думаем, нет: аргументация к внутренней форме в этом случае приведет ad absurdum. Более того, существуют главы, чьи названия повторяют: а) название произведения: «*Ледяной дом*» И. И. Лажечникова, «*Привычное дело*» В. И. Белова, «*Детство*» Л. Н. Толстого», «*Cat's Cradle*» К. Воннегута, «*Туманность Андромеды*» И. А. Ефремова, «*Сандро из Чегема*» Ф. А. Искандера, «*Запруда из песка*» А. Н. Громова, «*Тринадцатый город*» С. Лукьяненко, «*Бытиё наше дырчатое*» Е. Ю. Лукина, «*Чертова кукла*» З. Гиппиус, «*Сорока на виселице*» Э. Н. Веркина, «*Магритт*» П.А. Шушканова и т. д.; б) название части книги (имеется в виду структурный раздел «часть»): «*Лезвие бритвы*» в романе И. Е. Ефремова «*Лезвие бритвы*», «*Рождение Селесты*» в романе А. И. и

С. А. Абрамовых «Селеста-7000», «Весна» в романе А. П. Казанцева «Подводное солнце (Мол Северный)». Их концептоформирующая роль более значима по сравнению с названиями других глав и менее релевантна в сравнении с внешним заглавием, которому, видимо, принадлежит право на монополию сущностных смыслов произведения. Иногда в заглавие выносятся внутритекстовый библионим, наиболее известный пример – книга «*Золотые плоды*» в одноименном романе Н. Саррот.

Понятие «внутреннее заглавие» предполагает, что есть и понятие «внешнее заглавие». Первый компонент в словосочетании «внутреннее заглавие» указывает на то, что название служит обозначением внутренних разделов произведения. Возможно и альтернативное понимание: это название иноавторского текста, то есть произведения *внутри* художественного мира, например, повесть «*Шинель*», которую читал Макар Деушкин в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди» (1846), или поэма «*Эфемериды*», написанная поэтом Бриссенденом в романе Дж. Лондона «Мартин Иден» (1909). Такая трактовка менее ожидаема, однако есть и более веские доводы в пользу отказа от употребления понятия «внутреннее заглавие». Во-первых, под ним может пониматься несколько иное явление: так, Ю. П. Агеева, рассматривая заголовочный комплекс в авторских циклах произведений, выдвигает оппозицию «общее заглавие – внутреннее заглавие», под вторым членом пары понимается название рассказа в прозаическом микроцикле [Агеева, 2014, с. 256]. Действительно, если автор создает прозаический и поэтический сборник / цикл, то названия образующих его текстов по отношению к внешнему заглавию могут рассматриваться как внутренние (это не касается изданий типа «собрание сочинений»). По-видимому, это справедливо и для названий произведений, входящих в антологию, составленную редактором. Если принять во внимание указанные факты, то выбор номинации «внутреннее заглавие» для передачи значения ‘название части текста’ оказывается небесспорным.

Проблематичны номинации *промежуточный заголовок* и *внутренний заголовок*. Первую приводит в учебном пособии по интерпретации текста В. А. Кухаренко [Кухаренко, 1988, с. 91] (Н. Ю. Степанова дает дефиницию этому понятию в статье [Степанова, 2021, с. 2]). Проблематичность обусловлена диффузностью референциальной отнесенности слова «заголовок». Авторы «Экспериментального системного толкового словаря стилистических терминов» определяют его как ‘название относительно небольшого текста в составе более крупного’ [Никитина, Васильева, 1996, с. 73], сферой применения термина указывают только публицистические и научные тексты, а у термина «заглавие» – только художественные. Ср. также попытки дифференцировать употребление понятий *заглавие* и *заголовок*: «Первый – заглавие – оставляют для названия любых художественных произведений, второй – заголовок – относят к публицистическим текстам» [Устинова, 2023, с. 317].

Реальная картина употребления данных понятий в научных публикациях не подтверждает такое однозначное распределение: как правило, *заголовок* и *заглавие* используются как синонимы, хотя гораздо реже такая взаимозамена наблюдается в работах, посвященных анализу текстов публицистического стиля (газет, репортажей и т. д.), что видно из названий диссертаций. В «Грамматике-80» предпочтение отдается номинации «заголовок», и это всегда заголовок газетного текста (6 включений во втором томе).

Обратим внимание на неточность, допущенную в приведенном определении: научный журнал или газета не составляют *единого* текста («более крупного»), в составе которого находятся «относительно небольшие тексты» – научные и газетные статьи, соответственно. Такая дефиниция в большей степени раскрывает сущность внутренних заголовков (в особых случаях – внутритекстовых библионимов), однако остается неясным, имелись ли они в виду. И, в конечном счете, объем частей или глав художественного произведения не всегда можно признать «относительно небольшим».

«Большой универсальный словарь русского языка» определяет заголовок как ‘название какого-л. (обычно небольшого) текстового произведения, статьи или части какого-л. текстового произведения, а тжж. такое название с точки зрения его внешнего оформления’ [БУСРЯ, 2023, с. 316]. В область демонстрации сочетаемости лексемы не включены примеры со словами *часть*, *глава*, несмотря на наличие в дефиниции признака ‘название части какого-л. текстового произведения’.

Отметим, что в БАС и МАС лексемы *заглавие* и *заголовок* подаются как синонимичные, а Н. Н. Устинова, представитель Воронежской ономастической школы, считает: «Термин “библионим” является синонимом слову, обозначающему заголовок» [Устинова, 2022, с. 61]. С учетом указанных нами обстоятельств и рассмотренных выше определений эту трактовку нельзя считать целесообразной.

Гораздо чаще, чем словосочетание «внутреннее заглавие» или «внутренний заголовок», употребляются нетерминологические сочетания «заглавие N», «заголовок главы», «название N», существенно реже – «имя N».

К сказанному добавим, что практически со всеми словами, обозначающими композиционно-структурную часть текста (часть, акт, раздел и др.), слово *заглавие* сочетается свободно и нормативно. Нарушается рестриктивная норма при сочетании слова *заглавие* со словом *глава* (*заглавие главы* – звуковая тавтология). Подобное нарушение, конечно, не должно считаться убедительным основанием для отказа в использовании этого двухкомпонентного сочетания, тем более, тавтология устраняется через замену *заглавия* синонимичным словом *заголовок*. В некоторых работах встречается плеонастическая конструкция: «Внутренние заголовки разделов только усиливают и конкретизируют основной заголовок “Загон”...» [Горячкина, 1963, с. 167]. Видимо, впервые это словосочетание использовал в своей программной книге С. Д. Кржижановский [Кржижановский, 1931, с. 29]; оно создает неверное впечатление, что существуют и внешние заголовки разделов, а таких в *художественном* тексте нет.

Словосочетание *заголовок главы* встречается в писательской практике с 30-х гг. XIX в. (по данным Национального корпуса русского языка, НКРЯ), например: «И потому еще нехорошо угадывать наперед в заголовке каждой главы рассказа содержание ее, что не всегда угодишь да утрафишь; шестую главу, например, поместили мы: «Евсей Стахеевич поехал в Петербург», а выходит, он не поехал, а сел в Черной Грязи; поедет же, коли поедет, – в седьмой» [В. И. Даль. Бедовик (1839)]. Текст В. И. Даля примечателен тем, что в нем содержатся редкая для писателей рефлексия над внутренними заголовками. Повествователь скептически относится к практике заголовков-синописов: «Вот извольте ли видеть, как дурен этот обычай делать наперед уже надпись или заголовок перед каждой главой!» [Там же]. Данные НКРЯ служат дополнительным подтверждением точки зрения В. В. Виноградова, согласно которой «заголовок в 30–40-х годах переходит границу делового, чиновничьего диапазона и в общелитературном языке расширяет свое значение и вступает в синонимическую связь с книжно-славянским словом той же основы – *заглавие*» [Виноградов, 1999, с. 761]. Корпус дает наглядное представление того, к каким жанрам применялось понятие *заголовок* раннее: рапорты, объявления, афиши, письма, декреты, завещания, показания, статьи (публицистические), газеты, прокламации, телеграммы и др.

Отметим попытки филологов развести термины *заглавие*, *название заголовок*, редко признаваемые убедительными [Богданова, 2009; Веселова, Иванова, 2011; Олюнина, 2013; Маркова, 2024]. Как правило, ученые пытаются найти отличия между этими понятиями с опорой на количественный или стилевой параметры, но встречаются и другие критерии. Г. Ю. Мальцева дифференцирует понятия *заглавие* и *название*, «исходя из внутренней формы. Заглавие – это, прежде всего, прерогатива авторская. Автор – создатель, творец, скульптор тела-текста, он подбирает достойную тела голову-заглавие, которая в универсальном виде отражает сущность текста. Лексема *название*, скорее, представляет заголовок как прерогативу читателя. *Название* – ‘называние’ – зов, на который в памяти быстро откликается и разворачивается

в цельный текст произведение» [Мальцева, 2019, с. 25]. Рассуждения автора не выглядят убедительными. В лексеме «название» авторская прерогатива также выходит на первый план, пусть и без столь отчетливых «скульптурных» коннотаций: писатель *называет* текст, дает «телу» текста имя.

Критерий «внутренний формы» не позволяет в должной мере разграничить эти понятия. Необходимо опираться на другой параметр – объем и содержание понятий. Референциальная область лексемы «заглавие» – только индивидуальные, единичные предметы (их список ограничен некоторыми продуктами творческой деятельности), а у лексемы «название» – как единичные, так и однородные (см. невозможность вопроса *какое заглавие у этого дерева?). Добавим, что в юридической терминологии в отношении объектов, регулируемых авторским правом, используется слово «название произведения», а не «заглавие».

Рассмотрим точку зрения П. В. Смородиной на соотношение понятий «заголовок» и «название». Автор разграничивает их, опираясь на формальный и стилевой критерии: «за заголовком оставляем его отнесенность к небольшим текстам в основном публицистического содержания (газетным статьям, брошюрам и т.п.)» [Смородина, 2009, с. 65], «за названием оставляем его отнесенность к текстам большого литературного плана – художественным произведениям прозаического, поэтического, былинного и драматургического жанров» [Там же]. Автор исходит из того, что понятие «заголовочный комплекс» разделяется на понятия «заголовок» и «название». Неясно, во-первых, какое место в этом ряду занимает понятие «заглавие», вернее, почему оно не становится предметом референцирующих усилий; во-вторых, куда следует отнести наименования текстов научного и официально-делового стилей (за последними в ономастике закреплён термин «документоним»).

Согласно мнению Т. В. Васильевой, «интуитивно слово “заглавие” ощущается как применимое к большим по объемам произведениям, нежели слово “заголовок”» [Васильева, 2005, с. 20]. В осмыслении указанных понятий интуиция, безусловно, обладает меньшей доказательной силой, чем научная

рефлексия. Ученые чаще всего используют эти понятия как синонимы, причем это устоявшаяся традиция.

Закрепить употребление научным сообществом *заглавия* исключительно как имени текста любого объема и стиля, а *заголовка* (факультативно – с добавлением к нему квалификаторов «промежуточный», «внутренний») как названия части произведения не представляется возможным.

Признак ‘название отдельной части произведения’ входит / не входит в содержание ономастических терминов. В «конкурирующем» с литературоведческими понятиями ономастическом термине «библионим» указание на именование части текста не содержится и вряд ли подразумевается, что продиктовано значением первого терминоэлемента (греч. βιβλίον – ‘книга’) – ‘вид идеонима; название, заглавие любого письменного произведения художественного, религиозного, научного, политического и т. д.’ [Подольская, 1988, с. 42]. Следуя этому определению, мы не должны, говоря о заглавиях формально выделенных частей текста, использовать термин «библионим», несмотря на «проприальное» равноправие данных названий с *начальным, общим* заглавием. Вариант с уточнением этого термина путем добавления идентификатора *внутритекстовый* неприемлемо по той причине, что он не позволяет точно отразить сущность явления, а именно указать на то, что перед нами название той или иной *части* произведения (субтекста), а не *целого* текста. Правильнее понимать термин «внутритекстовый библионим» как имя любого текста, которое упоминается в произведении, противопоставляя его термину «предтекстовый библионим», или «надтекстовый библионим». Недостаток такого решения – объединение под одной номинацией двух явлений, при этом она оказывается двухсловной (ср. однословное «заглавие»).

Возможность создания таких терминобозначений поддерживается существованием традиции использования ономастических терминов-словосочетаний, вроде административный / природный хороним, литературный антропоним и др.

Чтобы подчеркнуть разграничение (имя в тексте и вне его), можно было бы ввести термины *интрабиблионим* (лат. *intra* – ‘внутри’) и *экстрабиблионим* (лат. *extra* – ‘снаружи, вне’).

Определение, данное Н. В. Подольской в «Словаре русской ономастической терминологии», можно охарактеризовать как узкую трактовку библионима, при широком же подходе «библионим» содержательно равен «заглавию», а отличается от него «включенностью» в терминологический аппарат ономастики. Но даже в этом случае определенные идентификаторы (или сноски, оговорки от исследователя) к термину «библионим» будут требоваться в качестве уточнения, если только ученый не предложит другие термины.

С точки зрения М. А. Марковой, для названия составных частей текста «предпочтительнее использовать термин “микробиблионим”, который был введен в научный обиход Э. В. Фоминым» [Маркова, 2024, с. 45], микробиблионимами могут считаться и названия текстов, объединенных в одну книгу [Маркова, 2025, с. 21]. Она же предлагает использовать термин *макробиблионим* для «названий сборников текстов» [Там же, с. 46]. Поскольку, библионим трактуется как название любого текста, но не как название текста и его *частей*, то терминологический элемент *микро-*, сочетаясь с библионимом, как бы берет на себя значение ‘(составная) часть текста’. Терминологический элемент *макро-*, сочетаясь с термином библионим, образует значение ‘название книги, объединяющей n-ое кол-во текстов’ или, как дефинирует автор, ‘название сборника текстов’ (в книгоиздательском деле это значение имеет понятие «общее заглавие»). Такие значения терминов не являются простой суммой значений терминологических элементов. Получается тернарный ряд: макробиблионим – библионим – микробиблионим. В этом ряду оказываются неучтенными заглавия иноавторских текстов, присутствующих внутри художественного мира произведения. С одной стороны, можно согласиться с тем, что для такого явления нет необходимости в специальной номинации, потому что это просто *особая сфера функционирования* библионима:

«...множество заголовков предназначено для употребления отдельно от своих текстов (в оглавлениях, библиотечных каталогах, библиографических указателях, различного рода справочниках, списках, объявлениях» [Лукин, 2005, с. 93], а также в перечнях «лучших произведений», литературных канонах, тематических подборках, научных работах, экстратекстах (понятие В. Б. Крысько, используемое им по отношению к письменным памятникам древнерусского языка, но которое с полным основанием можно употреблять и в отношении других письменных источников; это записи, содержащиеся на полях, писцовые, читательские или редакторские приписки [Крысько, 2019, с. 15]) и собственно внутри художественной действительности, это библиототоним в своей представительской функции: «он представляет произведение во множестве других, ориентируя читателя в этом множестве» [Климкова, 2020а, с. 20]. С другой стороны, иноавторские тексты слишком своеобразны, чтобы оставлять за ними тот же термин, это произведения не только существовавших и существующих в реальности авторов, но и тексты, которые создают конкретные и безымянные персонажи литературных миров. Их работы не оказываются в официальных каталогах, но становятся «гостями» неофициальных списков. Микробиблионим и библионим связывают парциальные отношения. Понятия *заглавие произведения* и *заглавие иноавторского текста* такими отношениями не связаны.

Решение М. А. Марковой, несмотря на ряд достоинств, имеет существенный недостаток. Строго говоря, сочетание терминов *микро-* и *макро-* с основой *библионим* должно образовывать значения ‘название небольшого произведения’ (греч. *μικρός* – ‘малый, маленький’) и ‘название большого произведения’ (греч. *μακρός* – ‘большой’) соответственно, см. пару «макротопоним – микротопоним».

Так как эпические, лиро-эпические и лирические жанры соотносятся с определенным размером произведения, то на основании этого можно переопределить термины: *микробиблионим* – это название текста, соотносящегося с малой жанровой формой; *макробиблионим* – это название

текста, соотносящегося с большой жанровой формой. Вне обсуждения остались названия текстов, написанных в «средних» (промежуточных) по размеру жанрах, но и для них возможен термин – *мезобиблионимы* (по аналогии с мезотопонимами А. В. Суперанской). Следует отметить, что вопрос определения состава микро- и макробиблионимов менее дискуссионен, чем вопрос установления состава микро- и макротопонимов.

Таким образом, для передачи значения ‘название отдельной части произведения’ используются такие номинативные единицы (варианты), как *заголовок, внутреннее заглавие / заголовок, промежуточный заголовок, имя / название / заглавие N, микробиблионим*. Недостатки одних понятий обусловлены референциальной диффузностью, других – неспособностью образовывать оппозицию (*библионим – внутренний заголовок), синтагматической ограниченностью, сложившимся метаязыком в той или иной области филологических знаний. Сказанное никак не ставит под сомнение правомерность употребления некоторых из названных понятий (внутренний заголовок), целесообразность и незаменимость обращения к ним.

Подобные терминологические затруднения испытывает лингвист или литературовед, во-первых, обращаясь к анализу японских комиксов (манга), главы в которых, как правило, имеют название; во-вторых, изучая *фильмонимы* – названия фильмов, в широком понимании – и сериалов. Сложность представляют многосерийные фильмы и сериальные картины, т. к. каждая серия в них часто бывает озаглавленной. Так, советская телекартина «Тени исчезают в полдень» (1970–1971, реж. В. Краснопольский, В. Усков) содержит серии с названиями «Красная Марья», «Пришлые люди», «Горькое счастье» и др.

Итак, чтобы оставаться в рамках терминологической системы ономастики (ее раздела – библионимики) и в то же время не изобретать новые термины, введем индексы-различители: *totum* (‘целое’), *pars* (‘часть’), *intra* (‘внутри’). Тогда **библиототоним** (библионим_{totum}) – это название целого произведения; **библиопартионим** (библионим_{pars}) – это название части

произведения, а **интрабиблионим** (библионим_{intra}) – название иноавторского текста.

В качестве замены термина *макробиблионим* (в трактовке М. А. Марковой) предлагаем использовать термин **библионим_{concorporatio}** – название сборника, цикла, антологии текстов (*concorporatio* – ‘объединение’), этот термин графически и произносительно не очень удобен, но более точен. Для воспроизведения ономастического контекста (отсылки к исследовательскому полю литературной ономастики, а не к полю литературоведения) необходимо использование группы соответствующих терминов.

Главная уязвимость предложенного решения связана с частнодисциплинарной научной значимостью термина «библионим», полноценный трансфер которого в другие дисциплины и направления литературоведения и лингвистики вряд ли когда-нибудь произойдет (ср., например, с судьбой терминов «антропоним», «топоним», широко употребляемых в других научных областях). Это, как представляется, никак не помешает взаимопониманию между представителями филологических наук и построению системы целостного и адекватного знания об онимной реальности художественного текста.

В диссертации в качестве взаимозаменяемых будут использоваться номинации: 1) библиототоним – предтекстовый библионим – внешнее заглавие – библионим_{totum} – заглавие; 2) библиопартионим – внутренний заголовок – библионим_{pars} – заголовок; 3) интрабиблионим – внутритекстовый библионим – библионим_{intra}. Эти единицы образуют библионимическое пространство текста.

Установив состав единиц, изучаемых библионимикой, дадим определение этого ономастического направления исследований: **библионимика** – раздел ономастики, изучающий систему библионимов письменного текста, закономерности их происхождения, структурного, семантического и прагматического развития, специфику функционирования в

произведениях разных стилей и жанров. Могут изучаться и названия устных произведений (М. М. Торчинский предложил для них термин «оратионим»: «оратионіми – власні назви усних творів» [Торчинський, 2008, с. 222]), например, публичные лекции в неакадемических пространствах, речи-экспромты, все виды озаглавленных речей, которые не фиксируются на материальном носителе из-за специфических условий их произнесения; это и мифологические, фольклорные повествования этносов, не имеющих письменности. Однако нужно учитывать, что включение *устных* текстов в объем понятия «библионимика» противоречит значению первого терминоэлемента.

1.2. Библиототоним, библиопартионим, интрабиблионим: функциональные различия

Определение функций *nominum propriorum* в художественном тексте и, соответственно, создание единой и непротиворечивой их типологии – одна из «вечных» тем литературной ономастики, или поэтонимологии (в терминологии Донецкой ономастической школы). Этот тезис актуален и для разряда библионимов. Дискуссионность темы обусловлена:

1) отсутствием понятийной точности в употреблении функций, критериев их демаркации; одна и та же функция может пониматься специалистами по-разному, разные функции могут называться одинаково, иногда «функции смешиваются со средствами их выражения или объединяются в одну несколько разных функций» [Иноземцева, 2015, с. 144]. Одни исследователи выступают как «объединители», другие как «дробители». Отметим и традиционную терминологическую проблему, связанную с существованием параллельных номинаций конкретной функции: *номинативная (назывная, именующая), информационная (информативная), эмоционально-экспрессивная (эмоционально-оценочная, оценочно-экспрессивная, эмотивная), прогностическая (прогнозирующая,*

проспективная), *эстетическая* (*поэтическая*) и т. д. Не следует забывать, что «our interpretation of functions is always hypothetical» [Dvořáková, 2018, p. 44] («наша интерпретация функций всегда гипотетична»), т. е. зависит от исторического и культурного контекста, от него зависит не только интерпретация функций, но и появление их у заглавия. Так, скорее всего анахроничным будет мнение о наличии рекламной функции у названий произведений, созданных до появления книгопечатания, книгоиздательских рынков и сопутствующих им маркетинговых процессов; при любых рассуждениях о генезисе, первичности / вторичности функций языка, языковых единиц стоит помнить о риске допустить «ошибку первого использования»: «...идея о том, что вещь начинала с той функции, которую она в основном выполняет сегодня» [Бикертон, 2012, с. 203];

2) отсутствием: а) эксплицитных формулировок содержания той или иной функции (нередко о нем приходится «догадываться»: например, не так просто понять, что имеют в виду Ю. Б. Орлицкий и соавторы под «психологической функцией заглавия» [Иванченко, Орлицкий, Сухова, 2015, с. 238–325]; б) иллюстраций упомянутых в работе функций;

3) слабой разработанностью вопроса о *ядерных* и *периферийных* функциях онимов, в том числе об их жанровой обусловленности. В этом направлении отметим: параграф диссертационной работы А. В. Уразметовой о полевой структуре функционального аспекта топонимаций (на материале лексики Великобритании и США) [Уразметова, 2016, с. 43–48], статью К. Норд, которая, проанализировав обширный корпус названий разножанровой и разностилевой литературы в отношении шести функций (*distinctive, metatextual, phatic, referential, expressive, appellative* – здесь она опиралась на концепцию Р. О. Якобсона), пришла к выводу, что «some of them are common to all titles, irrespective of genre and culture, whereas others seem to be less important or even irrelevant at least for certain titles or title-genres» [Nord, 1995, p. 266] («некоторые из них являются общими для всех названий, независимо от жанра и культуры, в то время как другие кажутся менее

важными или даже неуместными, по крайней мере, для определенных названий или жанров»). Ученый указал на необходимость различать *основные* функции (essential functions: distinctive, metatextual, phatic), вытекающие из общих характеристик коммуникативной ситуации, в которой используется заглавие, и *факультативные* функции (optional functions: referential, expressive, appellative), которые определяются конкретными обстоятельствами использования заглавия. Некоторые из выделенных автором функций имеют подфункции, например, апеллятивная (advertising function и instructive function).

Разделение на общие и факультативные функции поддерживает М. Вьези [Viezzi, 2013, p. 374], классификацию функций языка, предложенную Р. О. Якобсоном, адаптируют к заглавиям и другие специалисты: одни оставляют ее без изменений, считая «наиболее исчерпывающей» [Веденёва, 2015, с. 83], другие – тем или иным образом стараются ее развивать (расширять, сокращать, переименовывать).

Довольно критически отнесся к подходу К. Норд каталонский филолог Ж. Беса Кампруби, правда, он подверг сомнению не функции, а трактовку заглавия как текста, удовлетворяющего 7 критериям текстуальности Р.-А. де Богранда и В. Дресслера: «No menys forassenyat que pensar que el títol és reconeixible pel seu estil és d'atribuir-li les propietats del Text... D'aquesta manera, Nord eleva el títol a la categoria d'*esdeveniment comunicatiu*, en lloc de reservar-li el paper, més modest, d'unitat al servei d'aquest “esdeveniment”» [Besa Camprubí, 2002, p. 130–131] («Не менее ошибочно, чем полагать, что заглавие узнаваемо по своему стилю, это приписывать ему свойства Текста... Норд, таким образом возводит заглавие в категорию *коммуникативного события*, вместо того чтобы отводить ему более скромную роль единицы, участвующей в создании этого “события”»).

М. Портильо подразделила функции заглавий художественного текста на *постоянные* и *непостоянные*. К первым она отнесла назывную, разделительную, текстообразующую, прагматическую и аксиологическую. Ко

вторым – ориентирующую, гносеологическую, восполняющую [Портильо, 1989, с. 114]. Нельзя усомниться в верности решения о разделении на эти группы, но сам их состав должен стать предметом дискуссии.

Н. Горчовская в одной из глав диссертации предприняла попытку установить релевантные функции для поджанра *high fantasy* [Gorczońska, 2018, р. 413–467]. Доминирующей функцией ономастикона этого жанра, по мнению исследователя, является творческая функция (*funkcja kreacyjna*), т. е. «*przedstawianie i uposażanie wymyślonego fantastycznego świata, natomiast pozostałe funkcje wynikają głównie “z kontekstu i możliwości percepcyjnych czytelnika”*» [Gorczońska, 2018, р. 414] («представление и оформление придуманного фантастического мира, в то время как остальные функции проистекают, главным образом, из “контекста и перцептивных способностей читателя”»). На аттрактивную функцию как на одну «из самых главных для детективной литературы» указывают О. В. Вострикова и Ю. А. Зюкова [Вострикова, Зюкова, 2022].

Н. А. Сребрянская и Е. А. Мартынова выделили ряд функций заглавий, специфичных для жанра *антиутопии*, – это функции «“зеркала”», синтеза смыслов, про- и ретроспекции, конкретизации и генерализации содержания, сопряжения реального и нереального, рамки, выполняющей композиционно-структурную и содержательную функции, интертекстуальности, послания-вызова читателю» [Сребрянская, Мартынова, 2015, с. 46]. На наш взгляд, только функция «послание-вызов читателю» может претендовать на специфичность для этого жанра, хотя существует много неантиутопических текстов, названия которых тоже содержат некое послание-вызов, предупреждение (А. И. Герцен «*Кто виноват?*», «*Кому на Руси жить хорошо*» Н. А. Некрасова, «*Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?*» Х. Маккоя и др.). Остальные же функции являются общими для названий произведений *любой* жанровой направленности, что в начале работы отметили сами авторы, но не учли в дальнейших рассуждениях.

Довольно пространное описание проблем в этой области призвано напомнить о простой мысли: эвристический потенциал функциональной классификации библионимов находится в прямой зависимости от успехов в поисках единых оснований общей типологии функций имен собственных (несмотря на заявленную во многих работах принципиальную недостижимость подобного результата), от успехов в приведении названий функций к стандартизации на базе нескольких исследовательских традиций.

Количество выделяемых функций у заглавия различно: минимальное – 3 (например, у Ж. Женнета, Г. О. Винокура), максимальное – свыше 15 (у Л. Хука). Для внутренних заголовков и заглавий, упомянутых в мире произведения, список функций не установлен. Количество функций у библионима_{totum}, библионима_{pars} и библионима_{intra} определяется их местом в «заголовочной иерархии» художественного текста. Не вызывает сомнений факт, что у названия целого текста их больше всего, причем больше таких функций, которые важны для понимания и истолкования произведения.

Библионимика (титология, теория заглавия) вряд ли требует такого разнообразия функций, царящего в работах лингвистов и литературоведов. Едва ли приемлема мысль о том, что «поскольку письменный художественный дискурс практически бесконечен, то можно утверждать, что и *функции заголовков так же бесконечны*» [Ускова, Водоватова, 2023, с. 136] (Курсив наш. – В. Д.). Подобная позиция снимает с исследователей необходимость устанавливать и уточнять номенклатуру функций. В действительности, их количество исчисляемо, а тезис о бесконечности скорее относится к «идеальному заглавию». Это понятие вводится нами по аналогии с понятиями «идеальный текст» (см. указание на ограниченность современной филологии, избравшей предметом теории текста «идеальный текст» [Москвин, 2024, с. 205–217]), тем самым оставив за пределами «идеальной текстуальности» множество образцов произведений) или «идеальный читатель», и такая аналогия выбрана неслучайно. Название текста – феномен, многочисленные высказывания о котором, нужно признать, сделаны в риторическом и

эссеистском духе. Перечисление писателями, критиками и учеными текстообразующих и смыслообразующих возможностей заглавия нередко напоминают упражнения в жанре эпидейктической речи.

Какие заглавия отвечают всем тем хрестоматийным суждениям о них, начиная с «Поэтики заглавия» С. Д. Кржижановского? Известно, что это корпус социально престижных текстов, классические поэтические и прозаические произведения XIX и XX вв., именно на этом материале прежде всего формировалась теоретическая база изучения заглавия. Прислушаемся к следующему небезосновательному мнению лингвиста: «... анализ понятийного потенциала указанного термина осуществляется сугубо описательно, создается перечень авторитетных высказываний о предмете исследования, которые формируют плоскостное смысловое поле изучаемого понятия... Таким образом, имеет место количественное приращение знания, а не качественного его развитие» [Белоусов, 2012, с. 114]. Ученый, проанализировав определенный корпус существующих дефиниций *заглавия*, построил его графосемантическую модель, представляющую понятийное пространство термина в виде иерархической системы. Понятийные поля в этой модели (например, «Автономность», «Воздействие на читателя» и др.) отражают востребованные для исследовательской практики характеристики заглавия. Эта модель, как отмечает автор, выполняет гносеологическую, прогностическую и аксиологическую функции [Там же, с. 120].

По-видимому, графосемантическая модель для внутреннего заголовка будет включать те же понятийные поля, только с другой системой иерархических связей между ними.

Парадоксален, но в целом понятен тот факт, что разряд библионимов при всей своей значимости в картине мира человека (см. номинацию *Homo Legens*) занимает периферийное положение в ономастическом поле [Крюкова, 2017, с. 171].

В таблице 1 мы показали, какие функции выполняют (не выполняют) определенные типы библионимов. Практически каждая общая функция имеет

особенности в зависимости от того, какой тип библионима ее реализует. Стоит подчеркнуть, что ни состав функций, ни их распределение не должны восприниматься как раз и навсегда установленные. Также в таблице не учитывается ядерно-периферийная организация функций, предтекстовый или внутритекстовый характер реализации функций (см. об этом: [Портильо, 1989, с. 97]).

Как известно, основная задача библиототонима – дать название тексту, библиопартионима – озаглавить его часть. Это **номинативная функция** заголовочных единиц. Вторая важная функция – сформировать общее представление о содержании целого текста (для заглавия) и его фрагментов (для внутренних заголовков) – **информационная функция**. Третья значимая роль – **прагматическая**: библиототоним привлекает внимание читателя к книге, библиопартионим – к отдельным ее частям.

Таблица 1. Общие и индивидуальные функции 3 типов библионимов

Функции	Тип библионима		
	Библиототоним	библиопартионим	интрабиблионим
Номинативная	+	+	+
Информационная	+	+	+
Соединительная	+	–	–
Изоляционная и завершающая	+	–	–
Делимитационная	–	+	–
Текстообразующая	+	+	+
Содержательно-концептуальная	+	+	+
Сюжетообразующая	–	–	+
Прагматическая:	+	+	+
1) аттрактивная;	+	+	+
2) эмоционально-экспрессивная;	+	+	+
3) коммерческая	+	–	–
Жанроуказательная	+	+	+
Характерологическая	–	–	+

1.2.1. Соединительная функция и функция изоляции и завершения

Соединительная функция и функция изоляции и завершения (Н. А. Фатеева). Внешнее заглавие обеспечивает тексту «необходимые

условия существования и функционирования как самостоятельной единицы коммуникации» [Фатеева, 2010, с. 39], становится «основным конструктивным приемом образования связности элементов текста и интеграции текста как целого» [Там же]. Внутренний заголовок по вполне понятным причинам не может быть смысловым и формальным интегратором *целого* произведения (только – целого части / некоторых частей); возможность его существования в качестве самостоятельной единицы ограничена. Одна из задач внутреннего заголовка – делимитационная (членение текста), а внешнего заглавия – интеграционная (объединение). Внутренний заголовок вместе с другими видами членений становятся «носителями ритма книги, предписывая остановки в пути, отмечая начала и концы нашего движения по тексту» [Герчук, 1984, с. 123].

Внешнее заглавие служит средством реализации глобальной имплицитной связности: «...объединяет дистантные, в значительной степени удаленные в контексте произведения языковые знаки, которые не явно, а только лишь ассоциативно осуществляют корреляцию определенных смыслов художественного текста» [Сыров, 2006, с. 297] (Курсив наш. – В. Д.). Внутренний заголовок реализуют локальную имплицитную связность. Такое разграничение не действует как правило или закон, скорее проявляет себя как закономерность, часто нарушающаяся оглавлениями, которые имеют особую смысловую и прагматическую нагрузку.

1.2.2. Аттрактивная / рекламная функция

Название рассказа «*Пробуждение*» (1983; соавт. Л. Лукина) оказывается для читателя на предтекстовом этапе смыслопостижения поливариантным: это пробуждение *кого-то* / *чего-то*? или пробуждение *от* чего-то? или *к* чему-то? или *когда-то*? физическое оно или метафизическое? Жанровая направленность произведения (например, научно-фантастическая или фэнтезийная; знание о том, что автор работает в этих жанрах) влияет на читательские гипотезы:

увеличивая или уменьшая их количество, проясняя или затемняя предположительный смысл заглавия. В контексте фантастического произведения пробуждаться могут сверхъестественные силы, древнее зло, магия, драконы и т. п.

Заглавная лексема встречается уже в первых абзацах рассказа: сначала в виде синонима «проснулся», затем – номинации «пробуждение»: «Судя по характеру пробуждения, ему предстоял черный понедельник, а то и черная неделя» [Лукина, Лукин, 1983, с. 31]. Оба слова связаны с физическим аспектом пробуждения (‘очнуться ото сна; пробудиться’ [БТС, 2000, с. 1026]). На работе безымянный главный герой открывает в себе паранормальные способности (замедление времени, манипуляция предметами, находящимися в зоне видимости, сверхобостренность органов чувств): «С чего вдруг могли в нем *проснуться* такие сверхъестественные или – как это сейчас принято говорить – паранормальные способности? Прорезались с возрастом, как зуб мудрости?» [Лукина, Лукин, 1983, с. 31] (Курсив наш. – В. Д.). Глагол «проснуться» используется в значении ‘появиться, обнаружиться (о чувстве, свойстве, качестве)’ [БТС, 2000, с. 1026]. Применение этих способностей оказалось нецелесообразным, безответственным, морально неоправданным (пакости, сделанные начальнику и мужу бывшей жены; единственный добрый поступок – это спасение кошки от падения из окна), и осознание этого приводит главного героя к мысли: «Ежедневно надо быть человеком! Ежедневно!» [Лукина, Лукин, 1983, с. 32]. Становиться, обретя сверхъестественные силы, по ту сторону добра и зла, направлять их на дела, не сообразующиеся с природой обнаруженного дара, использовать их во вред другим людям – это этически спорные или этически предосудительные действия. Поэтому мысль, которая возникает в голове героя, – это результат духовного пробуждения. И при сверхвозможностях задача трудиться стать человеком, понимая, что это процесс без финальной точки – одна из главных задач, стоящих перед каждым. Полученный дар не освобождает человека от этой обязанности. Таким образом, заголовочная номинация подразумевает как

физическую сторону пробуждения, так и интеллектуально-духовную. Пробуждение принесло герою экстраординарные способности и понимание большой ответственности за их применение, особенно если они даны на день.

Заглавие рассказа «*Строительный*» (1985; соавт. Л. Лукина) кажется информативно недостаточным: объект? материал? институт или колледж? день? что-то иное? Сложно однозначно установить частеречную принадлежность заглавного слова (своеобразная «грамматическая интрига», см. также название рассказа «*Смертельная*», внутренние заголовки «*Ностальгическая*» и «*Эзотерическая*» в повестях «*Лечиться будем*» и «*Пневматическая история*» соответственно). Действие произведения происходит на замороженной стройке, готовность которой проверяют члены комиссии. Проверка объекта прошла безуспешно, поскольку персонажи заблудились, вернее, им «помогло» заблудиться некое создание, жившее на этой стройке. Чтобы выбраться оттуда, необходимо было пройти его испытание: отгадать несколько загадок.

Интересны попытки персонажей идентифицировать вид существа: предположения о том, что он домовый или леший, отрицались при помощи лингвистической аргументации: домовый – в доме, леший – в лесу, водяной – в воде. Строительный – это наименование духа, обитающего на стройке, вероятно, неоправданно затянувшейся или заброшенной. Частеречная принадлежность заглавной лексемы – субстантивированное прилагательное. Таким образом, авторы рассказа расширяют список мифологических персонажей славянской демонологии. В него потенциально может войти еще один «дух места»: в конце текста субподрядчик со страхом заявляет, что следующий замороженный проект, который ему нужно посетить, – это библиотека: «Я вот думаю: если здесь за три года такое завелось, то там-то что же, а? [Лукина, Лукин, 2003, с. 706] (предположительно: библиотечный – дух, обитающий в библиотеке).

В рассказе «*Тайна Гнёздовских курганов*» (2004) Кандидат филологических наук Аркадий Залуженцев просит колдуна Ефрема

Нехорошева, рекомендованного ему как лучшего эксперта в области палеоинвективной лексики, помочь найти «слово, которым пращуры именовали мужскую принадлежность изначально» [Лукин, 2015а, с. 510]. Узнав от филолога о самой древней находке кириллической письменности, гнездовской надписи, чародей заявляет, что именно она и есть предмет поиска: «Одно-единственное слово. Перевести толком не могут. Ну какое ещё слово можно написать просто так и на чём попало?» [Там же, с. 511]. «Настоящее» значение этого слова и есть тайна курганов.

Проанализированные библиототонимы выполняют **аттрактивную функцию**. Способ привлечения внимания в первом рассказе – грамматическая недосказанность заголовочной номинации «строительный», во втором рассказе текстовым когнитивным аттрактором (термин И. А. Даниленко [Даниленко, 2022]) выступает лексема *тайна*. Оба слова создают интригу.

В соответствии с типами вопросов (причинными, целевыми и др.) можно построить классификацию интригующих названий. Например: «*Не верь глазам своим*» (1983; соавт. Л. Лукина) – почему? «*Авария*» (1988; соавт. Л. Лукина) – с кем и из-за чего? какая? «*Пока не кончилось время*» (1989; соавт. Л. Лукина) – для чего? «*Наши идут!*» (1991; соавт. Л. Лукина) – куда или откуда? с какой целью? «*Хранители*» (2001), «*Аренда*» (2013) – чего? «*За железной дверью*» (2001) – что находится за ней? «*Преимущество*» (2008) – чье? в чем? перед кем? «*Они тебя защитят*» (2014) – кто защитит и от кого? «*Мой разговор с дьяволом*» (2017) – разговор автора-повествователя или персонажа? о чем? «*Засада*» (2019) – на кого?

Безусловно, такая классификация не лишена недостатков: во-первых, к вопросительным названиям не всегда получается задать вопрос («*Что наша жизнь?*», 2002), во-вторых, к некоторым названиям можно задать сразу несколько вопросов, а это затруднит систематизирование материала, в-третьих, иногда вопрошание нецелесообразно, бесперспективно в интерпретационном отношении. Вопросы фокусируют внимание на недосказанности, неоднозначности, загадочности, неясности субъектного,

объектного, локативного, темпорального или другого аспекта пропозициональной организации библионима. Думаем, использование такой классификации ограничено методическими целями.

Автором в качестве приема привлечения внимания, выстраивания интертекстуальных отношений (диалог с традицией), создания определенного читательского прогноза развития сюжета нередко используется аллюзия. Например:

1. Библионимы_{totum}: «*Пятеро в лодке, не считая Седьмых*» (1990; соавт. Л. Лукина; ср. «Трое в лодке, не считая собаки» Джерома К. Джерома), «*И гром не грянул*» (2001; ср. «И грянул гром» Р. Брэдбери; название Е. Ю. Лукина – интертекстуальная антитеза произведению американского писателя), «*Разочарованный странник*» (2004, ср. «Очарованный странник» Н. С. Лескова) «*Время разбрасывать камни*» (2008; цитата из Книги Екклесиаста), «*Андрюиды срама не имут*» (2011; ср. фразеологизм «мертвые сраму не имут»), «*Рукопись, найденная под микроскопом (Перевод с дрозофильского)*» (2006) – аллюзия на название «Рукопись, найденная в Сарагосе» Я. Потоцкого и «Рукопись найденная в ванной» (1961) С. Лема, микрорассказ волгоградского автора представляет собой бурлескное травестирирование («пересказ определенного текста в стиле, нарочито не соответствующем теме и содержанию данного текста» [Москвин, 2023, с. 144]) первой главы Книги Бытия: в торжественном библейском слоге повествуется о сотворении «лабораторного» мира, Бог которого Морган, а жители – дрозофилы (имеется в виду американский генетик Т. Х. Морган, известный своими экспериментами с плодовой мушкой); библиототоним «*Кавалер Глюк*» «воскрешает» в памяти читателей название одноименной дебютной новеллы немецкого писателя Э. Т. А. Гофмана. Знакомство с текстом показывает, что автор использовал в заглавии онимную игру, языковой базой которой стала омонимия нарицательного и собственных имен. В произведении отечественного фантаста слово *глюк* не проприальное имя, а нарицательное: «сленг мол. субъективно приятные галлюцинации, вызванные эффектом

воздействия спиртных напитков или наркотиков' [Комлев, 1995, с. 34]; апеллатив подвергается контекстуальной онимизации, в результате которой начинает функционировать как искусственный антропоним (прозвище): «Тебе только кажется, что ты выходишь в астрал, – свысока пояснила столичная штучка. – У колдунов, особенно из глубинки, это часто... – Усмехнулась и добила: – Кавалер Глюк...» [Лукин, 2007, с. 293];

2. Библионимы_{pars}: «Слово о полку Сталпосвятов» в романе «Катали мы ваше солнце» (1998; ср. «Слово о полку Игореве»), «Между Харвой и Кимиром» в романе «Разбойничья злая луна» (1997; ср. фразеологизм «Между Сциллой и Харибдой»), «Они сошлись» в повести «Бытиё наше дырчатое» (2007; ср. «Они сошлись: вода и камень, / Стихи и проза, лед и пламень»), «На поле Куликовом» в повести «Педагогическая поэма второго порядка» (2012; одноименное стихотворение А. А. Блока), «Добрые самаритяне» (из этой же повести), «Контора пишет» в повести «Девять могил Антона Треплева» (2018; фраза «контора пишет» принадлежит Остапу Бендеру, персонажу романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»), «Волкодир» в повести «Майская ночь, или Утопленницы» (2023; отсылка к персонажу русского фольклора, с которым, согласно легендам, бился Степан Разин); «Пёс учёный» в повести «Чушь собачья» (2003; аллюзия, ср. *кот учёный* в поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила»);

3. Библионимы_{intra}: поэтический сборник Артема Стратополоха «Умножение скорби» в повести «Лечиться будем» (2008), книга «Медь звенящая» в рассказе «Пока не кончилось время» – книжные названия связаны с библейскими выражениями, ср. 1) «...кто умножает познания, умножает скорбь (Еккл. 1:18); 2) «...медь звенящая или кимвал звучащий (1 Кор. 13:1).

Прокомментируем аллюзивный библионим «Прометей прикопанный» (2005). Комический эффект заглавия основан на столкновении стилистически высокого антропонима, коннотативного имени «Прометей» [Отин, 2004, с. 288–289] и причастия «прикопанный», создающее «приземленную» ситуацию (стилистическое снижение относительно античной темы). В рассказе

говорится не о древнегреческом мифологическом герое, а о безымянном персонаже, «загадочном квартиранте» единственного дома на пустыре. Этот пустырь давно хотели сделать экономически или культурно выгодным пространством, но мешало заклятие, наложенное на дом. В незнакомце, которому сдали «реликтовую жилплощадь», в скором времени заподозрили террориста, психопата-ученого. По слухам, он мастерил черный ящик с красной кнопкой. Слухи оказались правдой, и компания, состоящая из капитана-священника, девушки-снайпера, интеллигента-рукапашника Родиона Незлобина, представителя исполнительной власти Поликрата Поликратыча собралась, чтобы остановить «самородка-изобретателя». Для помощи со снятием заклятия представитель власти обратился к пожилому колдуну Ефрему Нехорошеву и его ученику Глебу Портнягину. Номинация *Прометей прикопанный* появляется в диалоге Поликрата Поликратыча и интеллигента. На вопрос, почему Поликрат Поликратыч к решению проблемы не привлек криминальные структуры, последовал ответ: «Тупые они... Прикопают без намёка, а я отвечаю потом» [Лукин, 2015в, с. 463], на что Родион Незлобин сначала ответил: «Прометей прикопанный, – с удовольствием изрёк его рафинированный собеседник» [Там же] (изрек с удовольствием, потому что увидел возможность языковой игры), а чуть позже, задумавшись о непредсказуемости содержимого черного ящика, предложил другое сравнение: «Тогда уж скорее Пандора, чем Прометей, – неожиданно промолвил интеллигент. – Тем более ящик у него...» [Там же, с. 464] (актуализация фразеологизма «ящик Пандоры» ‘источник всевозможных бедствий, несчастий, неприятностей’ [БСРП, 2007, с. 775]).

Образ Прометея ассоциировался с *просвещением*, вероятно, именно этот ассоциативный признак коннотативного мифоантропонима послужил одним из мотивом для номинации (ситуативной) заглавного персонажа, увлекавшегося изобретательством. Прометей действовал в интересах всего человечества, а не отдельной его части. Все человечество адресатом своей деятельности выбрал персонаж рассказа волгоградского писателя, но

аксиологическая направленность действий мифологического и современного Прометея оказалась диаметрально противоположной. «Самородок» хотел погрузить мир в хаос, и это желание роднило его, скорее, с Пандорой, чье любопытство привело к тому, что в человеческий мир были впущены несчастья, нежели с Прометеем, желавшего людям благо, обучившего человечество всему, что сделало его цивилизованным. Однако мощности ящика не хватало даже на то, чтобы охватить город, поэтому «ученый психопат» не спешил нажимать кнопку.

Прометей Лукина частично оказался в ситуации мифологического Прометея: его привязали к стулу (стилистическое снижение относительно античного сюжета: не приковали к скале, а привязали к стулу). Старый колдун приказал развязать узника и позволить ему нажать на красную кнопку, что тот незамедлительно сделал, однако ничего не произошло, по крайней мере в настоящем времени и месте. Возможно, взрыв произошел в астральном плане или имеет отложенный эффект.

Итак, «прометеизм» образа героя ценностно перевернут ('благодетель человечества' → 'антиблагодетель'). Цель персонажа заключалась не в том, чтобы цивилизовать, осчастливить человечество, а в том, чтобы устроить всемирный хаос. Номинация *Прометей прикопанный* – это номинация юмористическая, она также служит средством эмоционально-оценочной характеристики безымянного заглавного персонажа. На создание комического эффекта заглавия влияет приименная характеристика «прикопанный». Чтобы оценить комический эффект заглавия, необязательно обращаться к макроконтексту произведения, читателю достаточно обладать фоновыми знаниями, а именно знанием содержания античного мифа.

Способность заглавия возбуждать любопытство читателя (в том числе через интригу) во многих работах понимается как **рекламная функция**. В зарубежных публикациях ей соответствует полностью или частично *function of seduction* (функция соблазнения к чтению и / или покупке) [Genette, 1988, p. 718], *la fonction dramatique* [Ноек, 1981, p. 277], *аперитивная функция*

(*aperitive function*) [Барт, 1989, с. 432], *функция прожектора* (*fonction de projecteur*) [Цит. по: Мау, 2008, р. 49].

В большинстве работ, посвященных изучению заглавий как публицистических, так и художественных текстов толкование рекламной функции совпадает с толкованием аттрактивной функции. С точки зрения А. В. Фатиной, которая изучала функционирование заголовочных комплексов в современной российской газете, экспрессивная, оценочная и эмоциональные функции являются частными по отношению к рекламной функции [Фатина, 2005, с. 14]. Определение рекламной функции у автора совпадает с определением аттрактивной функции.

По мнению О. Ю. Богдановой, рекламная функция является составляющей прагматической функции [Богданова, 2012, с. 141], с чем трудно не согласиться. **Прагматическая функция** связана с воздействием на адресата сообщения. Воздействие конкретизируется в таких действиях, как *заинтересовать, развеселить, удивить, запутать, обмануть* (создать эффект обманутого ожидания), *озадачить, взволновать, заинтриговать, шокировать* и т. д. С учетом этого полагаем, что прагматическая функция выступает родовым понятием по отношению к гипонимическим понятиям: аттрактивной (рекламной), эмоционально-экспрессивной, коммерческой функциям: «Данная функция включает в свой состав рекламную и эмотивную функции» [Долгирева, 2002, с. 38]. Название художественного текста, справедливо подчеркивает Ч. Гривель, «n'est pas producteur d'univocité; il fait entendre, il fait attendre, deviner, désirer» [Grivel, 1973, р. 172] («не является производителем однозначности; оно заставляет слышать, заставляет ждать, гадать, желать»).

1.2.3. Рекламно-маркетинговая / коммерческая функция

Известно, что рекламная функция заглавия может быть связана с маркетинговыми стратегиями продвижения произведения. Е. А. Тутатина одной из важнейших функций названия художественной книги признает

рекламно-маркетинговую и связывает ее не только с привлечением внимания, но и влиянием на продажи [Тутатина, 2021, с. 151] (особенно это касается современной массовой литературы). Заглавие должно «to ensure that as a commodity the artifact stands out among its competitors, thereby maximizing its opportunity for consumption» [Symes, 1992, p. 19] («выделить артефакт как товар среди своих конкурентов, тем самым максимизируя возможность его потребления»). С тех пор как произведения искусства включаются в товарно-денежные отношения, «commercial considerations can affect titles, or cause them to be changed» [Lodge, 1993, p. 195] («коммерческие соображения могут влиять на названия, и стать причиной их изменения»).

В номинации **коммерческая функция** (*commercial function* [Shevlin, 1999, p. 63], *рыночная функция* [Эткинд, 1998, с. 563]) еще сильнее акцентируются отношения заглавия с финансовой стороной книгоиздания, поэтому, как кажется, было бы логично рассматривать двоякое проявление рекламной функции библионима: 1) с преобладанием коммерческой интенции (коммерческая функция); 2) с преобладанием аттрактивной интенции (аттрактивная функция); коммерческая направленность заглавия может полностью отсутствовать, например, если произведение «пишется в стол», выкладывается в свободный доступ на Интернет-платформах, предназначенных для начинающих или состоявшихся авторов (волгоградский писатель в 2024 г. опубликовал 6 рассказов на сайте Author. Today), если текст пишется для конкурса и т. д. В силу этого неточным представляется утверждение нидерландского литературоведа Л. Хука: «**la fonction publicitaire du titre presente le texte comme un objet vendable... que le titre n'affiche jamais ouvertement cette fonction; eile n'en est pas moins presente dans tout titre**» [Hoek, 1981, p. 278] («Рекламная функция заглавия представляет текст как объект продажи... хотя заглавие никогда не демонстрирует эту функцию открыто; она, тем не менее, присутствует в любом названии»). Эта функция может: а) открыто подчеркиваться (к примеру, заглавия-эпигоны среди литературы,

кинофильмов и сериалов, компьютерных игр); б) отсутствовать во многих названиях.

Проведенное разграничение весьма условно, так как вероятность того, что исследователю удастся с достаточной четкостью установить доминирование аттрактивной или коммерческой функции, не выглядит высокой. Необходимо учитывать род и жанр литературы, литературную иерархию («высокая», «массовая» словесность) и моду, тип читателей, анализируемую эпоху и ее книгоиздательские практики.

Включенность книги в рыночный процесс обуславливает появление у заглавия коммерческой функции и усиление аттрактивной. При конструировании заглавия автор (или издатель) может исходить преимущественно из деловых соображений. С этой точки зрения название должно обеспечить максимальную «продаваемость» книги, соответственно, коммерческая функция выходит на первый план. Небезынтересен исторический аспект этой проблемы. Так, Э. Ф. Шевлин, изучив на материале английских произведений эволюцию названий, их первоначальные функции, отношения между коммерческой, описательной и эстетической функциями, отметила, что на протяжении первой половины XVII века формулировка заглавий была продиктована в большей степени маркетинговыми целями: «commercial considerations continued to eclipse the development of the title's aesthetic relationship to the text it labeled» [Shevlin, 1999, p. 52] («коммерческие соображения продолжали затмевать развитие эстетического отношения названия к тексту, который оно обозначало»). В XIX в., по наблюдению В. Гиббонс, в английской редакционно-издательской практике возникла тенденция к переименованию более ранних литературных произведений, «which appears to have been driven, in the main, by an ever-expanding market and the increasing commercialization of the book trade» («которая, по-видимому, была вызвана, главным образом, постоянно расширяющимся рынком и растущей коммерциализацией книжной торговли») [Gibbons, 2010, p. 9].

Говоря о современном времени, можно вспомнить истории об изменении названий романов после их успешной экранизации.

Не стоит забывать и о других маркетинговых инструментах, наряду с заглавием, повышающих привлекательность произведения в глазах читательской аудитории, – аннотация, обложка, суперобложка. В ранних печатных изданиях эта роль принадлежала титульному листу.

Библиопартионимы и интрабиблионимы коммерческую функцию не реализуют. Хотя, возможно, внутренний заголовок отчасти может реализовать эту функцию в составе оглавления (и при низкой аттрактивности и информативности основного заглавия книги). Но в этом случае, как представляется, коммерческой функцией обладает оглавление, а не конкретный заголовок.

1.2.4. Эмоционально-экспрессивная функция

Укажем способы и языковые средства выражения оценочности, эмоциональных состояний в заглавиях произведений Лукина:

1. Библиототонимы: *«Щёлк!»* (1983; соавт. Л. Лукина) – использование глагольно-междометной формы и восклицательного знака, *«Что наша жизнь?»* (2002) – риторический вопрос с аллюзивным «шлейфом», *«Звоночек»* (2004), *«Старичок на скамеечке»* (2016) – дериваты с уменьшительно-ласкательным суффиксом, *«День дурака»* (2006) – слово *дурак* имеет разговорную и экспрессивную (неодобрит.) окраску, *«Здравствуй, бессмертие!»* (2011) – риторическое обращение, *«Витёк с планеты Земля и его питомец»* – квалитативный антропоним, *«Хвостикуюлятор»* (2022) – авторский неологизм, наименование устройства для перевода с человеческого языка на кошачий, образован по аналогии с существительными типа *ретранслятор*, *дешифратор*, *синтезатор*; *«Секондхендж»* (2010) – обыгрывание имен собственных *Стоунхендж* (мегалитический комплекс) и заимствованной из английского языка лексемы *секонд-хенд* (магазин, где

продаются поддержанные вещи): «...толпа мегалитических столбов, глумливо величаемая в баклужинской прессе Секондхенджем, хотя, согласно данным радиоуглеродного анализа, хваленый английский Стоунхендж был нагроможден гораздо позже» [Лукин, 2015б, с. 692] (первая часть композита **Секондхендж** указывает на вторичность мегалитического сооружения) – контаминация Секондхендж < секонд(-хенд) + (Стоун)хендж; «*Воображалы*» (2020) – слово, образованное от глагольной основы со значением ‘лицо, названное по характерному его действию, к которому оно склонно (с экспрессивной окраской, преимущ. неодобрительной; в разг. речи)’ [ССАСРЯ, 2016, с. 477], «*Хроноскрѣб*» (2019) – авторский неологизм;

2. Библиопартионимы: «*На лоне*» (повесть «Там, за Ахероном», 1995) – тематически окрашенная лексика, ср. нейтр. *на природе* и поэт. *на лоне природы* (в названии зависимое слово опущено), глава «*Высший кобеляж*» (повесть «Чушь собачья») – парафраз выражения *высший пилотаж*, глава «*Натуралиссимус*» (повесть «Лечиться будем») – параморфоза, ср. *генералиссимус*, глава «*Бел-горюч камушек*» (повесть «Майская ночь, или Утопленницы») – использование народно-поэтического предметного образа («бел-горюч» – фольклорный эпитет), «*Вован*» (повесть «Понерополь»), «*Танька*» (повесть «Тело, которому ты служишь», 2012) – качественные антропонимы, «*Владыка Пальмовой дороги*» (роман «Разбойничья злая луна») – использование слова высокого стиля *владыка* (ср. нейтр. *правитель*), «*Смутьян*» (повесть «Тело, которому ты служишь») – экспрессивная номинация (неодобрит. окраска), «*Мымра*» (повесть «Андрюиды срама не имут») – бранная номинация, «*Тот самый притон*» (повесть «Лечиться будем») – оценочное наименование ресторана «Последнее прибежище»; «*Шапка, шуба, есаул*» (повесть «Майская ночь, или Утопленницы») – быстрый хорей, аллитерация на *ш* и *с* создает эффект шуршания одежды (можно интерпретировать и как завывание метели, лексико-тематическая принадлежность слов и контекст позволяет говорить о зимнем хронотопе);

3. Интрабиблионимы: книжка Савелия Сироты «Промывка ауры в корень» – заглавие содержит экспрессивный фразеологизм «в корень», «Другорядь» – стилистически сниженное название, сборник стихов Николая Персткова «Окоёмы» (оба из рассказа «Не верь глазам своим») – в «Словаре русских народных говоров» у слова «окаём» («окоём») зафиксировано 7 значений и практически все из них экспрессивно-оценочны, см. ‘лентяй, тунядец’, ‘скряга, скупец’, ‘глупец, дурак’, ‘негодник, изверг’ [СРНГ, 1987, с. 106], вряд ли автор поэтической книги употребил в названии диалектизм, он использовал литературную лексему «окоём» (‘пространство, которое можно окинуть взглядом; горизонт’ [БТС, 2000, с. 708]), вошедшую в русский литературный язык, по предположению А. А. Леонтьева, «через посредство М.А. Волошина» [Леонтьев, 1964, с. 169]; от существующих в советской и современной поэзии сборников, озаглавленных этим словом (Н. Ю. Корнеев, И. А. Ерёмин, Т. А. Волобаева, А. З. Дмитриовский, В. А. Берязев, В. В. Харитонов, С. К. Шелковый), название книги Николая Персткова отличается грамматической формой лица (мн. ч.).

1.2.5. Информационная и содержательно-концептуальная функции

Заглавие (1) «foreground salient information, basic to the interpretative process» [Baicchi, 2004, p. 29] («выдвигает на передний план важную информацию, являющуюся основой процесса интерпретации»), дает «читателю целый комплекс представлений о книге» [Ламзина, 1999, с. 96]: о тематике, проблематике, мотивах, ключевых эпизодах, конфликте, образной системе, предметном мире, времени и географии действия, служащих первым шагом интерпретации произведения (*подготовительно-интерпретационная функция* [Селеменева, 2007, с. 50]); оно «содержит в себе пафос авторского изображения к изображаемому» [Бабичева, 2000, с. 62], (2) создает «первое впечатление об идее и смысле произведения» [Исхакова, 2010, с. 77], является «психо-социолингвистическим ядром этой идеи» [Кошечая, 2012, с. 32],

«содержит в себе зашифрованные автором идеи, которые последовательно излагаются в произведении» [Скрябина, 2016, с. 53], дает ««symbolic clue to its inner meanings» [Remonato, 2023, p. 39] («символическую подсказку к его внутренним смыслам»), воплощает «авторскую программу и объясняет ее смысл» [Бубнов, 2018, с. 56].

Утверждения (1) в большей или меньшей степени характеризуют и внутренние заголовки, см. указание в них на: а) персонажную систему: «*Иоганн Себастьянович*» (повесть «Тихушники», 2018), «*Николай Выверзнев, тридцать лет, подполковник*» (роман «Алая аура протопарторга», 2000), «*Карина*» («Андройды срама не имеют»); б) хронотоп: «*На улице*» («Лечиться будем»), «*Десять лет спустя*» («Педагогическая поэма второго порядка»), «*Проспект*», «*Музей*» («Понерополь»), «*Иту, база Утренних. Шестьдесят первый год высадки. День двести пятый*» (повесть «Миссионеры», соавт. Л. Лукина); в) фабульные эпизоды: «*Битва на речке Сволочи*» («Катали мы ваше солнце»), «*На приеме*», «*Бой*», «*У генерала*» («Там, за Ахероном»). Имя персонажа, оказавшееся в составе внутреннего заголовка, по всей видимости, редко становится знаком некоторого идеологического явления (ср. с позицией внешнего заглавия: «Обломов» → «обломовщина»). В этом состоит одно из качественных различий между антропонимическими библиототонимами и библиопартионимами.

Утверждения (2) в научной литературе часто вызывают возражения. Приведем точку зрения Е. А. Селивановой и В. В. Калько: «Лингвисты и литературоведы абсолютизируют свойства заголовков художественных текстов актуализировать текстовый концепт, основную идею (тему)» [Селиванова, Калько, 2021, с. 161] (авторы статьи критикуют абсолютизацию прогностической и информационной функции, показывая их периферийный статус в иронических детективах Д. Донцовой). Подобные суждения, по их мнению, являются «результатом иллюзии исследователей, уподобившихся читателям, декодировавшим содержание заглавия лишь при прочтении текста в соответствии с принципом герменевтического круга» [Там же, с. 176].

Действительно, положение о возможности библиототонима указывать на главную идею (комплекс основных идей) или тему, авторскую позицию, выражать их, прогнозировать определенное содержание применимо далеко не к каждому заглавию прозаического или поэтического произведения, особенно не к каждому названию произведения определенного исторического периода (например, античного или средневекового). Заглавие и после прочтения текста не всегда предстает «кристаллизацией» его смысла, знаком, в котором «сконцентрирована суть (смысл) произведения» [Губина, 2007, с. 98], немало библиототонимов, которые «лишь косвенно затрагивают идейно-тематическое содержание произведения, являясь своеобразным “осколком” этого содержания» [Ронгинский, 1965, с. 10]. Тем не менее, с позицией Е. А. Селивановой и В. В. Калько нельзя согласиться полностью, так как исследователи заглавия, как правило, всегда подчеркивают, что формулирование авторского концепта текста происходит не на этапе знакомства с его названием. Проблема, как кажется, терминологическая: в информационной функции совмещаются две способности библиототонима, детерминированные разными стадиями осмысления содержания произведения: 1) на предтекстовой стадии (стадии предпонимания) заглавие преимущественно выполняет роль «дорожного знака», т. е. указывает на те или иные содержательные стороны текста, задающие возможное направление его понимания и интерпретации; 2) на послетекстовой стадии название становится «носителем» определенных авторских смыслов (или «помимоавторских»), другими словами, осуществляет **содержательно-концептуальную функцию** (эта функция выделена О. Ю. Богдановой [Богданова, 2012]). В связи с этим неслучайно в некоторых работах появляются рассуждения о «предтекстовых, «внутритекстовых» и «послетекстовых» функциях библиотонима.

Более взвешенной представляется позиция Н. Ю. Веселовой и Е. В. Ивановой: «...заглавие – лишь приближение к смыслу произведения, даже если это максимально возможное приближение» [Веселова, Иванова,

2011, с. 208], ср. также некатегоричное мнение А. М. Пешковского: «Приступая к чтению книги, читатель интересуется содержанием ее и в заглавии видит *намек* на это содержание или даже сжатое выражение его» [Пешковский, 2001, с. 178] (Курсив наш. – В. Д.).

Жесткой связи информационной функции с одним из трех этапов понимания текста нет. Для библиопартионимов она может быть и «предтекстовой» функцией (если читатель изучает оглавление) и «внутритекстовой». На внутритекстовом этапе она реализуется у интрабиблионима.

Библиопартионимы, безусловно, могут вносить определенный вклад в формирование авторской концепции текста (ее экспликации), но этот вклад не является равноценным: одни заголовки имеют большее смыслообразующее значение, чем другие, особенно, если произведение включает много глав. Придает ли писатель названиям последних глав романа (или повести) более важное значение, чем названиям начальных и срединных глав? Если исходить из презумпции, что читатель постоянно соотносит прочитанное с заглавием, и аксиомы о конце текста как сильной позиции, а значит, и о внутреннем заголовке как потенциально сильной позиции, то не будет ли название заключительной главы играть одну из ключевых ролей в постижении смысла произведения? Проанализированный нами материал не дает однозначного ответа. В повести «Педагогическая поэма второго порядка» последняя глава названа «*Конец игре*», но этот внутренний заголовок обманчив, так как имеет в виду завершение только одной ролевой игры, но не политики игровизации. Грань между игрой и реальностью в вымышленном государстве Гоблино практически стерта, следовательно, нельзя говорить о конце игры. Имя заключительной части романа «Алая аура протопарторга» повторяет название предыдущей главы («*Все скопом, возраст – разнообразный, род занятий – тоже*») и не является концентрированным выражением концептуальных смыслов этой части произведения. Библиопартионим «*Похищение*» в повести «Понерополь» – это обозначение такого события, которое не могло не

произойти в Понерополе, городе негодяев (др.-греч. *πονηρός* ‘негодяй, мошенник, плут’ [Дворецкий, 1958, с. 1353], *πόλις* ‘город’). Не прислушавшись к совету быть осторожным в общении с местными девушками, интурист Влас Чубарин оказывается в итоге «жертвой» Арины, влюбившейся в него. Она действует в соответствии с получаемой в институте специальностью («бытовая интрига») и добивается того, чтобы Влас остался в городе и согласился оформить с ней брак.

Прогностическую (прогнозирующую) функцию, часто упоминаемую филологами, с нашей точки зрения, нужно рассматривать как разновидность информационной: прогнозирование – это реакция читателя на информационные качества заглавия. Ее реализуют все три типа библионима. К информационной стоит отнести и функцию, наиболее точное наименование которой передается с помощью жаргонизма «спойлер» (**спойлерная функция**). Некоторые библионимы, как правило внутренние заголовки, обладают той неприятной особенностью для читателя, что преждевременно раскрывают какие-либо важные повороты и детали сюжета.

1.2.6. Жанроуказательная функция

Считается, что «благодаря стилистической функции имена собственные могут *определять* жанровую направленность произведения» [Гаврилова, Каримуллина, 2019, с. 127], что нередко ономастикон выступает фактором жанрообразования, что имена собственные обладают жанрообразующими свойствами [Дьякова, 2006, с. 4], жанрообразующим потенциалом, способны «выполнять функцию жанрообразующих средств» [Косиченко, 2017, с. 248] и «...übten eine genresignalisierende Funktion aus» [Elsen, 2008, p. 161] («выполняют жанросигнализирующую функцию»). Например, П. В. Смородина, изучив названий драматургических текстов Шекспира, заключает: «Все названия, имеющие в своем составе имена собственные,

предваряют исключительно трагедийный текст... <...> В то же время названия, в которых отсутствуют имена собственные, наоборот, предваряют текст комедийной фабулы» [Бородина, 2009, с. 93]. В ходе изучения заглавий фантастической русской прозы 20–40-х гг. XIX в. К. В. Лазарева приходит к выводу, что «заглавие (шире – заголовочный комплекс) – это важный элемент поэтики фантастического» [Лазарева, 2008, с. 55], потому что оно реализует важный для фантастической литературы романтический принцип двоемирия.

Определим жанроуказательную функцию как способность библионима выступать маркером жанра или жанровой направленности (комической, философской, фантастической и т. д.) того или иного произведения. Простейший случай такого указания – это жанровые заглавия или названия, включающие «жанровые рефлексивы» (термин О. В. Зырянова [Зырянов, 2009]): А. С. Пушкин «Сказка о рыбаке и рыбке», Д. Китс «Ода к греческой вазе», И. Северянин «Эпиталама», И. Бродский «Лесная идиллия». По предположению И. В. Драбкиной, проанализировавшей некоторые тексты массовой литературы, «заглавие также несет в себе намек на поджанр произведения (темное фэнтези, городское фэнтези, эпическое фэнтези и т.п.)» [Драбкина, 2019, с. 20], А. Фаулер заметил, что нумеративные заголовки фантастических романов, как правило «tend to give an even more specific indication of genre. They announce a satiric dystopia» [Fowler, 1982, p. 94] («дают еще более конкретное указание на жанр. Они анонсируют сатирическую антиутопию»). Библионимы другого жанра массовой литературы также способны ориентировать на определенный жанровый тип: «Так, заслуживают внимания заглавия “иронического детектива”. Это, как правило, игра с названиями популярных кинофильмов и телепрограмм...» [Черняк, 2005, с. 273].

Более сложный случай указания – наличие в заголовочной конструкции специальной лексики, обозначающей явления, которые с высокой вероятностью встречаются в конкретном жанре. Например, в структуре заглавия следующие лексемы могут отсылать к жанру детектива – *adventure*,

mystery, case, robbery, tragedy, affair, disappearance (по произведениям классического англоязычного детектива) [Колосова, Иванова, 2023, с. 95]. Указание на космический топос содержится в названии повести Е. Ю. Лукина «Оранжевая Вега» (1967), рассказа «Астроцерковь» (1988; соавт. Л. Лукина) (астро- от греч. ἄστρον – звезда; церковь, находящаяся в космосе, звездная церковь) и романа «Раздолбай космоса, или Гений кувалды» (1997). Слово «андроиды» в названии «Андроиды срама не имут» настраивает читателя на научно-фантастическую специфику повести, «настройка» читателя к тому же поддерживается серией фантастических произведений, в заглавии которых используется слово «андроид» либо семантически близкие номинации, прежде всего имеем в виду научно-фантастический роман Ф. Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» (1968), см. также: А. Азимов «Я, робот» (1950), Б. Олдисс «А вы не андроид?» (1959), С. Лем «Сказки роботов» (1964) и др. Читатель, увидев название «Хроноскрёб» и зная о том, что в творчестве волгоградского писателя есть произведения в жанре «хронофантастика», может предположить, что тема рассказа связана с перемещением во времени. Название рассказа «Фантом с бакенбардами» (2004) носит мистический характер (фантом – ‘призрак, причудливое явление’ [БТС, 2000, с. 1416]).

Вероятно, жанроуказательную функцию следует включить в информационную на правах подфункции (репрезентация жанровых характеристик текста). Реализация этой функции интрабиблионимами и библиопартионимами специфична: первые могут быть названиями вставных жанров (вставные новеллы, истории), вторые указывают на жанровую направленность не того текста, в мире которого находятся.

Хорошо известно, что подзаголовок нередко определяет жанр произведения. По мнению П. Г. Жирунова, «в широком смысле подзаголовок входит в состав заглавия...» [Цит. по: Грицай, 2010, с. 28]. В прозе Е. Ю. Лукина 12 произведений имеют подзаголовки. Они уточняют читательское представление о жанре текста:

1. Романы (3): «Катали мы ваше солнце. *Научно-фантастический роман*», «Слепые поводыри. *Повесть об осознанной необходимости*», «Алая аура протопарторга. *Турбофэнтези*»;

2. Повести (6): «Ё. *Низкопробный детектив*», «Тело, которому ты служишь. *Производственная повесть*», «Разрешите доложить! *Солдатская сказка*», «Понерополь. *Попытки утопии*», «Пятеро в лодке, не считая Седьмых. *Мини-повесть*»; «Миссионеры. *Фантастическая хроника*», «Секондхендж. *Турбофэнтези*»;

3. Рассказы (3): «Мгновение ока. *Неокиберпанк*», «Четвёртое Ахау. *Никакая не фантастика*», «Звоночек. *Подлинная история из жизни президента Сызновской Академии паранормальных явлений Леонида Кологрива*».

Отметим факультативный характер их присутствия в зависимости от издания и издательства (серии), писательской воли. Например, они отсутствуют в вышедшем авторском сборнике (Лукин Е. Ю. Благие намерения: [сб.]. М.: АСТ: ЛЮКС, 2005). Повесть Е. Ю. и Л. Лукиных «Миссионеры» в межавторском сборнике (Фантастические рассказы и повести. Вып. 9 / Сост. А. Н. Каширин. М.: Молодая гвардия, 1990.) имеет подзаголовок «фантастическая хроника», в других изданиях он отсутствует.

1.2.7. Сюжетообразующая функция

Е. А. Трифонова [Трифорова, 2006] к названию «текстообразующая функция» в скобках добавляет «сюжетообразующая», что нельзя признать корректным, поскольку это две разных функции (см. определение текстообразующей функции имени собственного в работе [Воронова, 2000, с. 132]). Сюжетообразующей ролью могут обладать единицы всех ономастических разрядов.

Как кажется, из трех типов заглавий эту функцию реализуют только интрабиблионимы. Сюжетообразующие возможности данного типа

библионима сводятся к влиянию на фабульное развитие событий в произведении, к актуализации, «скреплению» определенных мотивных структур, повествовательных или описательных (например, при художественной дескрипции книги) линий. Библиототонимы и библиопартионимы могут ее реализовывать, вероятно, в некоторых постмодернистских произведениях, где персонажи знают о том, что являются вымышленными персонажами и книга, в мире которой они живут, как-то озаглавлена. Вполне вероятно, что роман М. Павича «Последняя любовь в Константинополе» является примером произведения, в котором названия глав осуществляют сюжетобразующую функцию: «это нелинейный роман и одновременно книга-игра, в основу которой положена идея известных карт Таро. Не случаен подзаголовок: “Пособие по гаданию”. С Таро связаны не только названия глав, но и их последовательность. Каждая глава романа имеет порядковый номер и название, которые соответствуют порядковому номеру и названию одной из карт колоды Таро... При таких особенностях структуры текста, в соответствии с предложенной здесь инструкцией по гаданию, многовариантным становится всякий путь чтения» [Никулина, 2016, с. 28].

Продемонстрируем сюжетобразующую роль интрабиблионимов в некоторых произведениях волгоградского писателя. Если убрать библионим *«Изгородь вокруг Земли»* из юмористического микрорассказа *«Во избежание»* (1983; соавт. Л. Лукина), то микрорассказ разрушится, потому как весь сюжет строится на обсуждении этого научно-фантастического романа. Редактор издательства, отмечая сюжетную оригинальность, уникальность романа и удачность его названия, обращается к автору только с одним вопросом: «Эта Изгородь... Для чего она? С какой целью ее возводят?» [Лукин, 2023, с. 161], на что получает совершенно неожиданный ответ: «Как для чего? – опешив, переспросил он. – Так ведь ежели ее не будет, непременно кто-нибудь с края Земли вниз сорвется!..» [Там же]. В рассказе *«Двадцать пятая»* (2004) молодой колдун Глеб Портнягин расследует, каким образом шпионский роман Романа Романова *«Приказано долго жить»* смог разрушить супружеские отношения.

В названии рассказа «Точка сборки» (2005) присутствует эзотерическое понятие из книги К. Кастанеды *«Магические пассы»* (книга прямо не упоминается), на нее ссылается баклужинский чародей Ефрем Нехорошев при обсуждении с учеником проблем клиента. Нарушением работы точки сборки объясняется экзистенциальный кризис одного из персонажей.

Понятно, что не все интрабиблионимы обладают сюжетообразующим потенциалом, роль некоторых ограничивается реализацией информационной функции; отметим, что специфика этой функции состоит в информировании не только об определенном содержании книги (если это материальный предмет, с которым взаимодействуют герои), но и о персонаже, его интеллектуально-духовном кругозоре (*характерологическая функция*). Так, из упоминаемых в рассказе «Пока не кончилось время» книг *«Испепеленные»*, *«Нигромант»*, *«Медь звенящая»*, *«Слепые поводыри»* только два последних библионима реализуют сюжетообразующую функцию, а первые два выступают количественной характеристикой написанного Калогером. Обратившись в банк времени, писатель Калогер узнал, что ему осталось около двух месяцев жизни. Чтобы завершить работу над романом «Слепые поводыри», этого времени было мало. После случайного разговора с незнакомой женщиной на набережной, почитательницей его трудов, которая предложила перевести ему свои оставшиеся годы, но получила отказ, он решает работать над романом, пока не кончилось время, а через некоторое время узнает, что ему осталось жить не два месяца, а два года, месяц и двадцать восемь дней.

Некоторые из рассмотренных нами функций (эмоционально-оценочная, аттрактивная) входят, согласно классификации Н. А. Фатеевой, в содержание *эстетической функции* (вернее в «область значений эстетической функции» [Фатеева, 2010, с. 43]. Понятие «эстетическая функция» не поддается однозначной трактовке (это понятие слишком широкое), поэтому она не нашла отражения в таблице.

Таким образом, мы установили, что специфичными для библиототонимов является соединительная, коммерческая функции, функция изоляции и завершения (Н. А. Фатеева); для интрабиблионимов – сюжетообразующая и характерологическая. Общими для трех типов библионимов должны быть признаны номинативная, информационная, жанроуказательная, текстообразующая, прагматическая (членимая на аттрактивную, эмоционально-экспрессивную) функции.

Реализация общих для всех типов библионимов функций имеет свои особенности, отличается и их ядерно-периферийная организация. Например, информационная функция внутреннего заголовка осуществляется как на предтекстовом этапе осмысления произведения (если читатель знакомится с оглавлением), так и на внутритекстовом. Информационная функция внутреннего заголовка на внутритекстовой стадии понимания текста может семантически осложняться, на это влияют сведения, полученные из предшествующих частей произведения (информационная функция заглавия первой части или главы книги не осложняется).

Подчеркнем, что мы анализировали только те функции, которые часто встречаются в филологических работах и, как правило, не вызывают инотолкований. Перечень предложенных в исследовательской литературе функций гораздо шире, некоторые из них имеют очень ограниченную сферу применения ввиду особых условий, которые «активируют» их реализацию, например: «Pragmatyczne cele przyświecają też takim konstrukcjom leksykalnym w ideonimach, które zapowiadają pewne założenia edukacyjne utworu. Chodzi tu przede wszystkim o serie logopedyczne (*Puma Pimi; Pucio*), których tytuły, a przynajmniej pierwszy identyfikujący ich człon, są skonstruowane na zasadzie połączenia dwóch sylab otwartych, łatwych do odczytania... W istocie serie te mają za zadanie głównie... wspomaganie wczesnej nauki czytania» [Szurek, Zmuda, 2020, p. 295] («Прагматические цели преследуют и такие лексические конструкции в идеонимах, которые предвещают определенные образовательные предпосылки произведения. Речь идет, прежде всего, о

логопедических сериях (*Puma Pimi; Pucio*), названия которых, или, по крайней мере, первый идентифицирующий их член, сконструированы по принципу объединения двух открытых слогов, легко читаемых ... По сути, эти серии в основном предназначены для ... содействия раннему обучению чтению»).

Требуется дополнительное изучение того, являются ли функции, встречающиеся в исследовательской литературе, но не включенные нами в таблицу: 1) общими для всех типов библионимов или только для библиототонимов и библиопартионимов; 2) индивидуальными.

Констатируем, что библиототонимы микрорассказов и рассказов, внутренние заголовки в повестях и романах волгоградского писателя-фантаста Е. Ю. Лукина характеризуются функциональным разнообразием. Написать произведение так, чтобы заголовочные единицы осуществляли разнообразные функции, были семантически и ассоциативно связаны с разными видами контекста – это признак ономастического мастерства писателя.

1.3. Иерархия заголовочных единиц в художественном тексте и место в ней библионимической доминанты

В этом параграфе библиототонимы, библиопартионимы и интрабиблионимы рассматриваются как единицы, образующие различные «библионимные» иерархии. Внешние заглавия, внутренние заголовки, названия иноавторских текстов, включенных в мир произведения, образуют **иерархию первого типа**. Перечень внутренних заголовков, или оглавление, представляет собой **иерархию второго типа**. Также в этой части работы сделана попытка развить понятия «модель ономастического творчества» и «ономастическая доминанта», предложенных представителями Воронежской ономастической школы (С. А. Скуридиной и Н. Б. Бугаковой).

Хотя паратекстуальным отношениям заглавия, заголовочно-финального комплекса и текста уделяется много внимания, следует признать, что не все, с одной стороны, *заголовочные элементы* (например, вопрос об исторической

поэтике внутренних заголовков изучен слабо, ср. с диахроническими разработками понятия «заглавие» [Тутатина, 2019; Строганов, 2021; Королева, 2022]), а с другой стороны, *связи* между ними становятся предметом глубокого и равного интереса.

Иерархия заглавий в художественном тексте, пожалуй, до сих пор остается на периферии академического внимания, хотя было бы неверно говорить, что не изучается вовсе. Так, применительно к древнерусским памятникам письменности М. С. Крутова вводит понятие *номинативный комплекс*, в него входит «целая система названий, находящихся на книге, в книге, вне книги» [Крутова, 2010, с. 10], о иерархии заглавий в таком комплексе пишет Н. Л. Панина [Панина, 2013, с. 22]. С. Н. Патапенко предлагает рассматривать заголовочный комплекс как двухуровневую структуру, видеть в нем внешний и внутренний аспекты: «Под внешним понимается начальный рамочный текст повести, внутренний включает оглавление, т. е. заглавия входящих в него структурных единиц» [Патапенко, 2019, с. 255], внутренний аспект подчиняется внешнему. О иерархии паратекстуальных элементов пишет и французский литературовед Ж. Женетт, автор термина «паратекст» и других важных для теории заглавий понятий [Génette, 1997, p. 55–64]. Э. А. Лазаревой соотношения над- и подзаголовочных элементов с текстом «напоминают вращение электронов вокруг ядра атома» [Лазарева, 2006, с. 162]. Заголовочные ансамбли изучались на материале газетных текстов [Лазарева, 2006; Зекиева, 2011; Гордиенко, 2023]. Проблема иерархизации заглавий была обозначена в концепции XXIII Международной научной конференции «Феномен заглавия» (2019)», традиционно организуемой РГГУ и ИМЛИ РАН. В работах, посвященных технической редакции книги, важное место принадлежит обсуждению иерархии тех или иных компонентов (заголовочных, шрифтовых и т. д.), принципам деления, см. в этой связи понятие *рубрикация*: «Рубрикация – это система заголовков издания, которую для наглядности представляют в виде лестницы, где заголовки разной значимости занимают разные ступени...»

[Мильчин, 2009, с. 13]. Здесь нельзя не вспомнить о труде А. А. Реформатского «Техническая редакция книги» (1933) и рассуждений в ней об архитектонике книги, ее «этажах» и «осях» (глава «Архитектоника книги и ее выражение в системе заголовков» [Реформатский, 1933, с. 118–144]).

Рассмотрим пример возможной иерархии библионимов. В художественном тексте система заглавий менее разветвленная, чем в текстах других стилей, поэтому ее иерархия будет более простой. *Формальное основание* предлагаемой иерархии – позиция библионима по отношению к тексту: (1) надтекстовое / предтекстовое: положение *над* целым текстом или его составными частями: сначала идет заглавие всего текста (абсолютно начальная позиция), или **библиототоним**, вероятно, вместе с подзаголовком при его наличии (его включение и исключение из заглавия менялось с течением времени); затем – названия его томов, частей, глав, т. е. внутренние заголовки, или **библиопартионимы**; (2) внутритекстовое положение: **интрабиблионимы** – названия произведений, написанных: а) в реальном мире, б) в мире художественном – оба подвида вводятся в содержание эксплицитно и / или имплицитно. Такие заглавия могут употребляться как в речи повествователя, так и речи персонажей, вербально, иногда и физически («образ книги») присутствуют в художественном проведении, эксплицитно и / или имплицитно располагаются в его словесной ткани. Что касается предтекстовых библионимов, то «герои, как правило, не знают, что живут в озаглавленном мире. Для них все в мире имеет (или может иметь) имя, но сам мир имени не имеет» [Подковырин, 2011, с. 101] – позиция, корректируемая разве что некоторыми постмодернистскими нарративными экспериментами. *Функционально-семантическое основание* – учет смыслообразующей и функциональной роли библионимов, их идейно-проблематической, сюжетно-мотивной, рецептивной, частотной значимостей. Понятно, что «экспонируемая позиция» (понятие М. Gawlak [Gawlak, 2015, p. 56]) предоставляет предтекстовым библионимам гораздо больше возможностей воздействовать на читателя, чем внутритекстовым, однако в тех ситуациях,

когда интрабиблионим становится библионимической доминантой (об этом далее), он способен «подняться» в библионимической иерархии.

Схему иерархии заглавий, уровней взаимодействия между ними в художественном тексте можно представить следующим образом (см. Рис. 1).

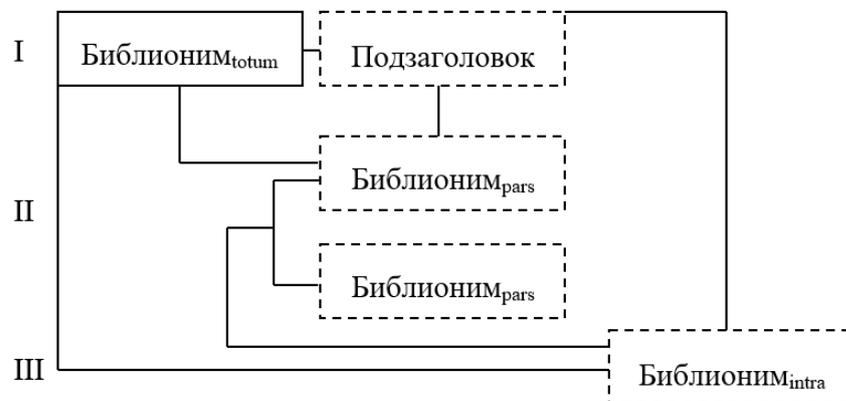

Рис. 1. Схема иерархии библионимов в художественном тексте

Римскими цифрами обозначены уровни подчинения (смысловые рамки взаимодействия): на I уровне предтекстовому библиониму подчинены подзаголовок (он уточняет или расширяет заглавие в каком-либо отношении: тематическом, жанровом и т. д.) и названия частей произведения, подзаголовку подчинены внутренние заголовки; на II уровне – отношения между внутренними заголовками; на III уровне – внутритекстовый библионим (-ы) подчинен предтекстовому и связан с теми главами (их названиями), в которых он появляется.

Пунктирная рамка подчеркивает факультативный характер присутствия подзаголовка, библиопартионимов и интрабиблионимов. Пунктирная рамка может указывать и на скрытое функционирование интрабиблионимов, то есть их бытование в повествовании не в виде имен собственных, а в виде (1) текстовых, иногда и визуальных фрагментов, по которым читатель узнает претекст, (2) книг, безымянность которых компенсируется их словесным описанием, пересказом содержания, упоминанием автора вместо названия произведения (метонимия) и другими ситуационными факторами, от которых зависит идентификация читателем заглавия.

В зависимости от разнообразия использованных писателем заголовочных единиц усложняется и схема. Например, интрабиблионимы могут взаимодействовать и между собой (с учетом того, находятся они в одной части текста или в разных). Иерархия будет принимать более сложный вид в художественном цикле.

Важный шаг в развитии схемы – это переход к функциональной иерархии. Очевидно, что библиопартионим будет выполнять не все функции, свойственные библиототониму, внутренние заголовки в функциональном отношении будут ближе к имени произведения, чем имена текстов, упомянутых внутри книги, и некоторые функции они будут реализовать менее регулярно.

Даже в выполнении одинаковых функций возможны качественные различия, например, если, интрабиблионим реализует комическую функцию, то прагматического эффекта она достигает как у персонажа, так и у читателя. Только на читателя она произведет эффект в случае если это заглавие произведения. То же касается аллюзивной, интегрирующей и многих других функций. См. о полезном выделении функций, осуществляемых именами собственными по отношению к персонажам, автору и читателю [Gibka, 2019, p. 52-57]. Имя всего текста «выполняет общую функцию *когнитивного анонса*» [Кольцова, 2007, с. 16], а название части текста – частный, детерминированный уже прочитанным, когнитивный анонс. Д. Фишер писал: «The unique purpose of titling is hermeneutical: titles are names which function as guides to interpretation» [Fisher, 1984, p. 288] («Уникальная цель называния – герменевтическая: заглавия – это имена, которые служат руководством к интерпретации») – это мнение верно для всех элементов иерархии. Впрочем, эта цель не уникальна, она присуща многим другим элементам текста (см. критику *metaphor of the guide* в статье: [Adams, 1987]).

В библионимических исследованиях, как уже было сказано, в качестве объекта изучения могут быть выбраны: (а) название произведения, (б) название части произведения, (в) названия произведений, упоминаемых

повествователем или персонажами; это могут быть не только тексты, которые созданы другими писателями (например, рассказ И. А. Бунина «*Господин из Сан-Франциско*», читаемый Еленой в романе М. А. Булгакова «*Белая гвардия*»), но и тексты, «написанные» персонажами (комедия «*Изнитал*», повесть «*Рождение голубки*» в романе «*Хромая судьба*» А. и Б. Стругацких). Перечисленные объекты не образуют закрытого списка, т. к. существуют заглавия циклов, авторских сборников и т. д.

Специфику присутствия книги в книге в виде непосредственного текста, с которым тем или иным образом взаимодействуют персонажи (читают, обсуждают, покупают и т. д.), или в виде аллюзии и реминисценции активно исследуют как литературоведы, так и лингвисты (см.: [Теория и мифология книги..., 2006; Васильева, 2021; Боборыкина, 2023; Касаткина..., 2024]). Институтом мировой литературы имени А.М. Горького совместно с научно-исследовательским центром «Ф.М. Достоевский и мировая культура» проводятся международные научные онлайн-конференции «Книга в книге» (2023, 2024, 2025).

В концептуальный аппарат литературной ономастики входит понятие, «модель ономастического творчества», предложенное представителями Воронежской ономастической школы Н. Б. Бугаковой и С. А. Скуридиной в одноименной статье [Бугакова, Скуридина, 2023] (см. также диссертационную работу: [Бугакова, 2023]). Под моделью ономастического творчества понимается «не просто совокупность имен собственных определенного художественного произведения, а иерархическая структура, обладающая системными признаками, проявляющимися в индивидуально-авторском ономастическом коде» [Бугакова, Скуридина, 2023, с. 93]. Она отражает закономерности выбора и функционирования имен собственных, своеобразие мировоззрения писателя. Заметим, что подобным образом авторами определяются и понятие «ономастическая модель мира», предложенное в другой статье (см.: [Бугакова, Скуридина, 2023, с. 44]).

Модель ономастического творчества «выступает в качестве каркаса художественного произведения, который формируется на основе принципов ономастического кода» [Бугакова, 2023, с. 339]. Эти принципы регулируют отбор и создание имен собственных, их семантическую и функциональную нагрузку, взаимодействие между проприальными и апеллятивными лексемами. Так, Н. Б. Бугакова относит к принципам ономастического кода произведений А. Платонова системность, хронотопность, мифопоэтическую детерминированность, окказиональность, онимизацию апеллятивной лексики [Бугакова, 2023, с. 13], ассоциативность, социальную детерминированность, автобиографизм, соотнесённость с историческим хронотопом [Там же, с. 135]. К особенностям модели ономастического творчества писателя она причисляет, например, введение вымышленных топонимов и безымянных персонажей, использование профессионимов и мн. др.

Хотя Н. Б. Бугакова и указывает, что «модель ономастического творчества индивидуальна для каждого автора» [Там же, с. 41], некоторые из выделенных ученым принципов ономастического кода, конструирующего такую модель, являются универсальными (*системность, ассоциативность, социальная обусловленность, хронотопность*), облигаторными для определенных направлений и жанров литературы (*соотнесенность с историческим хронотопом, например, в исторических романах*), доминирующими в тех или иных эпохах или в конкретных направлениях (*мифопоэтическая детерминированность – в символизме*). Далеко не все принципы ономастического кода, выделенные С. А. Скуридиной применительно к творчеству Ф. М. Достоевского [Скуридина, 2020, с. 323], делают ономастической код его художественных текстов *уникальным*, что отмечает и сам исследователь. Такие принципы создания ономастического кода, как использование семантически маркированных антропонимов и антропонимов, отражающих противоречивость художественного образа, раскрытие семантики онима в контексте произведения, актуализация

этимологического значения онима выявляются в текстах многих писателей, являются основополагающими.

Таким образом, среди принципов формирования ономастического кода художественного текста следует, по нашему мнению, различать, во-первых, базовые, **общие, инвариантные** для всех ономастических кодов **принципы** – это, например, выделенные главой Воронежской ономастической школы Г. Ф. Ковалевым *факторы*, которые обуславливают выбор имен собственного писателем [Ковалев, 2016, с. 20–21] и на связь с которыми указывают представители школы С. А. Скуридина и Н. Б. Бугакова при разработке собственных терминологических понятий; это и направление, жанр, литературная традиция, чье влияние на стратегии выбора имен собственных было давно установлено филологами; во-вторых, **частные принципы**, благодаря которым ономастический код становится *индивидуально-авторским*.

Полагаем, что особая комбинация или необычная реализация общих принципов также индивидуализирует ономастическую систему художественного текста. Например, принцип *взаимобусловленности онимов* реализуется в таких вариантах, как взаимобусловленность антропонимов и топонимов (топоним *Маниловка* и антропоним *Манилов* в романе «Мертвые души» Н. В. Гоголя; орнитоморфная семантика топонима *Скворешники* и антропонимов *Лебядкины, Дроздовы, Гагановы* в романе «Бесы» Ф. М. Достоевского [Скуридина, 2016, с. 65]; смысловая общность антропонима *Воланд* и антропонимов, обозначающих членов его свиты в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», см. [Ковалев, 2014, с. 243–271]), взаимобусловленность топонимов, урбанонимов и эргонимов («преступная» семантика астионима *Понерополь* ‘город негодяев’ и онимов *Хлопушинский проспект, улица Бени Крика, магазин «Скупка краденного*, в повести «Понерополь» Е. Ю. Лукина) и т. д.

У писателей могут совпадать частные принципы создания ономастического кода: безымянные герои и сюжетно значимые персонажи в

отдельных произведениях М. Кундеры, Ф. Кафки и Германа Броха [Васильева 2021]), М. Метерлинка, («Слепые»), Г. Уэллса («Война миров»), А. Роб-Грийе («В лабиринте»), С. Лема («Эдем»), Х. Л. Борхеса («Вавилонская библиотека», «Книга песка», «Письмена бога»), Ж. Сарамого («Перебои в смерти»), В. М. Гаршина («Красный цветок»), И. А. Бунина («Господин из Сан-Франциско», «Кавказ», «Ночлег»), Л. Н. Андреева («Красный смех», «Ложь») и др.

Как уже было отмечено, *частный* принцип, встречающийся только в одном или нескольких текстах, т. е. являющийся периферийным для ономастического творчества того или иного автора, может оказаться ядерным для определенных жанров: использование античных мифологических имен в русской одической поэзии XVIII века [Матвеев, 2023], вымышленные география и языки (мифолингвонимы) в литературе фэнтези.

Важно разграничивать принципы ономастического кода художественного текста, группы текстов и всего творчества. Творческая эволюция писателя, безусловно, отражается на принципах ономастического кода, и в этом отношении особенно показательны авторы, обращавшиеся к самым разнообразным жанрам.

Совокупность антропонимов, зоонимов, топонимов и онимов других разрядов формирует соответствующие коды: антропонимический, зоонимический, топонимический и т. д. Эксплицированность определенного типа ономастического кода зависит от частотности, функциональной и смыслообразующей роли имен собственных в тексте. Поскольку некоторые разряды онимов делятся на классы и подклассы, возникает вопрос о целесообразности выделения соответствующих кодов. Небольшое количество, к примеру, артионимов (класс идеонимов), упомянутых в рассказе или романе, вряд ли позволяет говорить об особом коде – артионимическом, как и единичное упоминание океанонима (подкласс гидронимов) – о гидронимическом коде. Если же артионимы не просто упоминаются в тексте, а входят в более сложные отношения с его мотивно-тематической структурой

и проблемно-идейным содержанием, становятся ономастической доминантой ряда произведений писателя, то есть все основания выделять артионимический код. Картины Г. Фриза, Г. Гольбейна Младшего, Рафаэля, К. Лоррена, И. Н. Крамского, присутствующие в романах «великого пятикнижия» Ф. М. Достоевского, служат яркой иллюстрацией этого положения.

Итак, модель ономастического творчества опирается на общие (инвариантные) и частные (вариативные) принципы ономастического кода. Возможность выделения разновидности ономастического кода (антропонимический, урбанонимический и т. д.) зависит от частотности имен собственных, их функциональной и смыслопорождающей роли.

В структуру модели ономастического творчества входят ономастические доминанты разных уровней. Понятие *ономастическая доминанта* не получает дефиниции в работах Н. Б. Бугаковой и С. А. Скуридиной, но из их анализа проприального состава произведений А. Платонова и Ф. М. Достоевского следует, что это конкретная онимная единица того или иного разряда, наделенная особой смысловой, эстетической и прагматической нагрузкой в тексте, актуализирующая его ценностные, характерологические, идейные доминанты. Низкая частотность употребления имени собственного не влияет на его способность быть ономастической доминантой.

Лексическая и ономастическая доминанты соотносятся как род и вид. Понятие *лексическая доминанта* сближается с такими понятиями, как «ключевой знак» (В. А. Лукин), «ключевое слово» (Л. В. Сахарный, А. С. Штерн), «смысловая веха». Выделение ономастической доминанты соответствует логике детерминантного подхода, распространенного, согласно Л. А. Новикову, при современном анализе языка художественной литературы, этот подход характеризуется «поиском ведущих доминантных речевых средств, позволяющих выделить главные “ключевые” слова, семантические

текстовые поля и т.п., организующие целостное единство художественного текста в его эстетическом восприятии» [Новиков, 2007, с. 31].

Приведем примеры ономастических доминант разных классов и подклассов. *Антропонимическая доминанта*: А. С. Пушкин «Евгений Онегин», А. Сальников «Петровы в гриппе и вокруг него»; *гидронимическая доминанта*: А. С. Пушкин «Медный всадник» (р. Нева), М. А. Шолохов «Тихий Дон», В. Я. Шишков «Угрюм-река», А. В. Иванов «Золото бунта» (р. Чусовая), Э. А. По «Низвержение в Мальстрем» (норвежский водоворот Мальстрем); *инсулонимическая доминанта*: А. Р. Беляев «Остров погибших кораблей» (одноименный остров), Г. Уэллс «Остров доктора Моро»; *корабонимическая доминанта*: Г. Мелвилл «Моби Дик, или Белый кит» (китобойное судно «Пекод»), Н. Осяну «Невеста ветра» (фрегат «Утренняя звезда»), корабли в приключенческих романах о пиратах; *зоонимическая доминанта*: Л. Н. Толстой «Холстомер», А. И. Куприн «Белый пудель» (пудель Арто), Дж. Лондон «Белый Клык», «Зов предков» (пес Бэк), Р. Киплинг «Книга джунглей» (животные Акела, Балу, Багира и др.); Г. Н. Троепольский «Белый Бим Чёрное ухо»; *некронимическая доминанта*: А. В. Иванов «Комьюнити» (Калитниковское кладбище), О. де Бальзак «Отец Горио» (кладбище Пер-Лашез); *астронимическая доминанта*: И. А. Ефремов «Час быка» (планета Торманс), Р. Брэдбери «Марсианские хроники» (планета Марс), С. Лем «Солярис»; *фалеронимическая доминанта*: А. П. Чехов «Анна на шее», «Орден» (орден Святого Станислава); *астионимическая доминанта*: М. Е. Салтыков-Щедрин «История одного города» (город Глупов), А. Белый «Петербург», Ш. Идиатуллин «Город Брежнев», Т. Манн «Смерть в Венеции»; *годонимическая доминанта*: Н. В. Гоголь «Невский проспект», А. Н. Рыбаков «Дети Арбата»; *эргонимическая доминанта*: Д. Гуцко «Домик в Армагеддоне» (православное братство «Владычный Стяг»).

Из всех видов онимов, способных быть ономастической доминантой, библионим занимает особое место. Заглавие, как известно, представляет собой сильную позицию текста, первое авторское слово, актуализирует текстовые,

стилистические категории [Джусупов, 2013], «намечает ту доминанту, которая определяет собой все построение рассказа» [Выготский, 2018, с. 198], как имя собственное характеризуется функциями, отсутствующими у других собственных имен.

Среди всех возможных заглавий особо важны в контексте наших рассуждений те, которые возникли в результате трансонимизации. Собственные имена, оказавшиеся в позиции внешнего заглавия или внутреннего заголовка, приобретают статус ономастической доминанты. Существуют антропонимические заглавия (М. Горький «*Фома Гордеев*», Г. Флобер «*Саламбо*») и внутренние заголовки («*Надина Днепровская*» – название главы в романе «*Искуситель*» М. Н. Загоскина, «*Федор Павлович Карамазов*» – глава из романа Ф. М. Достоевского «*Бесы*»), топонимические заглавия (фэнтезийный цикл Д. Вэнса «*Лионесс*», В. Аксенов «*Остров Крым*») и внутренние заголовки («*Остров Забвения*» – название 11 главы в романе И. А. Ефремова «*Туманность Андромеды*»).

Следует уточнить, что оним, вынесенный в название целого текста или его части, на предтекстовом этапе знакомства читателя с произведением является *потенциальной* ономастической доминантой. Оним во внутреннем заголовке может быть доминантой всего текста (сквозной) либо только его части. Присутствие имени собственного в позиции внутреннего заголовка (в отличие от позиции внешнего заглавия) не означает автоматического присвоения ему статуса ономастической доминанты, т. к. в этой позиции может оказаться функционально, семантически и синергетически ограниченный оним.

Итак, библиототоним всегда является ономастической доминантой, библиопартионимы значительно реже выполняют эту роль. Лишь небольшая часть внутренних заголовков в романах (особенно многочастных, где количество именованных глав иногда доходит до ста) способна обладать сюжето-, мотиво- и смыслопорождающей силой, функциональным разнообразием, семантическими связями с другими собственными именами,

т. е. теми факторами, которые способствуют обретению ранга ономастической доминанты.

В лексический состав библионима могут входить собственные имена любых разрядов. Трансонимизация ведет не только к переходу онимов других разрядов в класс библионимов, но и к закреплению за перешедшей единицей статуса ономастической доминанты.

Определим **библионимическую доминанту** как библионим (или его функциональный аналог, «библионимоподобные» единицы), связанный с мотивно-сюжетной, хронотопической и характерологической структурами произведения, транслирующий ключевые авторские смыслы или отсылающий к важным для интерпретации и понимания художественного текста или отдельных его частей лексемам (либо наоборот, дезориентирующий читателя, приводящий его к ложным выводам о содержании), *актуализирующий* семантический и ассоциативно-коннотативный потенциал других имен собственных (предопределяющий появление у них сем, концептуально связанных с названием произведения, его частями).

Итак, понятия «ономастический код», «модель ономастического творчества», «ономастическая доминанта» представляют научную ценность для литературной ономастики, но возможность их включения в ее терминосистему требует дальнейшего обсуждения. Небезынтересно, как, например, соотносятся «модель ономастического творчества» и «ономастическая модель идиостиля» [Селеменова, Бородина, 2022, с. 141]? Каков описательный, объяснительный и предсказательный потенциал подобных моделей? Исчерпаны ли эвристические возможности термина «ономастическое пространство творчества», «ономастическое пространство художественных текстов»?

Библионимической доминантой может быть название иноавторского текста (образ конкретной книги, названной или безымянной), имплицитно или эксплицитно присутствующее в произведении. В нескольких произведениях «Баклужинского цикла» Е. Ю. Лукина книгам, с которыми взаимодействуют

персонажи, отводится важная роль. В повести «Лечиться будем» (2008) главный герой постоянно обращается к «Толковому словарю психиатрических терминов» Вадима Моисеевича Блейхера и Инны Вадимовны Крук, чтобы через призму диагнозов, описанных в словаре, интерпретировать свое поведение и поведение окружающих. Этот внутритекстовый библионим становится характерологическим знаком, или *ономастической деталью* (термин В. В. Бардаковой), выполняет «стилистическую функцию, являясь изобразительно-выразительным средством» [Бардакова, 2011, с. 33], характеризует, во-первых, образ главного героя повести, во-вторых, окружающее его общество. Чтение определенных книг как навязанное государственными институтами, так и самостоятельное, требуемое актуальностью исторической ситуации нередко становится социально-культурным знаком той или иной эпохи. Интрабиблионим реализует текстообразующую функцию, участвуя «в реализации текстовых категорий когезии и когерентности, синтактико-семантического сцепления и цементирования» [Воронова, 2000, с. 132], и сюжетообразующую. Понять значение этой функции можно, если представить отсутствие словаря в повести. Пропадет существенная часть концептуального содержания текста, пострадает характерология (прежде всего образ главного героя), нарушится сюжетная последовательность некоторых эпизодов, более того, исчезнет изрядная доля иронии и сатиры – ядро и доминанта идиостиля волгоградского писателя.

Следует помнить о том, что «мир текста <...> не совпадает с миром реальности даже в поэтике реализма» [Васильева, 2020, с. 47] (Курсив Васильевой. – В. Д.); когда оним «называет лицо, какой-нибудь топографический или другой реальный объект, ореол художественного произведения переносит его в обстановку вымысла и игры» [Калинкин, 2018, с. 70], то есть имя собственное в художественном пространстве становится «субъективным отражением объективного» [Карпенко, 1986, с. 35], и справедливо в этом свете утверждение, что «...all names in a literary text are a

part of a fictive world and are literary» [Dvořáková, 2018, p. 39] («...все имена в художественном тексте являются частью вымышленного мира и являются литературными»), а значит, и не может быть абсолютного тождества между названиями реальных объектов в художественном тексте и именами этих объектов во внехудожественной действительности, каждое из употреблений «вносит в семантическую ауру поэтонима все новые и новые грани значения» [Бувевская, 2011, с. 64], тем самым в большей или меньшей степени открепляя имя от референта. В свете сказанного необходимо подчеркнуть полуреальную природу библионима «Толковый словарь психиатрических терминов». Он получает статус полуреального из-за того, в нем содержатся как реальные термины (например, *бред альтруистический*, *бред галлюцинаторный*, *зоофилия эротическая*, *копролалия*), так и искусственно сочиненные Е. Ю. Лукиным (*патриопат*, *некропатриот*, *хрематомагия*).

В повести «**Понерополь**» (2015) значимой оказывается книга философа М. Монтеня «Опыты». Эта повесть представляет собой художественную реализацию идеи, высказанной французским мыслителем в главе «О суетности» своего эссе: «Царь Филипп собрал однажды толпу самых дурных и неисправимых людей, каких только смог разыскать, и поселил их в построенном для них городе, которому присвоил соответствующее название [ономастическая легенда Плутарха. – В. Д.]. Полагаю, что и они из самих своих пороков создали политическое объединение, а также целесообразно устроенное и справедливое общество» [Монтень, 1960, с. 220].

Если в перечисленных произведениях персонажи просто читают книги, то в другом тексте «Баклужинского цикла», повести «**Педагогическая поэма второго порядка**» (2012), по мотивам определенных книг проводятся ролевые игры. Игры становятся государство- и обществообразующим фактором.

В анализируемом тексте объективирован фикциональный мир, в котором ролевые игры по мотивам книг (художественных, религиозных и др.) во многом становятся государство- и обществообразующим фактором. Эксперимент автора заключается в «игровизации» социальной и политической

художественной реальности. «Игровизация» в сюжете осуществляется через распространение субкультуры ролевых игр на многие стороны частной и общественной жизни. Знакомство писателя с практикой ролевых игр по мотивам книг, помимо всего прочего, послужило одной из причин создания произведения: «Идею я привез из Казани. Однажды Андрей Ермолаев вытащил нас с женой на “Зиланткон”, казанский фестиваль ролевых игр, с того все и началось... Естественно, захотелось об этом что-то написать: это было совершенно неизвестное мне явление» [Баклужино и окрестности..., 2018, с. 175]. Жаргон ролевиков в тексте представлен лексемами: *квента, цивил, ролевка, реал, игротех, райигротех, гроссмейстер, железячники, бальники, занавесочки, полигонка, навильонка, дивный, мастерский* и др. К теме ролевых игр автор обращался ранее в рассказе «Что наша жизнь?» (2002).

Упомянутые писателем в «Педагогической поэме второго порядка» произведения отражены в таблице 2. Они названы повествователем или персонажами, и только они являются материалом для анализа. Присутствуют в повести и неназванные книги, атрибутируемые через упоминание литературных персонажей, цитату или ссылку на сюжетные эпизоды претекста: «*Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем*» Н. В. Гоголя, «*Анна Каренина*» Л. Н. Толстого, «*Золотая карета*» Л. М. Леонова, «*Талисман, или Ричард Львиное-Сердце в Палестине*» В. Скотта, «*Маленький принц*» А. Сент-Экзюпери, «*Хоббит, или Туда и обратно*» Дж. Р. Р. Толкина, «*Евангелие от Луки*» и мн. др.

Большинство эксплицитных заглавий реализует **номинативную** и **информационную** функцию, всем присуща **интертекстуальная функция**, но не все единицы, выполняющие эту функцию, связаны с тексто-и смыслообразованием, не все являются концептуально маркированными единицами. Далее будут рассматриваться преимущественно те номинации, чьи функции более разнообразны.

Таблица 2. Эксплицитные заголовочные конструкции: список и частотность

Название произведения	упомянутого	Кол-во упоминаний произведения	эксплицитных названия	Появление в главах
Зарубежные тексты				
1. «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкина		11		Глава 1; Глава 3; Глава 6; Глава 10
2. «Сильмариллион» Дж. Р. Р. Толкина		1		Глава 10
3. «Падение Гондолина» Дж. Р. Р. Толкина		1		Глава 10
4. «Дон Кихот» М. де Сервантеса		2		Глава 1; Глава 4
5. «Молот ведьм»		1		Глава 2
6. «Ведьмак» А. Сапковского		1		Глава 6
7. «Гарри Поттер» Дж. Роулинг		4		Глава 7; Глава 8
8. «Похождения бравого солдата Швейка» Я. Гашека		1		Глава 10
9. «Откровение Иоанна»		1		Глава 4
Отечественные тексты				
1. «Яма» А.И. Куприна		1		Глава 3
2. «Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого		3		Глава 6
3. «Война и мир» Л. Н. Толстого		1		Глава 6
4. «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина.		3		Глава 7; Глава 8; Глава 9
5. «Униженные и оскорбленные» Ф. М. Достоевского		1		Глава 8
6. «Властителям и судиям» Г. Р. Державина		1		Глава 9
7. «Многорукий бог далайна» С. В. Логинова		1		Глава 7
8. «Как узнать, не вовлечен ли ваш ребенок в ролевые игры»		3		Глава 2
Всего: 17		Всего	онимоупотреблений:	
		17/37		

Итак, сюжет разворачивается в вымышленной Республике Гоблино. Действие повести охватывает два временных периода: 1) период «гонений» на ролевое движение, он длится до государственных выборов (переворота); 2) период мнимого торжества ролевой субкультуры. До государственного переворота здесь боролись с ролевым движением: власти признавали несанкционированными собрания ролевиков (см. начальный эпизод повести – разогнанную «реконструкцию» Куликовской битвы по летописи), даже если они были официально согласованы, объявляли ролевые игры чумой,

разновидностью сатанизма, тренировкой по свержению власти, тоталитарной сектой.

По телевизору убеждали, что ролевые игры для молодежи опаснее наркомании: «Вот нет у него кольчуги – и начинается ломка! Да-да! На все пойдет: убьет, ограбит, но кольчугу купит! У родной бабки смертные украдет, на похороны отложенные» [Лукин, 2012, с. 185] (некорректная аргументация: использована ложная аналогия – увлечение ролевой игрой уподобляется увлечению наркотиками).

Для родителей было выпущено пособие *«Как узнать, не вовлечен ли ваш ребенок в ролевые игры?»*. Стоит отметить, что брошюра не придумана писателем. В 2006 г. в двенадцатом номере иркутской газеты «СМ Номер один» была опубликована статья «На бал к сатане можно попасть в Иркутске» [Улыбина 2006], содержащая подраздел «Как узнать, не вовлечен ли ваш ребенок в ролевые игры?». Эта статья вызвала критику как со стороны представителей ролевого объединения, так и со стороны тех, кто не был вовлечен в эту субкультуру.

Абсурдность, алогичность пособия заключалась в референциальной расплывчатости признаков, по которым можно распознать ролевика, на что саркастически указывает учитель литературы Савелий Павлович, сам довольно критически настроенный к ролевым играм, считающий увлечение ими блажью: «Ну ночные кошмары, бессонница – это про меня, – объявил Савелий. – О! – воскликнул он чуть погодя. – Вот и до великих добрались. “Пишет поэмы о смерти и мертвецах...” Стало быть, и Жуковский ролевик!» [Лукин, 2012, с. 173].

В одном из эпизодов повести Савелий Павлович видит, как ученики предают огню некий предмет. Знаменателен следующий за этим событием диалог учителей: «Что это было?» – «“Молот ведьм”, – ворчливо отозвался толстяк. – «А серьезно?» – «А серьезно – пособие для родителей. “Как узнать, не вовлечен ли ваш ребенок в ролевые игры”» [Лукин, 2012, с. 167]. Пособие функционально приравнивается к «роковой книге Средневековья» [Лозинский

2020], для него находится историческая аналогия. Если бы не игровой, сатирический модус произведения Е. Ю. Лукина, то *комическое* сравнение методички с «Молотом ведьм» рисковало бы превратиться в *трагическое* сравнение.

Школы особенно были заинтересованы в стигматизации ролевого движения, поскольку ученики увлекались чтением фэнтезийной литературы, по которой преимущественно и проходили ролевые игры. Литература фэнтези вытесняла «программную» классическую литературу, фэнтезийная эрзац-культура, по словам учительницы, Клары Карловны, вытесняла православную духовность.

Отметим, что связь с фэнтези (точнее, с образом гоблинов, популяризованных произведениями этого жанра) отражена в названии республики и одноименной столицы – *Гоблино*, в наименовании реки – *Гоблинка*. Название республики, конечно, не свидетельствует о том, что здесь проживают гоблины или люди, которым присущи черты этой мифической расы, скорее оно отсылает к глухим местам, закрытым пещерам (в целом – закрытым локусам), где та проживает согласно западноевропейской мифологии. Ср.: «Гоблино всегда считалось самым *глухим* уголком бывшей Сусловской державы» [Там же, с. 165] (курсив наш. – В. Д.). Уход от реальности в вымышленный мир словно жизнь гоблинов в пещере, вынужденных прятаться от солнечного света (непростой действительности).

Таким образом, интрабиблионим «*Как узнать, не вовлечен ли ваш ребенок в ролевые игры?*», помимо **информационной функции** (для персонажей и читателя), выполняет **аллюзивную** (для читателя) и **сюжетообразующую** функции. Брошюра – идеологический инструмент для борьбы с любителями ролевых игр. В затекстовой реальности газетный отрывок не оказался востребованным государственной властью, так как в ролевиках не видели угрозы. Его включение в текст повести – это демонстрация *возможного мира*, реализация принципа «а что, если...?»: что, если государство все же начало бы кампанию против модного поветрия?

Газетный отрывок становится яркой сюжетной деталью периода противостояния с субкультурой ролевиков.

В результате выборов, а фактически государственного переворота к власти пришел Шкарятин Виталий Витальевич, обещавший в случае своей победы во всем поддерживать ролевое сообщество и создать министерство ролевых игр. Мастер игры, преподаватель истории Петр Маркелович, позже ставший замминистра, был инициатором государственного переворота как ролевой игры по спасению государства: «Сейчас все они, и пираты, и губернаторы, и даже подводные чудовища, были спаяны единой целью – спасти Карибы. А заодно Мордор, Нуменор, Нарнию и Лукоморье в придачу» [Лукин, 2012, с. 198] (перечислены фэнтезийные и сказочные топонимы: *Мордор*, *Нуменор* – легендарииум Дж. Р. Р. Толкина; королевство *Нарния* – цикл романов К. С. Льюиса «Хроники Нарнии»). Именно его идея и помогла Шкарятину выиграть «выборы».

Как изменилась жизнь Гоблино спустя 10 лет? Теперь причастность к ролевым играм стала священным долгом каждого патриота (до переворота это было добровольным занятием), на них призывали, как на военные сборы, чему многие жители, в частности, сами «олдовые ролевики» не были рады и поэтому старались «эмигрировать» в разнообразные формы досуга, вернее, в «реал»: рыбалка, поход за грибами, выпивка, чтение книг, уже не связанных с фантастической тематикой.

Работы писателей-классиков в школьной программе заменили тексты Дж. Р. Р. Толкина, Н. Перумова, А. Сапковского и др. Ученики писали сочинения по произведениям авторов фэнтези. Хотя классическая литература не запрещена, некоторые жители, полагая иначе, активно доносили на ее читателей, искали и находили следы семиотического вредительства. Одним из таких следов стал выпуск классики под обложкой фэнтези-книг. Обсуждая с родителями сочинение «*Концептуальный аспект нравственного выбора хоббита Фродо*», Борька, или Боромир (имя дано в честь персонажа романа Толкина), сын старейшего ролевика Славы Савельева, высказал мысль,

встречавшуюся на страницах повести Л. Н. Толстого «Севастопольские рассказы»: «Храбрость состоит из самолюбия и деревянных нервов! – брякнул тот и, кажется, сам испугался собственной выходки» [Лукин, 2012, с. 201]. Отец позже узнал, что произведение, откуда сын заимствовал этот «циничный афоризм», принадлежит Л. Н. Толстому. Ср.: «Калугин был не штабс-капитан Михайлов, он был самолюбив и одарен деревянными нервами, то, что называют храбр, одним словом» [Толстой, 1935, с. 39].

Упоминание «Севастопольских рассказов» присутствует еще в одном эпизоде. В прошлом учитель литературы, а ныне член министерства, проверяющий классические произведения на «играбельность», Савелий Павлович объясняет своему бывшему ученику Славику, почему по произведению Л. Н. Толстого нельзя играть: «Потому что в Толстого играть – только расстраиваться. Зачем вообще человек играет? Чтобы незаметно возвысить себя в собственных глазах. Так вот с графом такая штука не проходит. Он-то как раз не придумывает людей, он именно исследует, причем беспощадно. Ну кто бы еще додумался, что каждое наше достоинство разнимается на отдельные недостатки!» [Лукин, 2012, с. 217]. Убежать от жизни и самого себя (одна из возможных причин организации ролевых игр), создавая игры по мотивам книг Л. Н. Толстого, не получится: неизбежно возвратишься к собственному «Я», останешься наедине с малоисследованной душой, противоречиями, соблазнами и страстями, из которых она соткана. Человек, по мнению Савелия Павловича, часто прибегает к внутренним ролевым играм: «Вот для интереса попроси кого-нибудь рассказать, что он за человек. И он почти наверняка поведаст о том, каким бы хотел стать. Придумает себе прошлое, настоящее...» [Там же, с. 216]. Произведения русского классика – это своеобразное горькое лекарство от такого поведения.

Для убедительности выводов в сочинении Слава Савельев решил привлечь примеры из романа «Властелин колец». Открыв наугад страницу, он прочел текст, который поразил его не меньше, чем слова сына о храбрости: «Откуда это? Из какой книги? Из какой главы? Не мог благородный

Профессор гнать такую... даже не чернуху... агитку!» [Там же, с. 202]. Это были размышления о том, что нужно для успешного ведения войны и для того, чтобы быть гением [Толстой, 1953, с. 60–61]. Под обложкой известного фэнтези находился роман-эпопея «*Война и мир*», более того, отрывок из черновых автографов и копий к III тому (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. I–VIII) романа-эпопеи (полное собрание сочинений в 90 томах, т. 14). Нахождение под обложкой «Властелина кольца» именно этого текста неслучайно: ср. представления двух писателей о войне, близость их религиозных установок; значима оппозиция двух эпопей по эстетическим принципам, потому как не столько *общее* между этими произведениями повлияло на их пересечение под одной обложкой, сколько *различное*. Филологи и прежде всего читатели неоднократно сопоставляли творения русского и британского классика, чтобы осмыслить различия между текстами. Вероятно, неслучайно и нахождение под обложкой «Гарри Поттера» «*Губернских очерков*» М. Е. Салтыкова-Щедрина, эпопеи «Война и мир» под обложкой романа «*Многорукий бог далайна*» С. В. Логинова.

Книги, упоминаемые в повести, образуют иерархию, в которой доминирующее положение принадлежит роману «*Властелин колец*». Этот интрабиблионим выполняет **текстообразующую** и **сюжетообразующую** функции. Доминирующее положение обусловлено тем, что именно произведение Дж. Р. Р. Толкина повлияло на зарождение культа ролевых игр по мотивам книг. Текст Е. Ю. Лукина и изображенный в нем мир пронизан художественными атрибутами культувого английского романа. Связь с ним мы видим в названии глав повести («*Глава 2. Рассвет по-эльфийски*»; «*Глава 4. Голова Саурана*»), в топонимах и других именах собственных (название республики, полигоны Нуменор-3 и Нуменор-4, эргоним «Око Саурана»), в диалогах, где этот роман становится предметом обсуждения (особенности психологизма, проблематика), в «игровых» именах персонажей, в эпизодической эльфийской речи (синдарин, квенья – искусственные языки, сконструированные Толкином). Роман британского писателя и произведения

Л. Н. Толстого образуют в повести эстетические оппозиции «массовое – высокое», «поверхностная психология – глубокая психология».

Итак, существование подпольных читален, переплетение и распространение запрещенки, ее тайное изучение после уроков (например, романа «Униженные и оскорбленные» Ф. М. Достоевского, лирики А. А. Блока и Н. А. Некрасова), «тайные сходки» поклонников поэтов, издание замаскированных текстов, с одной стороны, и наличие контрразведки, доносчиков, с другой, – всё это игры, только различающиеся порядком. Ключевое понятие в повести, связанное с философской оппозицией «реальность – игра», – это понятие *игры второго порядка*.

Игра второго порядка – это игра, к которой нужно подключить любого человека, не оповестив его о том, что он стал ее участником. Так, «цивилы пенсионного возраста» по-настоящему думали, что классика запрещена, а доносительство стало восприниматься (видимо, в силу недавнего советского опыта) как их обязанность, долг. Они не знали о своей включенности в игру и поэтому прекрасно вписывались в нее.

В школьной программе классической литературы не было. Инициатор ее изъятия, бывший учитель словесности Савелий Павлович, объяснил свое решение (педагогическую игру) принципом «запретный (полузапретный) плод сладок»: пока такая литература была в списке обязательного чтения, ее ненавидели, недочитывали или вовсе не читали, предпочитали ей иные жанры, когда же она оказалась под негласным неодобрением, ею заинтересовались. В конце повести иеродиакон Аскольд предлагает полузапретить веру, чтобы достичь того же успеха, которого достиг Савелий Павлович.

Демонстрацией эффективности принципа «запретный плод сладок» (или эффекта Барбары Стрейзанд) Е. Ю. Лукин не ограничивается, он также показывает возможную судьбу неформальной социокультурной практики в случае ее включения в государство-и обществообразующую деятельность: какая-либо субкультура, пропагандируемая и навязываемая государством в качестве обязательного общего дела, избыточно формализованная,

збюрократизированная будет вызывать у людей лишь раздражение, желание активно или пассивно саботировать участие в ней.

Центральное событие повести – проведение полигонной игры, ставшей уникальной благодаря своей многоуровневости (см. Рис. 2). На первом уровне ролевиков ожидала игра по мотивам романа Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец». Неорганизованность, недисциплинированность, «самовольщина», равнодушие участников приводили к комическим и абсурдным ситуациям: «Случаи дезертирства и уклонения настолько часты, что их уже трудно назвать случаями. Разложение – полное. Стража в донжоне продает цивильным у них же конфискованное спиртное» [Лукин, 2012, с. 236] (из отчета об игре на заседании министерства ролевых игр), игроки как новые, так и «олдовые» прятались от гроссмейстеров по кустам, в канавах. Однако подобные действия ролевиков, «массовый и организованный саботаж» (как выразилось высокое начальство) были предусмотрены инициатором игры Петром Маркеловичем, который нашел сюжет, где такое поведение смотрелось бы естественно и логично. Им оказался сатирический роман Я. Гашека «*Похождения бравого солдата Швейка*»: «Я ж чувствовал, что эту игру мне нарочно подсовывают – на провал. Сам видишь, какой теперь контингент! Да еще и всех отставников армейских всучили. И отказаться нельзя, и сыграть нельзя. Напрашивался Швейк, напрашивался...» [Там же, с. 242].

«Властелин Колец», пропущенный через «*Похождения бравого солдата Швейка*», – это два уровня игры, третьим уровнем стала «*игра в классики*», которую Савелий Павлович устраивал не первый год. Эта игра была призвана, по всей видимости, трансформировать телеологию чтения: способствовать переходу от чтения как способа спрятаться от реальности к чтению как способу к реальности приблизиться. Благодаря этой игре произошел возврат многих школьников и взрослых к классике, многие из них стали читать для души, а не для игры, для внутреннего развития, а не эскапизма. Иными словами, сменилась концепция чтения. Приближает ли *классическая*

литература читателя к глубокому пониманию себя и действительности, уводит ли *фэнтези* (в целом массовая литература) читателя от реальности и столкновения с собственным «Я» (бегство «из унылого вранья жизни в яркое вранье игры» [Там же, с. 176]) – это вопросы, обсуждаемые персонажами в повести, вопросы в силу сатирической направленности произведения Е. Ю. Лукина, может быть, не слишком нуждающиеся в серьезном анализе.

«Игра в классики» неожиданно переходит к концу повести на четвертый уровень (обсуждение ареста и незапланированного освобождения главы книжного подполья Савелия Павловича). Потенциальная многоуровневость полигонной игры, таким образом, грозит обернуться дурной бесконечностью, размытием онтологических критериев, т. е. неразличением игры и жизни. Серьезно отыгрывая квенту (в жаргоне ролевиков – это предыстория персонажа с описанием его мировоззренческих черт, целей, навыков и т. д.), человек в какой-то момент может забыть, что он участник игры, и его временная роль может срастись с личностью или даже вытеснить ее. Потенциально все может быть признано игрой, не всегда подконтрольно министерской воле развитие той или иной игры.

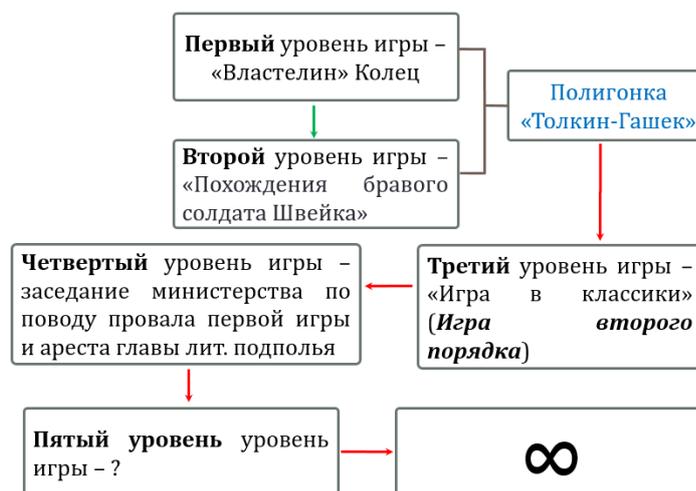

Рис. 2. Схема трехуровневой игры, которая разрастается новыми уровнями

Интрабиблионимы «Властелин колец», «Война и мир», «Похождения бравого солдата Швейка», «Как узнать, не вовлечен ли ваш ребенок в ролевые игры?» активно участвуют в смыслообразовании повести Е. Ю. Лукина, в создании эстетических (элитарная – массовая литература, жизненная правда –

художественная правда), философских оппозиций (игра – действительность, игра – искусство, игра – серьезность, власть – общество, идеология и искусство). Названные интрабиблионимы выполняют информационную, текстообразующую, сюжетообразующую функции. Среди упомянутых автором книг роман «*Властелин колец*» занимает доминирующее положение, что обусловлено ролью этой книги в формировании культа ролевых игр по мотивам художественных произведений. В повести художественными атрибутами этого романа пронизана система персонажей, система имен собственных (библиопартионимы, топонимы и антропонимы).

Проанализированные внутритекстовые библионимы представляют собой наиболее простой случай функционирования в художественном тексте.

Выводы по главе 1

Библионимика – раздел ономастики, в котором изучаются как минимум три заголовочные конструкции: (1) название целого (всего) произведения, (2) названия его частей, (3) название авторского и иноавторского произведения (интертекстуальное вкрапление или текст, созданный кем-либо внутри художественной реальности). Для разграничения указанных единиц мы предложили термин *библионим* конкретизировать латинскими индексами: (1) библиототоним (2) библиопартионим, (3) интрабиблионим. Это обеспечивает удобство анализа и имеет большое значение в обеспечении твердой теоретической и методологической базы библионимики. Четкое их различие необходимо при моно- и поликритериальных классификациях и функциональном анализе. Надеемся, потребность в таком разграничении не покажется лингвосхоластической проблемой. Оно призвано скоординировать терминологию внутри библионимики. Данные термины могут войти в резервный состав номинаций для тех исследователей, которые используют традиционные понятия (заглавие, название, внутренний заголовок и др.).

В литературе, посвященной изучению имени художественного произведения, мало работ, в которых проводится сопоставление функциональной природы библиототонимов, библиопартионимов и интрабиблионимов. Не существует классификаций, которые бы отражали, какие функции свойственны тому или иному типу библионима. Мы попытались наметить функциональные различия между тремя названными типами.

Общими для всех типов библионимов являются следующие функции: номинативная, жанроуказательная, информационная, содержательно-концептуальная, текстообразующая, прагматическая (включающая аттрактивную и эмоционально-экспрессивную функции / подфункции).

Каждый тип осуществляет индивидуальные функции. Библиототоним реализует соединительную функцию (Н. А. Фатеева), интегрирующую,

нередко – коммерческую; библиопартионим – разделительную; интрабиблионим выполняет характерологическую и сюжетообразующую функции.

Реализация общих функций имеет специфику, обусловленную типом заглавия и этапами (предтекстовый, внутритекстовый, послетекстовый) осмысления текста. Например, аллюзия, присутствующая в названии целого текста, обладает большим текстообразующим (смыслообразующим) потенциалом, нежели аллюзия, находящаяся в названии части произведения. Предметный мир изображенной в тексте действительности может включать книги, которые формируют «облик» определенного жанра или жанровой разновидности (например, магические книги), роль заглавия в таком случае будет жанроуказательной и жанрообразующей.

Список функций, которые реализует конкретный тип библионима, не является закрытым, возможно внесение других функций или корректировка описанных нами. Состав заголовочных единиц не исчерпывается типами, которые мы рассмотрели. Название антологии текстов, составленной писателем или редактором, – отдельный тип библионима.

Заголовочные конструкции образуют иерархию. Она строится с учетом формального (положение библионима по отношению к тексту: перед ним и внутри него) и содержательного (функциональная и смыслообразующая роль) параметров.

В структуру модели ономастического творчества входят ономастические доминанты разных классов и подклассов, среди которых особое место принадлежит библионимической доминанте. Библионимическая доминанта определяется как библионим (название текста; название части текста; название иноавторского текста или его функциональный аналог), (1) связанный с мотивно-сюжетной, хронологической и характерологической структурами произведения, передающий ключевые авторские идеи, (2) актуализирующий семантический и ассоциативно-коннотативный потенциал других проприальных единиц. Заглавие произведения всегда является

библионимической доминантой, названия отдельных его частей, как и названия иноавторских текстов, имплицитно или эксплицитно присутствующих в художественном мире писателя, – значительно реже. На примере повести «Педагогическая поэма второго порядка» проиллюстрирован тезис об интрабиблионимах как библионимической доминанте текста. Тотальная «игровизация» действительности рискует обернуться размыванием онтологических критериев, неразличением игры и жизни. Волгоградский автор иллюстрирует принцип «запретный плод сладок» (на примере изъятия государством классической литературы из школьной программы) и показывает, к чему ведут управленческие решения по насильственному внедрению в жизнь общества определенной субкультуры.

ГЛАВА 2. БИБЛИОТОНОМИМ: РАЗВИТИЕ, ФУНКЦИИ, СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ЗАГЛАВИЙ ЦЕЛОГО ТЕКСТА

В первом параграфе этой главы определяются грамматические характеристики заглавий текстов Е. Ю. Лукина. На основе установленных характеристик выстраивается структурно-грамматическая (структурно-синтаксическая) классификация названий произведений. Привлекаются другие типологии, некоторые из них в исследовательской литературе практически не получили отражения. Так, заглавия текстов, входящих в цикл «Юность кудесника», мы классифицировали с учетом следующих критериев (каждый критерий – отдельная типология): 1) лексический состав названия: проприальный, апеллятивный, апеллятивно-проприальный (ономастическая классификация); 2) повтор названия в определенной речесубъектной сфере: персонажной, повествовательной, смешанной.

Второй параграф посвящен описанию количественного и синтаксического развития библионимов в прозе волгоградского писателя. В ней обсуждаются методологические и теоретические вопросы, связанные с такого рода анализом.

Смыслообразующая и функциональная роль заглавий на примере конкретного цикла произведений (в данном случае – «Слепые поводыри») становится предметом разбора в третьем параграфе.

2.1. Полиаспектная классификация библиотонимов в творчестве

Е. Ю. Лукина

В теории заглавия, или титологии (как именуется в западных работах специальная дисциплина, посвященная изучению названий текстов), существуют многочисленные типологии и классификации названий. Они строятся филологами на материале текстов разных функциональных стилей и подстилей. Подробный обзор существующих классификаций мы оставляем в

стороне, поскольку они уже становились объектом критического рассмотрения.

Классификацию, в которой учитывается количество слов в названии, можно назвать **квантитативной** (таблица 3). В ней выделяются одно-, двух- и многокомпонентные библионимы (ср. монокомпонентные и поликомпонентные заглавия в [Петрова, 2012, с. 259]). Она часто применяется при анализе антропонимов. Особой познавательной, интерпретативной ценности сама по себе такая классификация не представляет. Учет грамматической природы компонентов и моделей библионимиобразования перестраивает квантитативную классификацию в **структурно-деривационную**, которая может стать более ценной для понимания специфики номинативной практики писателя. Например, библионим «*Произведение искусства*» – двухкомпонентное название (квантитативное основание), созданное по модели «сущ. + СФ сущ.» (структурно-деривационное основание). Возможно отражение менее абстрактных моделей, например, «качеств. прил. + сущ.».

Таблица 3. Квантитативная классификация заглавий

Кол-во компонентов в заглавии	Кол-во ед.	Процентное выражение
Однокомпонентные	49	29%
Двухкомпонентные	55	32%
Многокомпонентные (≥ 3)	66	38%

В зависимости от наличия или отсутствия онимического компонента в названии можно выделить апеллятивные, проприальные и апеллятивно-проприальные заглавия и определить такую классификацию как **ономастическую**. Первые состоят только из нарицательных имен, вторые – только из имен собственных, они также известны как заглавия-топонимы, заглавия-антропонимы [Фоменко, 2014] и т. д., способны дробиться и далее (см. типы названия рассказов, в основе деления которых лежит способ именования персонажа: личное, прозвищное, апеллятивное [Фонякова, 1990,

с. 67–68]). Третьи включают в себя апеллятивные и проприальные лексемы. Группировка заглавий по этому параметру представлена ниже.

Таблица 4. Ономастическая классификация заглавий

Группа	Кол-во ед. / процентное выражение	Примеры
Апеллятивные заглавия	155 / 91%	«Рекомендация», «Рыбье слово»
Проприальные заглавия	6 / 4%	«Шутик», «Робин Бобин Барабек»
Апеллятивно-проприальные заглавия	9 / 5 %	«Кавалер Глюк», «Прошка с большой буквы»

Определение типа синтаксической единицы (словоформа, словосочетание, предложение), структуры словосочетания (простая / сложная), структуры предложения (двусоставная и односоставная с конкретно установленным структурным усечением), ее полноты / неполноты, типа предложения (сложносочиненное, сложноподчиненное, бессоюзное) дает возможность построить **структурно-синтаксическую** или **структурно-семантическую** классификации заглавий. Это синтаксический аспект изучения библионима: библионимы соотносятся с тем или иным типом синтаксической единицы. Например, библионим «*Астральная история*» будет охарактеризован с этой точки зрения как заглавие-словосочетание, субстантивное словосочетание с согласованием при препозиции атрибута. Добавим, что, как правило, прямой корреляции между типом синтаксической единицы и количеством слов в заглавии не наблюдается.

Вопрос о синтаксической природе библионимов представляет известную сложность. В рассуждениях некоторых лингвистов этот вопрос снимается «...названия художественных произведений, как и другие аналогичные явления, – [являются – В. Д.] собственными именами, не связанными с синтаксисом» [Тарланов, 2022, с. 222]. Мы будем придерживаться распространенной во многих библионимических работах синтаксической классификации заглавий в соответствии с которой выделяют заглавия-словоформы, заглавия-словосочетания, заглавия-предложения.

Определение частеречного статуса однокомпонентных библионимов позволяет предложить **морфологическую классификацию**. Например, заглавия-существительные: «*Возмездие*», «*Числа*»; заглавия-наречия: «*Понарошку*» и т. д.

С позиций структурно-грамматического подхода охарактеризуем названия произведений в прозе волгоградского автора.

I. Заглавия-словоформы (49/29%).

1.1. Наречие (1): «Понарошку».

1.2. Имя существительное (45). Опишем эту подгруппу с точки зрения нескольких морфологических категорий.

1.2.1. Число:

а) сущ. в ед. ч. (33): «*Духоборец*», «*Глушилка*», «*Драндулет*»;

б) сущ. во мн. ч. (8): «*Вышибалы*», «*Числа*», «*Хранители*»;

в) сущ. *singularia tantum* (3): «*Курлык*» (это антропоним, имя главного героя);

г) сущ. *pluralia tantum* (1): «*Саранча*».

1.2.2. Лексико-грамматические разряды.

1.2.2.1. Собственные и нарицательные имена существительные:

а) собственные (15): мифозооним «*Шутик*», топонимы «*Секондхендж*», «*Понерополь*»;

б) нарицательные (30): «*Хирургия*», «*Рекомендация*», «*Клюква*».

1.2.2.2. Конкретные (собственно конкретные, вещественные, собирательные) и абстрактные (отвлеченные) имена существительные:

а) собственно конкретные (33): «*Глушилка*»; «*Чичероне*»;

б) абстрактные (12): «*Возмездие*», «*Преимущество*».

Заглавия этой подгруппы выражены, как правило, существительными в форме именительного падежа.

1.3. Имя прилагательное (2): «Порченный», «Приблудные».

1.4. Причастие (1): «Приснившийся».

1.5. Междометие (1): «Аханьки».

II. Заглавия-словосочетания (91/53%). Опишем эту группу с учетом синтаксических признаков.

2.1. Количественный состав:

а) простые (65). Образуются на основе одиночной подчинительной связи: «Гонка за черепахой», «Первый отворот», «О вреде пьянства»;

б) сложные (2). Подчинительные связи (две и более) исходят от одного главного слова: «Алая **аура** протопарторга», «Белая **птица** парящая»;

в) комбинированные (19). Подчинительные связи исходят от разных стержневых слов: «**Пираты** *обоих полушарий*», «Юные **годы** Старого **Капитана**», «**Конец** ледникового периода».

Пять словосочетаний не учитываются при анализе, поскольку между ними нет подчинительных связей (широкое понимание понятия «словосочетание», см. об этом в следующем параграфе).

2.2. Морфологическая (частеречная) принадлежность главного компонента.

а) субстантивные (79): «Рыбье слово» (сущ. + прил.), «Точка сборки» (сущ. + СФ сущ.), «Жупел *вполнакала*» (сущ. + нар.), «Кувырок без возврата» (сущ. + предложно-падежная форма сущ.);

б) глагольные, в том числе выраженные формами причастий и деепричастий (1): «Проклятьем *заклеймённый*»;

в) адвербиальные (2): «Наперекор стихиям» (нар + СФ сущ), «Вровень с лесом»;

г) нумеративные (4): «Тридцать три головы *молодецкие*», «Двое на пустыре».

III. Заглавия-предложения (31 / 18%).

3.1. По структуре:

3.1.1. Двусоставность / односоставность:

а) двусоставные (18): «Дело прошло», «И гром не грянул», «Они тебя защитят»;

б) односоставные (13): «Гори-гори ясно», «Дождик-дождик, перестань», «Здравствуй, бессмертие!».

3.1.2. По коммуникативной целеустановке:

а) повествовательное (28): «Наши идут!»;

б) побудительное (1): «Дождик-дождик, перестань»;

в) вопросительное (2): «Что наша жизнь?», «Cui prodest?».

Охарактеризуем один библионим по членимости / нечленимости, структуре, распространенности / нераспространенности полноте / неполноте, коммуникативной целеустановке, наличию / отсутствию эмоциональной окраски, логико-синтаксическому типу. Библионим «Они тебя защитят» – членимое, простое, двусоставное предложение, распространенное, структурно и семантически полное, повествовательное, эмоционально-нейтральное, акциональное.

Библионимов, соотносимых со сложными, осложненными предложениями в прозе волгоградского писателя нами не зафиксировано.

Такие текстовые категории, как *когезия* и *когерентность*, реализуются, в частности, посредством повтора названия произведения в речи повествователя или персонажей. В соответствии с конкретной речесубъектной сферой выделим соответствующие группы: 1) заглавия персонажной речевой сферы; 2) заглавия повествовательной речевой сферы; 3) заглавия смешанной речевой сферы (повествователь + персонаж). Трудности с распределением библиотонимов по этим группам связаны, во-первых, с тем, что очень часто встречаются примеры, когда не до конца ясна граница между речью повествователя и речью персонажа, следовательно, нужно либо не учитывать подобные случаи, либо вводить для них отдельную группу. Заглавие способно повторяться в речи одного персонажа или нескольких, в речи персонажа и автора, в речи главных или второстепенных персонажей, во внутренней и внешней речи и др. Важен и порядок появления библионима в речи. Ситуации возникновения заголовочной конструкции в сознании субъектов речи разнообразны. С учетом этих обстоятельств классификация **на основании**

повтора библионима в определенной речесубъектной сфере может приобретать более сложный вид. Во-вторых, указанные группы охватывают только часть названий, ведь не все из них эксплицируются в тексте заглавными лексемами или, напротив, они встречаются настолько часто (естественная ситуация, когда это большая эпическая форма), что целесообразность подобной классификации вызывает сомнения. Ее применение на материале малых эпических жанров, на наш взгляд, продуктивно. С этой точки зрения выберем для анализа цикл рассказов (он содержит 41 текст) *«Юность кудесника»* (2007), который входит в «Баклужинский цикл». Этот сборник рассказов составлен из двух ранее вышедших сборников *«Портрет кудесника в юности»* (2004) и *«Штрихи к портрету кудесника»* (2005). Главными героями фантастических рассказов являются старый чародей Ефрем Нехорошев и будущий кудесник, а пока только делающий первые профессиональные шаги ученик старого колдуна Глеб Портнягин.

Какие повторы названий будут считаться релевантными? С одной стороны, полные дословные повторы, или абсолютные, с другой стороны вариативные, среди которых укажем:

– **эллипсис заголовочной конструкции** (если она двух- и многокомпонентная, соотносящаяся со словосочетанием или предложением); достаточно, чтобы отнести к первой или второй группе, присутствия одной заглавной лексемы в речи субъекта, но при этом она должна обладать статусом ключевой: возможно, быть единственной в тексте, концептуально значимой, упоминаемой впервые и т. д. Немаловажно, кому принадлежит первое употребление заглавных элементов: повествователю или персонажу (и какому: главному, второстепенному, безымянному и др.). Например, библионим *«Горбыли судьбы»* единственный раз повторяется в речи Ефрема Нехорошева: «Такие, Глебушка, *горбыли...*» [Лукин, 2007, с. 382], в этом многоточии угадывается произнесенное слово «судьба» не только потому, что это одна из поднятых тем рассказа, но и в связи с интрабиблионимом, упомянутым в тексте, – *«Доски судьбы»* В. Хлебникова. Горбыль, напомним,

это 'крайняя доска бревна при продольной распилке, с одной стороны выпуклая' [БТС, 2000, с. 219]. В названии, таким образом, этот библионим выполняет аллюзивную и комическую функции;

– **воспроизведение заглавия без семантических изменений в лексическом составе, но с небольшими словообразовательными или грамматическими трансформациями** (в частности, падежа, числа, времени, части речи). Например: «Ахиллес, самый быстроногий из людей, *гонится за черепахой*» [Лукин, 2007, с. 197] (библионим «Гонка за черепахой»; гонка → гонится);

– **замена части лексических единиц в заглавии** на семантически близкие (использование синонимов), замены родового имени видовым, видового имени родовым. Проиллюстрируем последний случай. «Пока *документ в гробу*, отколдовывать бесполезно, – сказал Ефрем, как печать положил» [Там же, с. 244] (библионим «Отчёт в гробу»). Вместо видового наименования «отчет» используется родовая номинация. Маловероятна, но не исключена в названии рассказа отсылка к заглавию книги Ю. Фучика «Репортаж с петлей на шее». Принадлежность к одному семантическому полю («Информационные жанры») пары лексем *репортаж – отчет* и общность «некрологической» семантики в паре *петля на шее – в гробу* могут служить верификаторами интертекстуальной связи между произведениями;

– **дистантное расположение лексико-синтаксических единиц, составляющих заглавие (дислокация библионима)**: часть смысловых компонентов находится, например, в монологических или диалогических репликах персонажа, часть – в речи другого персонажа; или заголовочные элементы в полном составе содержатся в реплике какого-либо персонажа либо повествователя, но они отделены друг от друга: «Словцо-то – наше, исконное! В деревнях вон до сих пор им бранятся: *шамбала* ты, дескать, *непутёвая*...» [Там же, с. 313] (библионим «Шамбала непутёвая»);

– **комбинированный повтор**: «Теперь понятно, *чему* этот твой *бес лыбился*» [Там же, с. 345] (библионим «Чему ухмылялся бес»). Используется

дистантное расположение элементов, инверсированный порядок заголовочных лексем, синонимическая замена глагола «ухмылялся» на глагол «лыбился» (видовременное единство сохранено).

В следующей таблице показано распределение заглавий рассказов в соответствии с описанной классификацией.

Таблица 5. Классификация библиототонимов на основании их повтора в речесубъектной сфере

Тип речесубъектной сферы	Кол-во повторов названия	Кол-во полных повторов	Кол-во вариативных повторов
1. Персонажная	25	12	13
2. Повествовательная	1	0	1
3. Смешанная (повествователь + персонаж)	12	5	7
	Всего: 38	Всего: 17	Всего: 21

Результаты таблицы показывают (1) преобладание повтора библиототонима в персонажной речевой сфере, что, вероятно, является нормой для любых родов литературы, (2) небольшой перевес в области использования вариативных повторов над полными (дословными). Подчеркнем, что типы повторов заглавия не противопоставляются по критерию «полный – неполный», т. к. среди вариативных заглавий также содержатся полные, однако отличающиеся некоторыми семантическими, диспозиционными особенностями, грамматическим оформлением. Названия трех рассказов не имеют лексических повторов. Данная классификация предельно общая, дана без конкретизации каждой из групп. Ее информативность зависит от учета анализа форм повествования, их сочетаний, типов повествователей и персонажей и т. д.

Рассмотрение специфики библиототонимов, исходя из основания такой классификации, с нашей точки зрения, вписывается в задачи нового направления литературной ономастики, *ономастической нарратологии*, которое на конференции «Ономастика Поволжья» (2022) представила Н. В. Васильева. В русле этого направления, по мысли специалиста, «важно

установить, как эти варианты [антропонимические номинации. – В. Д.] распределяются внутри текста нарратора и текста персонажей. Существенным также является апеллятивное сопровождение антропонимов» [Васильева, 2022а, с. 16], выявление стратегий ономастической интродукции. В другой статье специалиста указаны некоторые «термины из теории нарратива, позволяющие включить рассмотрение СИ в тексте в общую нарратологию (*диегесис, экзегесис, перспективизация, персонажный текст* и др.)» [Васильева, 2022б, с. 29].

Систематизируем библиототонимы цикла в соответствии с некоторыми группами, как правило, выделяемыми в рамках семантического подхода:

- 1) персонажные (10): «*Кавалер Глюк*», «*Духоборец*», «*Вышибалы*»;
- 2) локативные (2): «*Цирк боевых действий*»;
- 3) предметные (12): «*Произведение искусства*», «*Рекомендация*»;
- 4) событийные (17): «*Первый отворот*», «*Возмездие*», «*Астральная история*».

Отнесенность некоторых библиотонимов к определенной группе на самом деле неоднозначная. Например, видя заглавное словосочетание *Идеалище Поганое*, можно подумать, что это некое существо, которое станет или полноправным участником сюжетного действия или предметом обсуждения. В действительности же это ритуальный предмет, изображающий славянского языческого идола, следовательно, заглавие нужно отнести не к персонажной группе, а предметной. Словосочетание *шамбала непутёвая* (см. одноименный рассказ) не является обозначением места, это некое ругательство. Первую лексему в библиотониме «*Отчёт в гробу*» можно воспринимать до прочтения рассказа и в предметном (документация в гробу), и в процессуальном значении (выступление персонажа в данном локусе с устным сообщением, отчетом). В процессе чтения второй вариант отпадает: акцентируется «вещная» семантика слова. Начальник грозно потребовал с Власия Леонардовича *отчет* о командировке, тот, солгав, что оставил его дома, поспешил за ним. К тому моменту, когда персонаж вернулся с документом, начальник уже умер

(случился инфаркт). Когда его хоронили, Власий, не особо понимая, что делает, кладет документ в гроб. Руководитель позже начинает приходить призраком к своему подчиненному. Неснятая неоднозначность заглавия задает интригу на предтекстовом этапе понимания произведения. Библионим можно трактовать и как предметный, и как ситуативный.

Таким образом, распределение по группам названий в некоторых случаях меняется в зависимости от того, на каком этапе работы с текстом мы к ним подходим.

Из 10 персонажных библионимов 5 – это имена второстепенных персонажей, по одному представлены имя барабашки (*Шутик*) и предмета (*Идеалище Поганое*), 3 заглавия имеют отношение к главным героям цикла.

Классификация на **функциональном основании** может строиться следующим образом: в начале определяются функции библионима, затем они ранжируются, после – за *доминирующей функцией* закрепляется статус (имя) группы. Если корпус текстов даст примеры с превалированием разных функций, то мы получим несколько групп, например, библионимы: а) сюжетообразующие; б) аллюзивные; в) хронотопические; г) информационные; д) аттрактивные; е) прогностические и др.

Скажем о препятствиях, с которыми может столкнуться исследователь при выполнении этих операций. Во-первых, некоторые функции открываются читателю на этапе знакомства с заглавием. Например, образованный читатель в названии рассказа *«Разочарованный странник»* сразу распознает отсылку к повести Н. С. Лескова *«Очарованный странник»* (аллюзивная функция), одновременно и установку на языковую игру (комическая функция), но какая из этих двух функций доминирует, если они, по сути, реализуются одновременно? И это не единственные их функции, некоторые из других устанавливаются во время чтения произведения, т. е. на текстовом этапе понимания и, далее, на послетекстовом этапе. Важная на предтекстовом этапе функция, может оказаться второстепенной или вовсе нерелевантной на текстовом этапе. Как в таком случае определить их значимость? Вряд ли

рациональным будет решение выделить наиболее значимые функции на каждом из этапов герменевтической работы с текстом. Видимо, как только читатель увидит название какого-либо произведения и испытает на себе то или иное воздействие, то те функции, которое окажут воздействие, и должны быть признаны доминирующими. Доминируемость, таким образом, заключается во влиянии на читателя, в достигнутом прагматическом эффекте, поэтому в перечень таких функций, вероятно, не войдут функции, названные Н. А. Кожиной *внутренними*, к ним относятся назывная (номинативная), текстообразующая и функция изоляции и завершения [Кожина, 1988, с. 175]. Нельзя утверждать, что внутренние функции лишены силы воздействия. Правильней говорить об отложенном результате их влияния, эффекте, срабатывающим уже по прочтении текста. Это справедливо, например, по отношению к интегрирующей функции. Таким образом, создание **функциональной классификации** заглавий в творчестве определенного писателя встречает определенные сложности.

В цикле Е. Ю. Лукина есть библионимы, лексемы в которых ориентируют читателя на примерную жанровую направленность (фантастическую) произведения (жанроуказательная функция): *«Астральная история»*, *«Духоборец»* (в тексте эта номинация обозначает не христианскую секту, а человека, борющегося с астральными духами), *«Фантом с бакенбардами»*, *«Привет с того света»*. Есть названия с аттрактивной функцией (привлечение внимания): *«Чему ухмылялся бес»*, *«Тайна Гнёздовских курганов»*; аллюзивные: *«Прометей Прикопанный»* (античная драма «Прометей прикованный»), *«Гонка за черепахой»* (апория Зенона), *«Проклятьем заклеянный»* (строка из Интернационала) и др.

Какова глобальная цель построение любой из этих классификаций? Она состоит в том, чтобы увидеть, какие номинативные тенденции, предпочтения преобладали или на протяжении всего творчества писателя, или в отдельных периодах. Это, другими словами, изучение развития номинативной практики автора в аспекте озаглавливания: «...Через призму заглавий может решаться

вопрос о творческой эволюции любого писателя» [Губина, 2007, с. 98], исследование системы библионимов того или иного автора «позволяет выявить его творческую эволюцию и номинативный принцип, выступающий маркирующей чертой его поэтики» [Селеменова, 2007, с. 51]. Так, Н. Б. Бугакова, прослеживая на примере заглавий эволюцию модели ономастического творчества А. Платонова, отмечает тенденцию «отхода от антропоцентрической парадигмы при создании веховых произведений “Чевенгур” и “Котлован” и возвращение к ней в произведениях 40-х годов, когда на первый план для писателя снова выходит человек, как и в ранней прозе» [Бугакова, 2023. с. 82–83]. Т. И. Шамякина о библитотонимах в творчестве классика белорусской литературы И. П. Шамякина пишет следующим образом: «А багата семантычныя назвы фарміруюць пэўную сістэму адносін паміж асноўнымі вобразамі-сімваламі ўсіх твораў на працягу жыцця аўтара» [Шамякіна, 2011, с. 20] («А богато семантические названия формируют определенную систему отношений между основными образами-символами всех произведений на протяжении жизни автора»). На семантические или синтаксические особенности библионимов указывает О. И. Фонякова: «...чарующий мир лирических произведений М. М. Пришвина рождает заглавия, в которых слиты воедино жизнь природы и философия жизни человеческой» [Фонякова, 1990, с. 66], «Заголовки малой прозы И. А. Гончарова, – пишет Г. Г. Багаутдинова, – не содержат в себе глаголов, причастий, деепричастий, местоимений, наречий» [Багаутдинова, 2021, с. 178]. По мысли А. Ю. Сорочана, «классификация заглавий может помочь в создании непротиворечивой картины развития жанра» [Сорочан, 2022, с. 188], см. также: «... “эволюцию жанрового сознания” футуристов можно увидеть уже на дотекстовом уровне, т. е. на уровне заглавия» [Петрова, 2012, с. 258].

Названия фантастических рассказов Е. Ю. Лукина в цикле «Юность кудесника» характеризуются структурно-синтаксическим, количественным, семантическим и функциональным разнообразием. В цикле преимущественно

распространены автологические названия. Незначительное преобладание событийных библиототонимов над персонажными и предметными, видимо, объясняется сюжетной и тематической спецификой цикла. Это определенные проблемы, с которыми клиенты приходят к колдунам Ефрему Нехорошеву и Глебу Портнягину. Акцентировать именно *случаи* из колдовской практики главных персонажей эффективнее через создание событийных (ситуативных) и предметных заглавий, связанных с историями непосредственно или метонимически. Гораздо сложнее поставить в зависимость от сюжетно-мотивных, проблемно-тематических комплексов широкую встречаемость двухкомпонентных библиототонимов, соотносимых со словосочетанием, преимущественно атрибутивным. Повтор заголовочной конструкции в персонажной речевой сфере доминирует над ее упоминанием в других речесубъектных структурах. В основном библиототонимы повторяются в речи Ефрема Нехорошева и Глеба Портнягина. Установлена примерно одинаковая частотность использования полных и вариативных повторов.

Классификация библиототонимов должна быть многоступенчатой: идти от грамматической, словообразовательной структуры к семантике, поэтике и прагматике. Отдельный предмет изучения – функционально-семантическое взаимодействие названия произведения и названий отдельных его частей (томов, глав, актов), сравнение выбора автором синтаксических структур, лексического наполнения, функций таких заглавий.

2.2. Развитие заглавий в прозе Е. Ю. Лукина

Развитие заглавий и внутренних заголовков в творчестве любого писателя можно рассмотреть с трех сторон:

1) со стороны их **квантитативных / структурных изменений** (длина заглавия, динамика длины заглавия в зависимости от временного периода, длина заглавий по жанрам и ее межпериодные различия и т. д.);

2) со стороны их **синтаксического оформления** (частотность заглавий, соответствующих определенной синтаксической единице, синтаксические «предпочтения» автора на протяжении творчества, синтаксическая вариативность заглавий текстов того или иного жанра и т. д.);

3) со стороны **семантического наполнения** (распределение заглавий по конкретным семантическим типам, частотность семантических типов в тот или иной период и т. д.). Под семантическим развитием понимается динамика употребления заголовочных единиц, соотнесенных с одним из типов, описываемых в семантических (референциальных) классификациях: деление на персонажные, событийные, темпоральные и другие типы библионимов.

Мы рассмотрим структурное и синтаксическое развитие заглавий в прозе Е. Ю. Лукина. Вопрос семантического развития библионимов оставляем за скобками исследования, поскольку в настоящее время не существует универсальной (охватывающей весь эмпирический материал), непротиворечивой семантической типологии заглавий. Дело осложняется тем, что до сих пор не установлено, следует ли определять семантический тип на дотекстовом этапе чтения или на послетекстовом. От этого решения напрямую зависит точность классификации библионимов (см. комментарий к названию «Шамбала непутевая» в предыдущем параграфе). Есть классификации, ориентирующиеся на (1) дотекстовый этап, (2) послетекстовый. Например, библионим «Обрыв» И. А. Гончарова в соответствии с (1) будет охарактеризован как пространственное заглавие, а в соответствии с (2) как метафорическое, при работе с опорным контекстом станет ясна содержательная специфика данной метафоры. Непонятно, как расценивать названия типа «Ну ты и спросил!», «Гори-гори ясно», «И так каждый раз», «Ё», «На счёт три» и др.

Нередко названия представляют собой реплики из речи персонажа или автора. Стоит ли относить их к типу цитатных заглавий, как это делает Л. А. Силина: «В анализируемых произведениях выделяются следующие разновидности заглавий-цитат: цитатные повторы, цитаты из речи

персонажей, заглавия-цитаты, обозначающие героев, топонимы, качества» [Силина, 2025, с. 2796]? Нам представляется, что такое решение размывает границы рассматриваемого семантического типа. В качестве примеров, иллюстрирующих его, обычно приводят названия, «цитирующие» какой-либо претекст. Те примеры, которые анализирует Л. А. Силина, следует относить к другим типам («В Париже» → локативное, «Дурочка» → персонажное). Если имя героя (в различных антропонимических формах) / прозвище / апеллятивная номинация неоднократно встречаются в тексте, отражены в его названии, то перед нами скорее персонажное заглавие, нежели заглавие-цитата. В противном случае пришлось бы трактовать многие романы с вынесенным в название именем героя (или только статусом, должностью и т. д.) как цитатные.

Кажется слишком оптимистичным мнение литературоведа И. Н. Сухих о том, что «все конкретное многообразие заголовков... можно свести всего к 8 типам» [Сухих, 2018, с. 277]: персонажные, местоуказывающие, временные, ситуационные, предметные, формоуказывающие, обобщенные, непосредственно-оценочные [Там же, с. 277–279]. При всей привлекательности данной классификации, она все же не лишена ряда недостатков: сомнителен тезис о всеохватности: неясно, в какую группу включаются заглавия-вопросы, например, названия «*Винувата ли она?*» А. Ф. Писемского, «*Где ты был, Адам?*» Г. Бёлля, «*Cui prodest?*» Е. Ю. Лукина, «*Любите ли вы Брамса?*» Ф. Саган и т. д.; персонажные заглавия ученый иллюстрирует только именами людей, произведения же, героями в которых становятся животные, растения, антропоморфные существа, видимо, остаются вне классификации, хотя некоторые ученые либо включают их в том или ином объеме в эту группу, например: «...семантическое поле “персонаж” (человек, животное)» [Кузнецова, 1999, с. 60], либо выделяют отдельные группы. Целесообразным представляется решение хронотопические заглавия подразделять на временные и местоуказывающие, однако существуют произведения, чьи названия

актуализируют эти категории вместе, по крайней мере не просто однозначно отнести их к одной из двух разновидностей: Ж. Верн *«Париж в XX веке»*, И. Шоу *«Две недели в другом городе»*.

Предложенная И. Н. Сухих классификация, впрочем, как и любая другая, не предполагающая сильной дробности, плохо справляется с т. н. двойными заглавиями: В. Т. Нарезный *«Два Ивана, или Страсть к тяжбам»*, О. де. Бальзак *«Шуаны, или Бретань в 1799 году»*, А. Дюма *«Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя»*, Н. Стивенсон *«Алмазный век, или Букварь для благородных девиц»*, Е. Ю. Лукин *«Майская ночь, или Утопленницы»* и мн. др. К группе непосредственно-оценочных отнесены «сентенции, цитаты, пословицы, афоризмы и т. п.» [Там же, с. 278]. Среди перечисленных в основном «паремийных библионимов» (понятие В. И. Супруна [Супрун, 2023]) вопрос вызывают заглавия-цитаты, обсуждение которых мы приводили выше, поэтому не станем повторять критику основания для выделения данной группы. Ввиду указанных сложностей мы посчитали правильным вопрос о семантическом развитии библионимов оставить за рамками работы.

Следует сказать о методологии исследования развития библионимов в прозе Е. Ю. Лукина. Его первое произведение опубликовано в 1966–1967 гг., но статистически релевантные данные начинаются с 1995 г., поэтому ось X на графиках начинается именно с этой даты. Хронология отражает год публикации текстов, а не их написания. Поскольку литературоведческая или литературно-критическая периодизация творчества волгоградского писателя-фантаста практически отсутствует (упомянем статью Е. Харитонов, условно выделившего три этапа [Харитонов, 1997, с. 557–566]), и ее создание в наши задачи не входит, то мы будем руководствоваться стандартным подходом: взяв 5-летние и 10-летние интервалы. 2025 год, начинающий четвертый 10-летний и седьмой 5-летний периоды, мы по понятным причинам в периодическом анализе не учитываем. В разные годы автор публиковал

несколько рассказов на Author.Today – сайте, объединяющем писателей и читателей, т. е. в материал мы включаем и сетевые произведения.

Известно, что в творчестве волгоградского писателя было время, когда он создавал произведения вместе супругой Л. Лукиной. В задачи нашего описания не входит сравнительно-сопоставительный анализ по перечисленным аспектам индивидуального и соавторского периодов творчества – это может быть темой отдельного исследования. Мы сосредоточиваем внимание только на текстах Е. Ю. Лукина, однако полностью исключить обращение к данным соавторского периода невозможно, что означает частичное, обусловленное конкретными задачами, их использование.

Работа с датестом библиототонимов и библиопартионимов Е. Ю. Лукина потребовала обращение к разнообразным библиотекам, доступных для языка программирования Python: визуализация данных (Matplotlib), статистические расчеты (NumPy), работа с таблицами (Pandas), чтение и редактирование файлов Excel (OpenPyXL). Работа велась в PyCharm, интегрированной среде разработки для языка программирования Python.

Главным теоретическим и методологическим ограничением предстоящего анализа можно считать отсутствие интерпретации полученных количественных результатов, т. е. ответов на вопросы: чем обусловлена вариативность длины? почему меняется длина (влияют ли на нее социальные, эстетические, полиграфические и иные факторы)? почему один синтаксический тип сменяет другой (если такая смена обнаружена)? почему автор останавливается на выборе конкретных количественных и синтаксических типах библионимов?

По нашему глубокому убеждению, без литературоведческого исследования всего Е. Ю. Лукина (на настоящий момент он обойден вниманием академического литературоведения), без привлечения сопоставительных данных по другим писателям (например, авторов с теми же жанровыми, тематическими предпочтениями) и без разработанной семантической и синтаксической классификаций заглавий (универсальной и

непротиворечивой) попытки ответить на эти вопросы будут производить впечатление наукообразия. К примеру, нам известно, что многие рассказы и повести волгоградского писателя публиковались на страницах НФ-журнала «Если». Мог ли повлиять данный печатный формат на длину заглавий его текстов? Гипотезу о влиянии книжного или журнального формата (прямом или опосредованном) доказать или опровергнуть без обращения к сравнительному анализу невозможно. Наше ограничение оправдано рассматривать как недостаток, но оно в конечном счете обусловлено наличием многочисленных пробелов в библиоимических исследованиях.

2.2.1 Структурное (квантитативное) развитие

Как менялась длина заглавия – традиционный вопрос для «квантитативной гуманитаристики» (Digital humanities). Заданный в самом общем виде, он конкретизируется в исследованиях ученых, интересующихся тем, существуют ли различия в названиях научных статей в зависимости от количества авторов, их национальной принадлежности, есть ли взаимосвязь между названием научной статьи и ее цитируемостью / количеством скачиваний, как варьируется средняя длина заглавий среди естественно-научных и гуманитарных дисциплин (и внутри предметных областей), меняется ли длина заглавия по мере развития отрасли знания, может ли то или иное количество слов в заглавии повлиять на продолжительность рецензирования и редакционную оценку, какая рекомендованная длина заглавия для научных публикаций и как оптимизировать ее для более эффективного воздействия на читательскую аудиторию (обзор этих и многих других вопросов см.: [Fox, Burns, 2015; Milojević, 2017; Yang, Zhang, Liao, 2025; Orbay et al, 2025; Тихонова, Косычева, 2022]); насколько отличаются по длине библиототонимы художественной литературы (детектив, любовный роман, фэнтези) и библиототонимы литературы нон-фикшен [Тутатина, 2021, с. 118–122]; как трансформировалась средняя длина заглавий британских

романов на протяжении 1740–1850 гг., и какое участие в ее изменении принимал книгоиздательский рынок [Моретти, 2016, с. 248–287] (см. глубокую и содержательную критику теоретических и методологических оснований этой работы в статье: [Рейтблат, 2018]).

Следует констатировать: на материале художественной прозы длина заглавия и ее развитие изучались крайне мало, недостаточно трудов, посвященных компаративному изучению количественных параметров заглавия. Внимание специалистов в основном сфокусировано на научной литературе, при этом в качестве материала для анализа берутся, как правило, заголовки журнальных статей. Безусловно, что ограничивать охват материала определенным функциональным стилем и жанром, значит лишиться нетривиальной информации, которая бы могла внести вклад в развитие библиониимики или теории заглавия.

Итак, перейдем к описанию статистического аспекта библиониими Е. Ю. Лукина. Наши задачи – понять, какова вариативность длины заглавия, какие изменения претерпевала длина этого метатекстуального элемента в прозаическом творчестве писателя. Исследование поэтических библионимов автора (а волгоградский фантаст является не только поэтом, но и бардом) – неисследованная тема.

Наша выборка включает 170 текстов. **Средняя длина** библиототонимов в прозе волгоградского фантаста составляет 2,3 слова; **медианная длина** – 2 слова, это значение сохраняется для всех 10-летних периодов и большинства 5-летних (см. Рис. 3), кроме 1995–1999, где медиана достигает 3 слов, что объясняется малой выборкой (11 текстов). Максимальная длина составляет 7 слов, минимальная – 1. Заметим, авторы, которые не используют монокомпонентные названия, встречаются редко.

Самое короткое название – «Ё». Повесть «Ё» (2010) входит в цикл «Опер мыльный», где перед читателем разворачивается детективный сюжет, в котором мотив преступлений, по сути, лежит в области ортологических норм русского языка: «орфоэпический терроризм» преступника / преступной

группировки вызван тем, что его жертвы не знали или не соблюдали орфоэпические нормы в употреблении [e] и [o] (на письме – ё) после мягких согласных. Писатель, являясь выпускником историко-филологического факультета Волгоградского пединститута, нередко обращался к лингвистической тематике на страницах художественных и публицистических произведений.

Установлено, что при ненормальном распределении данных следует ориентироваться на медианный показатель. Тип распределения определяется «с помощью критериев Шапиро – Уилка для выборок с числом наблюдений 50 и менее и Колмогорова – Смирнова для больших выборок» [Унгуряну, Гржибовский, 2011, с. 55]. Критерий типа Колмогорова-Смирнова, примененный к нашим данным, продемонстрировал существенное отклонение эмпирического распределения данных от нормального ($p < 0,001$; $p = 1,06 \times 10^{-6}$). Распределение имеет выраженную правостороннюю асимметрию.

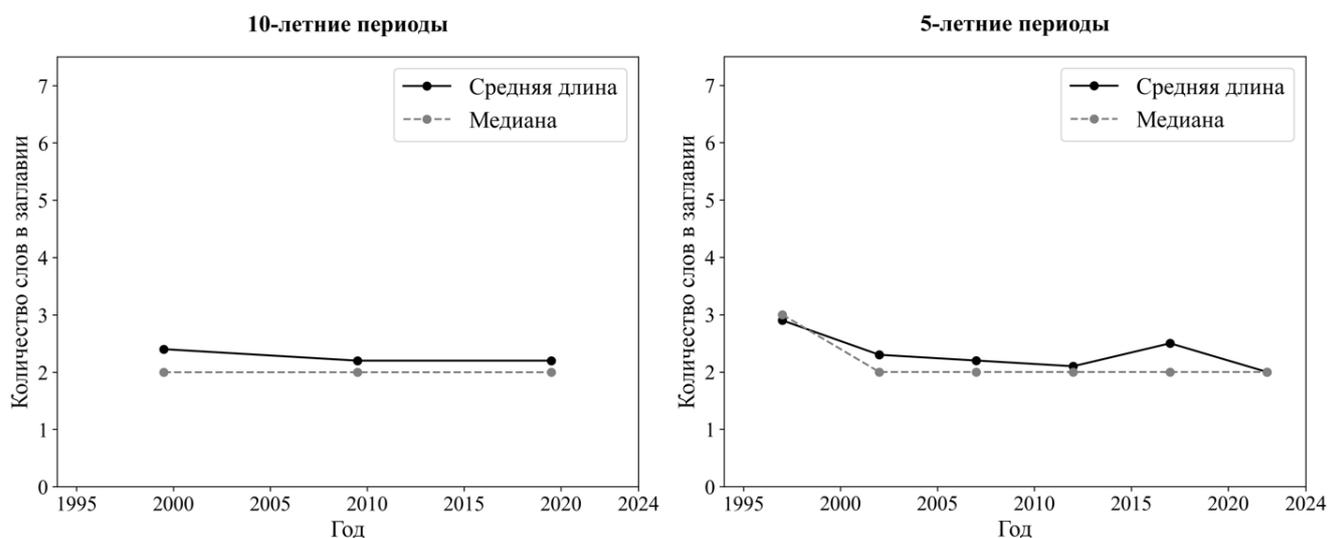

Рис. 3. Стабильное значение медианы

Близость среднего арифметического значения к медиане (2,3 к 2) указывает на отсутствие крайних выбросов, способных серьезно повлиять на средний показатель, иногда исказить его. Смещение вправо на 0,3 вызвано, с одной стороны, умеренными выбросами (4-словными библионимами), с другой стороны, асимметричностью между 1-, 2- и 3-словными названиями (они по-разному «поддерживают» смещение).

На основании медианного значения сделаем вывод: не менее 50% заглавий (медиана делит выборку на две равные части) содержат не более двух слов, фактически таких заглавий – 62%, или 104/170 (см. Рис. 4), длина оставшихся 38% колеблется от 3 до 7 слов.

Среди библиототонимов, длиннее 2 слов, преобладают 3-словные (26% от общего числа). 4-словные – составляют 11% от общего числа, а 5 и 7-словные заглавия занимают незначительную часть (2%). 6-словные названия встречаются только в «соавторских» произведениях.

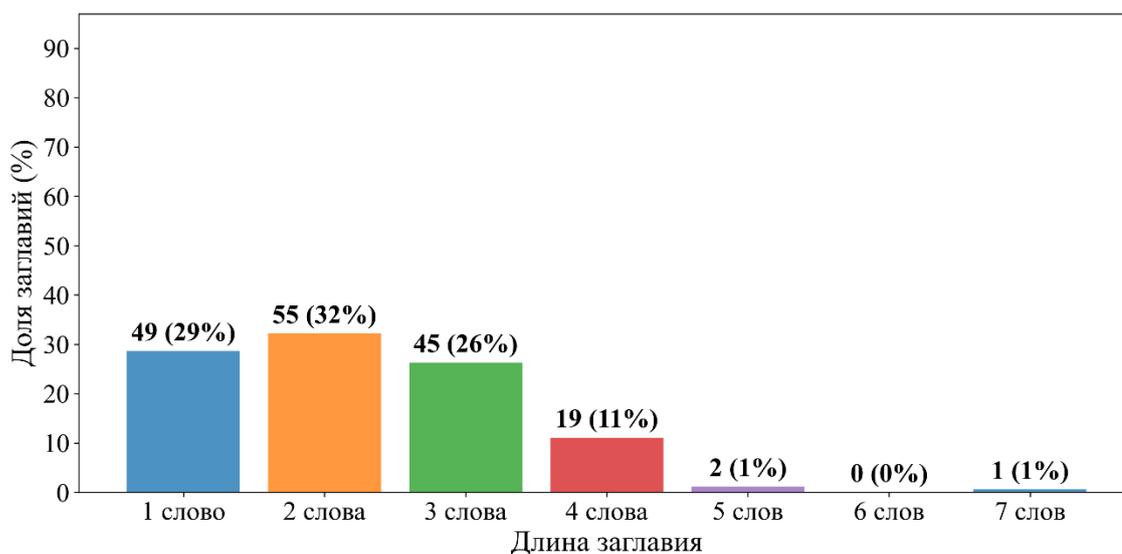

Рис. 4. Распределение произведений по длине заглавия

Стандартное отклонение ($SD = 1,1$ слова) характеризует разброс (отклонение) длины заглавий вокруг среднеарифметического, оно укладывается в диапазон $\pm 1,1$ (от 1,2 до 3,4 слов). Так как распределение данных в выборке ненормальное, следует опираться не на SD , а на другие метрики (об этом ниже).

Итак, можно утверждать, что в прозе Е. Ю. Лукина доминируют короткие библиототонимы (1–2 слова), на втором по частотности месте располагаются средние по длине названия (3–4 слова), а длинные (> 4 слов) – редко используются автором.

Прокомментируем другие метрические показатели, некоторые из них дополняют метрики, описанные выше, являясь их более строгой и надежной научной альтернативой. Устойчивый к выбросам, в отличие от стандартного

отклонения, **межквартильный размах** ($IQR = 2$ слова) показывает: центральные 50% данных различаются по длине не более, чем на 2 слова (от 1 до 3 слов).

Длина заглавий в прозе волгоградского писателя характеризуется умеренной вариативностью. **Коэффициент вариации** (Coefficient of variation, CV) составляет 47,9%. Преобладают лаконичные библиототонимы (62%), значительно представлены заглавия средней длины (37%) и практически отсутствуют длинные названия (2%). Стоит подчеркнуть, 3-словные библиотонимы занимают промежуточное положение между лаконичными и средними (3 – верхняя граница IQR), но на фоне ядра выборки (62% 1-словных) мы отнесли их к средним заглавиям.

Прослеживается ли эта закономерность (преобладание кратких библиотонимов) в 5-летних и 10-летних периодах? Рисунки 5 и 6 показывают распределение длины заглавий в указанных периодах.

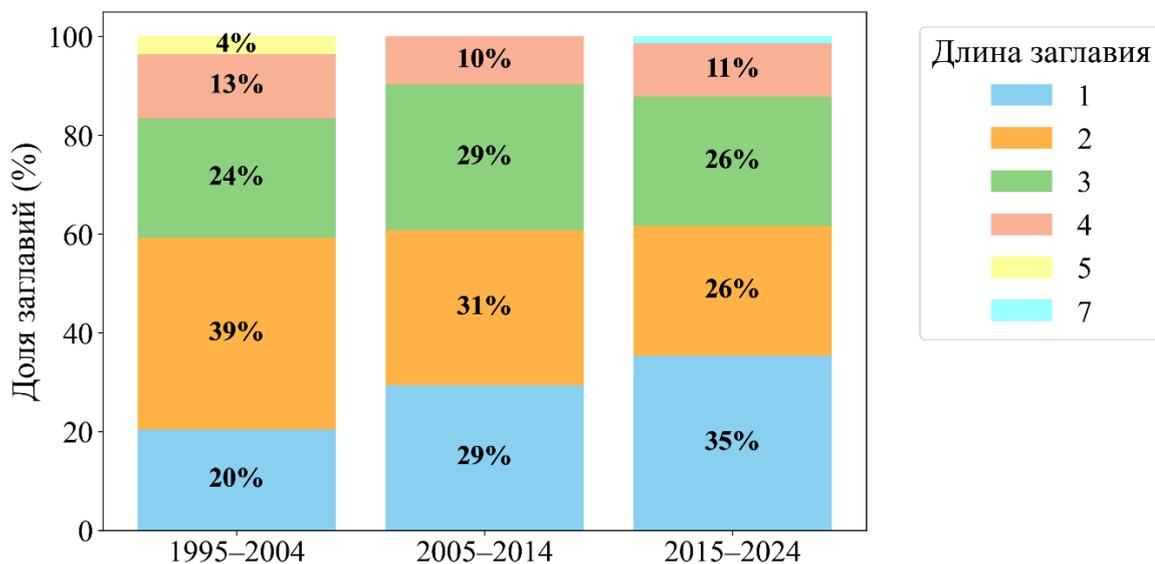

Рис. 5. Распределение длины заглавий по 10-летним периодам

Как показывает диаграмма, однословные и двухсловные библиототонимы в каждом из трех десятилетий преобладают над заглавиями другой длины (59%, 60%, 61% соответственно), при этом нужно отметить, что доля однословных заглавий постепенно увеличивается от первого периода к третьему и в последнем впервые опережает двухсловные, доля которых,

напротив, снижается, сохраняя количественный перевес над однословными названиями только в двух первых периодах: существенный в первом и небольшой во втором. В периоде 2005–2014 автор в равной степени использует одно-, двух-, трехсловные названия (15, 16, 15 употреблений соответственно), что контрастирует с другими десятилетиями, где однословные или двухсловные формы явно доминируют.

Относительно равную динамику имеют 3-словные названия. За три десятилетия остается стабильной и встречаемость 4-словных заглавий.

Редкие длинные заглавия (5+ слов) практически исчезают после 2004 г. из номинативной практики писателя. Нельзя сказать, что это связано с общей статистической закономерностью (краткость библиототонимов), поскольку количество подобных заглавий минимально (3/170). Само их появление не является фактом поэтики, творческим экспериментом, однако некоторый интерес эти длинные заглавия представляют. Приведем их: «*Delirium tremens (Страсти по Николаю)*» (1997), «*Седьмой кол из плетня супостата*» (2004), «*Витёк с планеты Земля и его питомец*» (2016).

Название первого рассказа примечательно двумя моментами: 1) в его состав входит иноязычное вкрапление (лат. *delirium tremens* – ‘алкогольный делирий’ или ‘белая горячка’); наряду с библионимом, в составе которого содержится иноязычное вкрапление, в прозе волгоградского писателя существует и полностью иноязычное название, тоже латинского происхождения («*Cui prodest?*», 2020); 2) термин-латинизм, на наш взгляд, стилистически контрастирует (контраст бытовой и высокой темы) со второй частью названия, представленной во вставной конструкции, что создает комический эффект: с одной стороны, острый алкогольный психоз, с другой, возвышенные страдания, см. лексему *страсти* – ‘книжн. Страдания, мучения. *Страсти Господни, Христовы; Страсти Господа, Христа*’ [БТС, 2000, с. 1277] (синтаксическое строение библионима отсылает к переводным названиям произведений музыкального жанра пассионов, см., например: «*Страсти по Иоанну*» и «*Страсти по Матфею*» И. С. Баха, однако

употребляется в другом значении – ‘страдания Николая’, а не ‘страдания Иисуса Христа, описанные тем или иным евангелистом’). В рассказе Е. Ю. Лукина описываются причудливые образы и ситуации, порожденные белой горячкой Николая Цоколева, бывшего интеллигента, правда, его душевные и физические мучения не стоит воспринимать как возвышенные и одухотворенные. Вполне допускаем, что читатель, незнакомый со значением латинского выражения, может не уловить комического эффекта, создаваемого стилистическим (тематическим) несоответствием двух частей заглавия.

Сложно предполагать, почему автор не использовал словосочетание «белая горячка», а остановился на терминологической номинации. Прием языкового эксперимента, как нам представляется, способен в некоторой степени понять мотивы озаглавливания.

Сравним использованное автором название и его мысленные альтернативы: 1) реализованное: «*Delirium tremens* (Страсти по Николаю)»; 2) «Белая горячка (Страсти по Николаю)»; 3) «Алкогольный делирий (Страсти по Николаю)». Первый и третий вариант делают стиль заголовочной конструкции более книжным, а отличия между ними, по-видимому, заключаются в том, насколько они ясны для читателя (первый менее ясен, существительное *делирий* в третьем – потенциальный агноним, но прилагательного *алкогольный* вполне достаточно читателю для построения гипотез о теме текста), насколько они частотны и традиционны в употреблении в неспециализированных сферах общения: первый вариант – встречается чаще, является традиционным для художественной и публицистической литературы (см. данные по НКРЯ); фактор традиции более значим, в русской поэзии и прозе немало латинских заглавий.

Маловероятно, что второй вариант не выбран потому, что главный герой рассказа является интеллигентом, и для наименования состояния алкогольного помутнения, в котором он находится, требуется «статусная» номинация, чему больше отвечает «ученое» словосочетание *delirium tremens* (другими словами, выбор лексики социально детерминирован: для

интеллигенции – «благородные» выражения, для неэлитных групп – разговорно-бытовые). См. также невозможность названий: а) *«Белочка (Страсти по Николаю)» из-за неоднозначности лексемы: белочка – универб (белая горячка → белочка) / диминутив (сущ. белка ‘небольшой пушной зверёк’) / ..., во втором случае вставную конструкцию можно даже истолковать как определенное событие в жизни белки, что и стало бы предметом тематического изображения; б) *«Белка (Страсти по Николаю)» по причине того, что Белкой волгоградский прозаик называл свою супругу (в девичестве – Любовь Александровна *Белоножкина*), и такое заглавие могло вызвать нежелательные ассоциации.

При условии незнакомства читателя с латинской лексикой (в частности, медицинской) и фразеологией выбор первого либо второго варианта названия, на первый взгляд, казался бы более логичным, однако эти варианты явно обозначают тему текста, чего, видимо, писателю хотелось бы избежать. Латинизированный дух библиототонима выполняет аттрактивную функцию.

Рассказ «Седьмой кол из плетня супостата» входит в цикл «Юность кудесника». Это самое длинное заглавие в цикле, что не является фактом особого положения рассказа среди других произведений сборника или показателем экспериментирования писателя с квантитативными характеристиками библиототонимов. В название вынесена лексема, обозначающая один из ключевых ингредиентов колдовского зелья ататуй, которое, по мнению одного из героев рассказа, Ефрема Нехорошева, должно помогать в уличных битвах. Проведем эксперимент, убрав из заглавия числительное. Получим 4-словный библиототоним – «Кол из плетня супостата». Почему автору было важно указать на «порядковое качество» плетня? Думаем, это связано с ролью чисел в магических практиках (заклинаниях, ритуалах, заговорах).

Сравним показатели межквартильного размаха (IQR):

1. Период 1995–2004 ($Q_1 = 2$, $Q_3 = 3$). Q_1 (первый квартиль) показывает, что не менее 25% заглавий ≤ 2 слов, фактически доля таких названий даже

меньше – 20%. На основании Q3 делаем вывод о присутствии в прозе этого десятилетия не менее 75% названий ≤ 3 словам, фактически – 83%. Отметим, что 7 из 11 однословных названий в периоде – это рассказы цикла «Юность кудесника»;

2. Период 2005–2014 (Q1 = 1, Q3 = 3). Q1 (первый квартиль) показывает, что не менее 25% заглавий ≤ 1 слова, фактически – 29%. Показатель Q3 означает, что не менее 75% названий ≤ 3 слов, фактически – 89%;

3. Период 2015–2024 (Q1 = 1, Q3 = 3). Q1 (первый квартиль) показывает, что не менее 25% заглавий ≤ 1 слову, фактически – 35%. Параметр Q3 означает, что не менее 75% названий ≤ 3 словам, фактически – 87%.

На основе приведенных статистических сведений отметим следующее: во-первых, устойчивость значения Q3 свидетельствует о том, 3 слова в названии – это количественный «предел» основной массы произведений Е. Ю. Лукина на протяжении всего творчества, использование 4-словных заглавий не стало регулярной практикой; во-вторых, значение Q1 упало с 2 до 1, произошло перераспределение частотности употребления между 1-, 2-, 3-словными библиототонимами: 2-словные названия были бесспорно доминирующей конструкцией в первом периоде, а к третьему периоду их доля в сравнении с первым десятилетием значительно снизилась; во втором периоде доли однословных (15), двухсловных (16) и трехсловных (15) библиототонимов практически уравнились; в третьем периоде 1-словные названия впервые стали преобладающим типом, из всех структурных типов они единственные, кто последовательно «наращивал» свое присутствие (11 → 15 → 23), 1-словные и 3-словные названия по-прежнему распространены.

Описывая динамику распределения длины заглавий, значит, и авторские предпочтения в выборе названия определенной длины, нужно ответить на главный вопрос: несут ли изменения эволюционный или даже революционный характер? По следующим причинам ответ на этот вопрос отрицательный: 1) качественного сдвига в сторону средних или длинных заглавий не произошло, для этого не было предпосылок (см. частотность 4-словных конструкций в

разные периоды); 2) все увеличивающийся рост 1-словных заглавий правильнее будет квалифицировать как тенденцию к использованию «сверхлаконичных» библиототонимов, однако в общей картине структурного (квантитативного) развития это движение ограничено, потому что доминирование коротких названий (1-2 слова) не «пресекается» другими структурными типами; чтобы верно оценить роль конкуренции 1-словных и 2-словных библиототонимов в квантитативном развитии, необходимо привлечь их семантическую специфику. Подытожим сказанное: система осталась неизменной в своих границах (1–3 слова), менялась только частотность квантитативных типов библиототонимов внутри нее (мы наблюдаем не расширение вариативности диапазона, а перераспределение наиболее частотных типов).

К интерпретации визуализированных процентных долей на следующем графике нужно подходить с особой осторожностью. Некоторые из них могут вводить в заблуждение из-за неравномерного объема выборки, например, в первый период входит 11 произведений, во второй – 43 (такой «скачок» связан с публикацией в 2004 сборника рассказов «Портрет кудесника в юности»).

Процентные показатели очень чувствительны к малой выборке: 2 однословных заглавия в 1995–1999 составляет 18%, тогда как 9 однословных названий в 2000–2004 – всего 21%. Рост доли 1-словных библиототонимов с 24% (2005–2009) до 41% (2010–2014) выглядит значимым, но в действительности абсолютные числа показывают иную картину: 8 → 7 при снижении общего числа произведений с 34 до 17, перед нами мнимый рост, обусловленный сокращением общего количества произведений в два раза.

5-словные заглавия использовались автором только в первые два периода, а 7-словное в предпоследнем (2015–2019). Фиксируется рост 3-словных заголовочных конструкций к 2005–2009, спад в следующие два периода и возвращение к стабильному значению в 2020–2024.

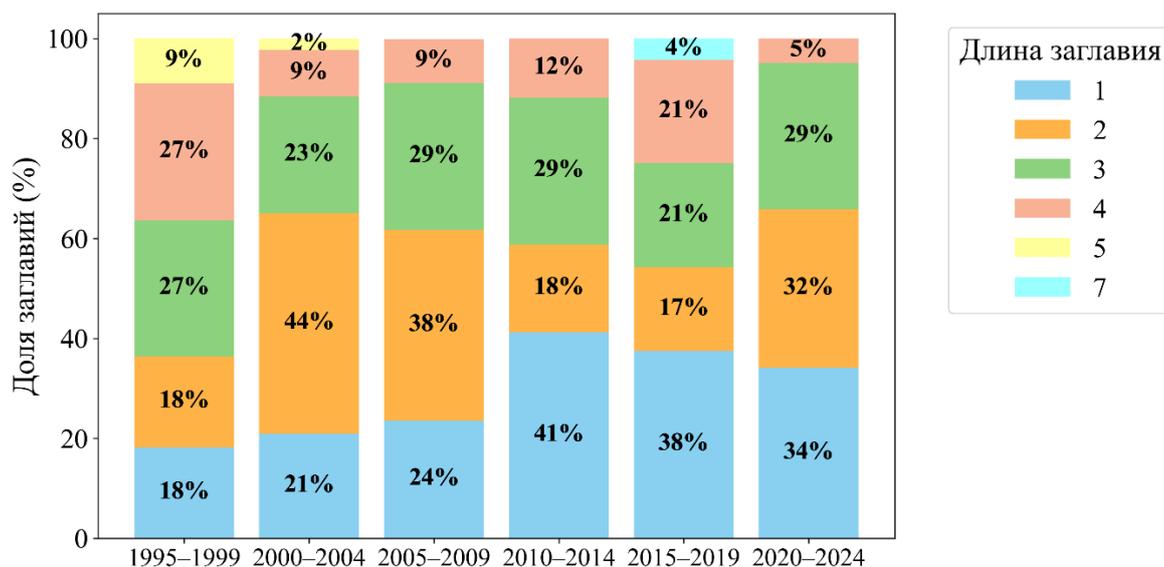

Рис. 6. Распределение длины заглавий по 5-летним периодам

Е. Ю. Лукин принадлежит к числу тех писателей, проза которых включает и малые, и средние, и большие жанровые формы. Изучение распределения и изменения длины заглавия по жанрам ставит перед исследователями ряд задач: установление средней длины заглавия, диапазона вариативности, частотности конкретной длины, динамики изменений с течением времени; обнаружение зависимости (или ее отсутствия) этих параметров от жанровых конвенций, мировоззренческих сдвигов, экспериментов в поэтике и других факторов; сопоставление данных показателей. При малой выборке решение некоторых из перечисленных задач оказывается невозможным. Мы считаем малопродуктивным анализ этих задач без привлечения данных по творчеству других авторов. Полученные нами результаты могут стать отправной точкой для будущих компаративных штудий.

Как показывает гистограмма (Рис. 5), 2-словные библиототонимы преобладают в жанре малой эпической формы (46/144), располагаются на втором по частотности месте после 1-словных в жанре романа (2/6), а в жанре повести вместе с последними имеют равное распределение (6/21). Мы видим, что в прозе волгоградского писателя романы не озаглавливаются одним

словом, диапазон вариативности длины в этом жанре не выходит за пределы 2–4 слов.

Отсутствие однословных романских заглавий не является уникальной чертой творчества Е. Ю. Лукина, их нет и у некоторых других писателей-фантастов: И. А. Ефремова, А. Н. и Б. Н. Стругацких, М. Г. Успенского, О. Н. Ларионовой (впрочем, последний автор написал мало романов, поэтому корректность его включения в список стоит под сомнением).

Наибольшую вариативность длины библиототонима демонстрирует жанр рассказа, но следует учитывать статистическую нерепрезентативность длинных заглавий в прозе автора.

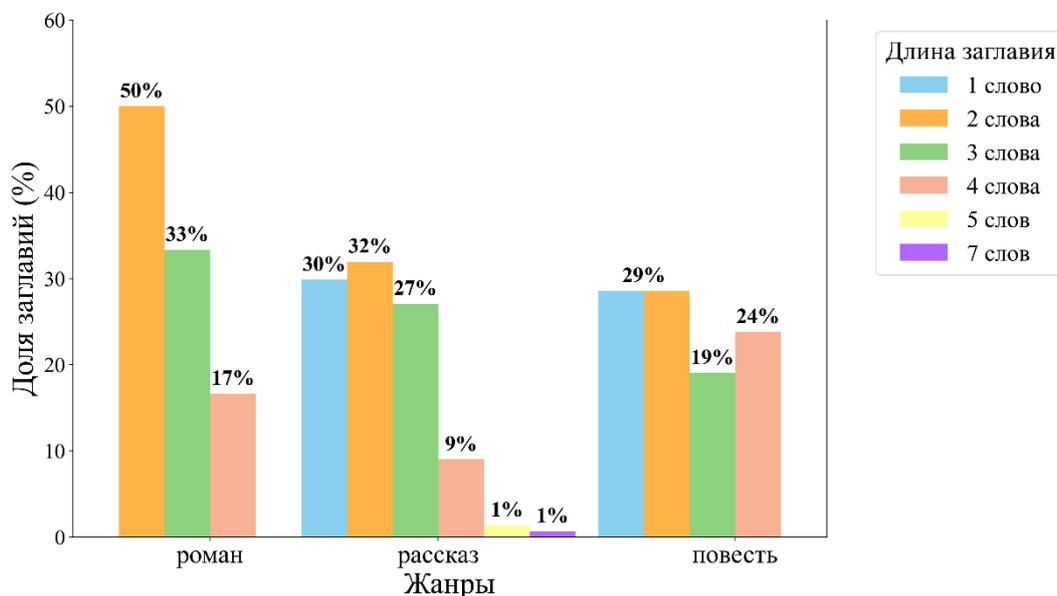

Рис. 7. Распределение длины заглавий по жанрам

Укажем **медианную** длину заглавия по жанрам: рассказ и повесть – 2 слова, роман – 2,5 слова. Сопоставление этих параметров ввиду неравномерной выборки кажется нецелесообразным даже с учетом специальных методов сглаживания данных.

Коэффициент вариации ($CV \approx 48\text{--}49\%$) для рассказов и повестей указывает на умеренный разброс длины заглавий. Типичная длина названий рассказов и повестей свидетельствует о варьировании половины библиототонимов в пределах 1–3 слов ($IQR = 2$). Таким образом, рассказы и

повести демонстрирует выраженное доминирование лаконичных форм заглавий, преимущественно 2-словных.

Подводя итоги, констатируем ключевые особенности структурного (квантитативного) развития библиототонимов в прозе Е. Ю. Лукина: 1) преобладание коротких заглавий (1-2 слова), постепенный рост доли 1-словных («сверхлаконичных») заглавий и снижение доли 2-словных; 2) отсутствие фактов квантитативной трансформации названий текста (средние или длинные заглавия не вытесняют короткие), медианная длина библиототонима на протяжении трех десятилетних / шести пятилетних периодов характеризуется стабильностью, умеренной вариативностью (см. коэффициент вариации и медиану); 3) квантитативные «предпочтения» автора заключаются в регулярном использовании заголовочных единиц длиной от 1 до 3 слов, именно в этом диапазоне происходит перераспределение частотности библиототонимов.

В специальной литературе встречаются попытки связать длину заглавия с тематикой текста, например: «Анализ показывает, что чем уже тема текста, тем чаще употребляются многословное название, что можно объяснить, по-видимому, стремлением конкретизировать тему описательным путем. И, наоборот, чем шире предмет изображения, тем заглавие носит более общий характер, тем оно короче» [Ли Лицюнь, 2004, с 76]. Наш материал не подтверждает предположение ученого, ср. названия рассказов «Литераторы», «Великая депрессия», «Что наша жизнь?» (тема произведений «узкая», однако выбраны лаконичные заглавия). Тем не менее, вывод исследователя небезоснователен, но требует привлечения и дополнительных факторов для установления корреляций.

Думается, не стоит связывать, как это делают некоторые филологи, использование лаконичных заглавий с тенденцией к экономии речевых усилий: «...одна из тенденций языка – стремление к сжатости, лаконичности, эта тенденция отражается и в заглавиях произведений [Колеватых, 2008, с. 8]. Сложно «экономить» выбирая для своего произведения, например,

ономастическое название, если лаконизм такого библионима обусловлен объективными причинами и поддерживается длительной литературной традицией. Одна из причин сокращения длины внутреннего заголовка – перераспределение его содержания между различными книжными элементами (титульный лист, аннотация и др.). Эта тенденция не может служить причинным фактором краткости названий потому, что не все из них являются заглавиями-предложениями. То, что действие тенденции охватывает и сферу заголовочных конструкций, – бесспорно: она проявляется в синтаксической компрессии и редукции: «В заголовках литературных произведений, в названиях глав многокомпонентное сложноподчинённое предложение сокращается до минимальной структуры. Обычно исключается придаточное изъяснительное» [Лагузова, 2016, с. 317]. Ср. «Глава 5, в которой [рассказывается о том, как] *Прохор пробирается в логово врага*» (Е. Ю. Лукин «Прошка с большой буквы).

Сомневаемся, что принципы реализма «способствовали укоренению лаконизма, лапидарности как в языке самих произведений, так и в их названиях» [Скударь, 2011, с. 63] (мнение филолога об искусстве заглавия А. С. Пушкина). В романтизме встречается немало коротких библиототонимов. Однако стоит напомнить о «белом пятне» в библионимических исследованиях: у нас нет данных о длине заглавий в произведениях того или иного литературного направления. Создание инструментов в рамках лингвистического корпуса, позволяющих анализировать количественные, синтаксические, семантические параметры библионимов представляется актуальной задачей.

Было бы интересным проверить, возможно ли экстраполировать на материал библиототонимов правило Деметрия Фалерского: «“Речь о предметах величественных требует удлинения колонов”, краткие же колоны применимы “к каким-либо мелким предметам”» [Москвин, 2016, с. 99] (как влияет тема произведения на длину его названия).

2.2.2. Синтаксическое развитие

В параграфе 3.1. мы подробно охарактеризовали грамматику заглавий в прозе Е. Ю. Лукина. На основании данных о длине заглавий можно делать только осторожные выводы о предпочитаемой автором синтаксической структуре для них. Например, если в прозе писателя встречаются только двухсловные библиототонимы, то это еще не означает, что приоритет отдается словосочетаниям. Это могут быть предложения («*Было время*»), предложно-падежные конструкции (см. внутренние заголовки: «*На прицеле*», «*Под следствием*»). Видимо, нет оснований говорить: чем короче или длиннее заглавие, тем определеннее его синтаксический статус (см. комбинированные словосочетания, нечленимые предложения).

В этом пункте работы статистический анализ будет менее подробным, чем в предыдущем. Разработка методологических и теоретических оснований для изучения развития синтаксических типов заголовочных конструкций – дело будущих исследований.

На диаграмме, приведенной ниже, показано соотношение синтаксических типов библиототонимов, которые использовал волгоградский автор.

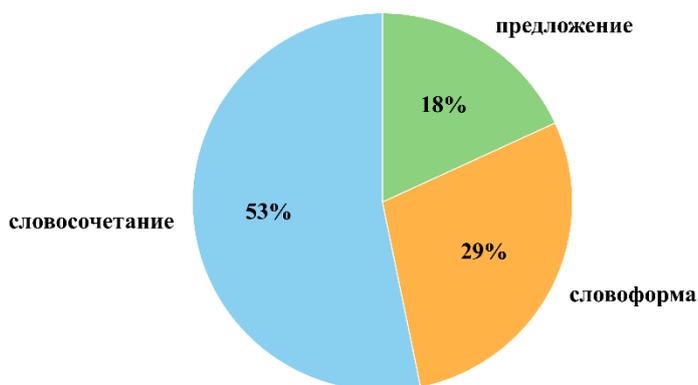

Рис. 8. Синтаксические типы заглавий в прозе Е. Ю. Лукина

Словосочетание заметно превосходит другие типы по частотности (91/171).

На рисунках 9 и 10 показано распределение заглавий, соотносящихся с одной из трех синтаксических единиц, по 5-летним и 10-летним периодам.

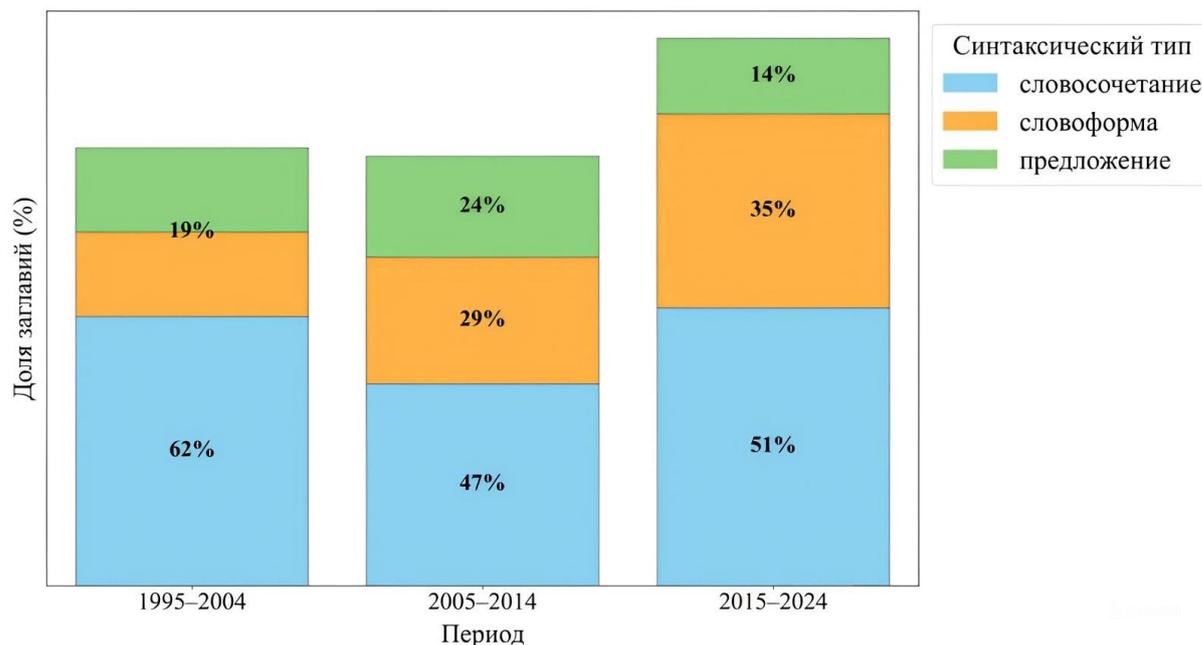

Рис. 9. Частотность синтаксических типов по десятилетним периодам

За весь период 1995–2025 гг. доля заглавий-словосочетаний в целом снизилась, несмотря на небольшой рост в последнем временном отрезке. В абсолютных числах показатели первого и третьего десятилетия практически одинаковы (32/52 и 33/65), но из-за того, что общий объем выборки в 2015–2024 увеличился и названия других синтаксически типов стали встречаться чаще (использование заглавий-словоформ увеличилось в два раза: с 10 до 23), процентное соотношение выглядит именно таким образом.

Во втором периоде доля заглавий-предложений немного выросла, но в последнем опустилась ниже начального уровня (1995–2004). Только заглавия-словоформы демонстрируют устойчивый рост на протяжении всех трех десятилетий, но вряд ли они когда-нибудь станут наиболее частотным типом. Из 12 произведений, размещенных в автором в сети в 2025 г., только три названы одним словом.

Во всех трех периодах доминируют библиототонимы-словосочетания, особенно показателен в этом отношении период 1995–2004, он выделяется и

равным использованием двух других типов (19%). Преобладание данного типа не вызывает удивления. В синтаксической структуре заглавий «нормой... является имя или именное словосочетание» [Арнольд, 1999, с. 225].

Теперь рассмотрим график распределения по 5-летним периодам (Рис. 10). Укажем выборку для всех периодов: 1-ый – 9 текстов; 2-ой – 43; 3-ий – 34; 4-ый – 17; 5-ый – 24; 6-ой – 41. Первый временной отрезок в виду критически малого объема выборки оставим вне описания.

5-летние срезы, на первый взгляд, демонстрируют непоследовательный рост заглавий-слов: умеренный в 2005–2009, пик в 2010–2014, небольшое снижение в 2015–2019 и «стабилизацию» тенденции к росту в последнем периоде. В действительности же рост скорее последовательный, а пиковое значение следует признать мнимым (как и пиковое значений заглавий-предложений и значительный спад заглавий-словосочетаний в этом периоде), он вызван недостаточно репрезентативным количеством текстов (17). Таким образом, если исключить период 2010–2014, то тенденция к росту употребления библионимов-слов представляется более устойчивой.

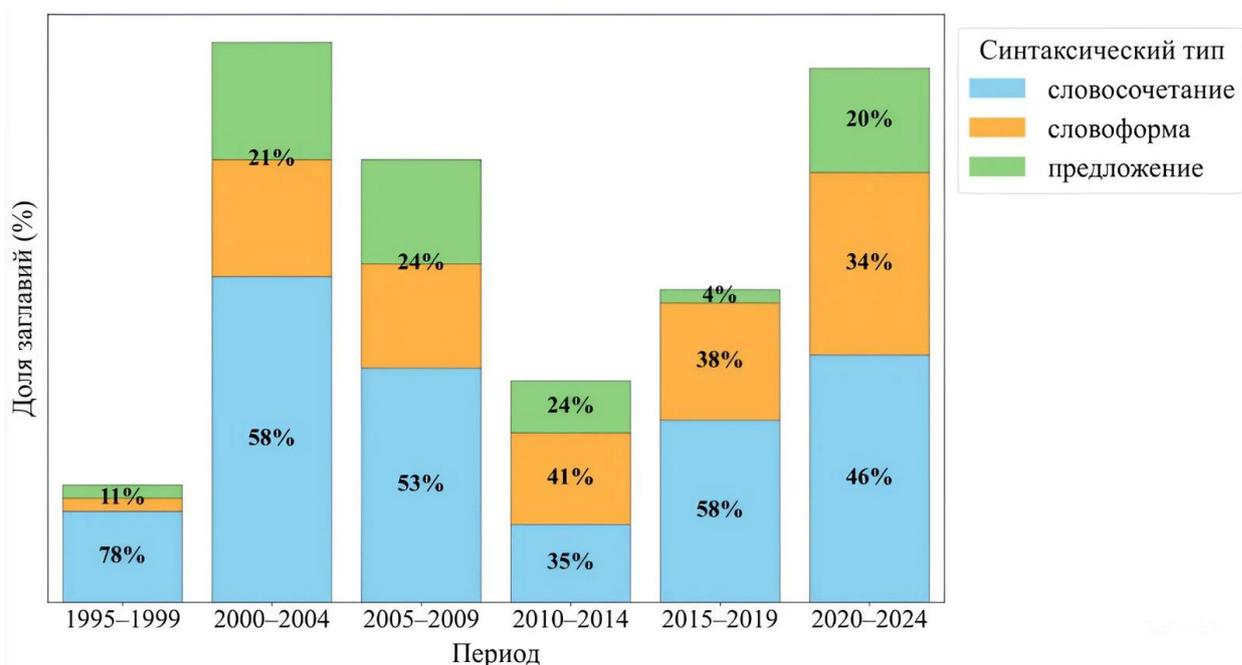

Рис. 10. Частотность синтаксических типов по пятилетним периодам

Кратковременный рост библиототонимов-предложений сменился резким падением (всего 1 пример) в 2015–2019, хотя подчеркнем, что для сравнения этот отрезок времени не самый надежный. В целом для 2010–2019 гг. характерно редкое использование подобных заглавий, их общее количество (5) уступает отдельным 5-летним периодам. После спада доля библиототонимов-предложений поднялась до 20%, но не восстановила (не превысила) пиковые значения.

Итак, 10-летние графики показывают плавное снижение доли заглавий-предложений, 5-летние отличаются более нелинейной динамикой изменений, выявляют ключевые колебания данных, «сглаженных» на длинной дистанции. На 10-летнем графике рост библиототонимов-предложений пришелся на 2010–2014 гг., 5-летняя гистограмма уточняет: рост был сосредоточен в 2005–2009 гг., затем началось уменьшение названий данного синтаксического типа, особенно серьезное в предпоследнем периоде. Тем не менее, оба рисунка фиксируют общую направленность на сокращение доли заглавий-предложений в прозе волгоградского писателя.

Представим в таблице статистические показатели длины заглавия. Данные по названиям-словоформам мы не приводим в силу их неинформативности.

Таблица 6. Показатели длины заглавия по синтаксическим типам

Синтаксический тип	Среднеарифметическое	Медиана	Коэффициент вариации
Словосочетание	2,7	3	33%
Предложение	2,9	3	28%

Диапазон длины библиототонима-предложения – 2–4 слова, а библиототонима-словосочетания – 2–7 слов. Максимальная длина библиотонима-предложения в прозе Е. Ю. Лукина составляет 4 слова, библиотонима-словосочетания – 7 слов. Приведем пример последнего: «*Витёк с планеты Земля и его питомец*». Строго говоря, перед нами словосочетание в широком понимании: сочинительное. Считаем корректным сочетания с

сочинительную связью (еще один пример «*Лука и бита*») не выделять в отдельный тип, так же, как и некоторые другие непредикативные и полупредикативные сочетания, например: а) сочетание словоформ с уточнительными отношениями («*Там, за Ахероном*»); б) определяемое слово и обособленный оборот («*Рукопись, найденная под микроскопом*»). В общей статистике таких примеров немного (5).

Мы уже отмечали, что между длиной заглавия и возможностью, зная ее, точно определить конкретное синтаксическое оформление, прямой корреляции нет. Библиототоним-словосочетание является самым частотным синтаксическим типом в прозе Е. Ю. Лукина, также он имеет наибольшее разнообразие в длине (Рис. 11).

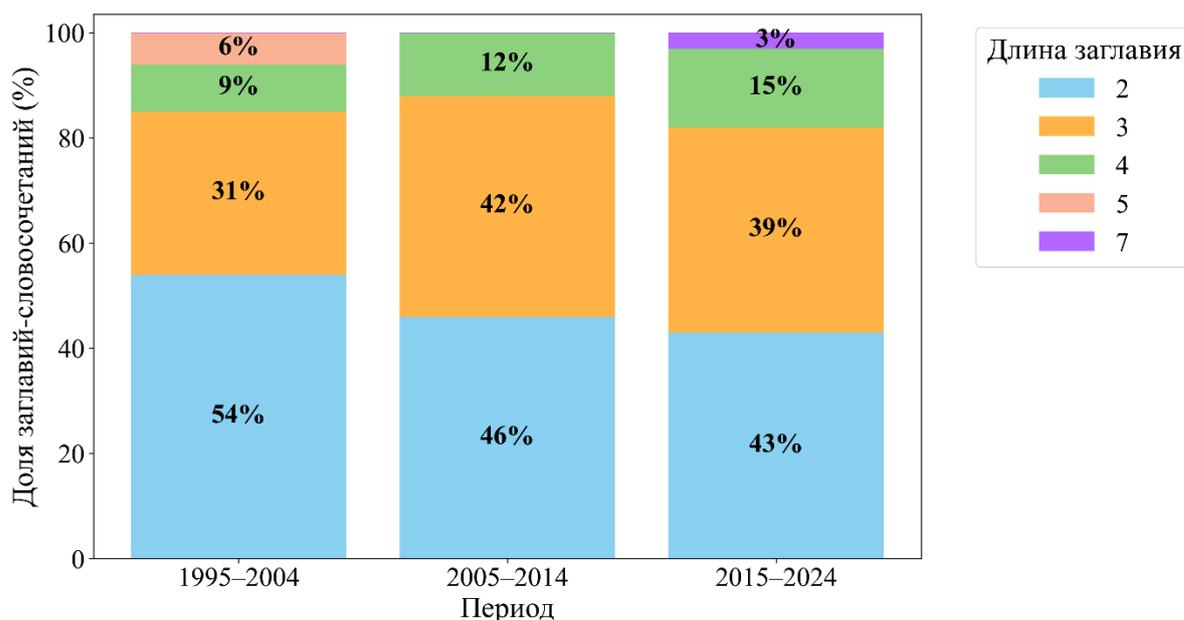

Рис. 11. Распределение длины заглавия-словосочетания по 10-летним периодам

Рисунок показывает, что в каждом из трех десятилетий использовались двух-, трех-, четырехсловные формы заглавия. 5-словные конструкции («*Седьмой кол из плетня супостата*») исчезают после первого периода, 7-словное встречается один раз в последнем периоде. За разной процентной долей 4-словных названий в первом и втором периодах скрывается одинаковое количество произведений (3), например, «*Юные годы Старого Капитана*», «*В Стране Заходящего Солнца*», «*Педагогическая поэма второго порядка*».

Использование 4-словных библиототонимов-словосочетаний последовательно увеличивалось, но незначительно.

Разные процентные показатели, но одинаковые абсолютные значения (10) характерны для 3-словных заглавий в 1995–2004 и 2005–2014 г. Автор активно использовал этот тип, а повышение его доли во втором периоде (31% → 42%) связано с уменьшением общего количества библиототонимов-словосочетаний во втором периоде (с 32 в первом до 24 во втором). Приведем некоторые примеры: *«Дело о причиндалах»*, *«Урок прикладной морали»*, *«Гонка за черепахой»*.

Проанализируем коэффициент вариации (CV). Напомним, этот показатель в контексте нашего исследования помогает оценивать степень изменчивости (меру разброса данных относительно среднего значения) длины библиотонима. Все синтаксические типы характеризуются низкой вариативностью (<50%). Преобладание CV у заглавий-словосочетаний (33%) объясняется 5 и 7-словными «выбросами» (без них CV снизился до ~25%) и структурной неоднородностью. CV предложений не характеризуется экстремальными «выбросами», диапазон длины более ограничен (2–4 слова).

Итак, среди библиототонимов-словосочетаний доминируют 2-словные (47%) и 3-словные формы (37%), среди библиототонимов-предложений однозначно доминирующих форм нет, разница между 2-словными и 3-статистически незначима (39% и 35% соответственно), существенную долю образуют и 4-словные варианты (26%). 10-летние периоды отмечены преобладанием заглавий-словосочетаний над другими типами: 61% в 1995–2004 гг., 47% – в 2005–2014 гг., 51% – в 2015–2024 гг.

2.3. Цикл «Слепые поводыри»: функциональный и семантический анализ предтекстовой и внутритекстовой библиотонимии

Романы *Разбойничья злая луна* (1997), *«Слепые поводыри»* (2000) и повесть *«Миссионеры»* (1989, в соавт. с. Л. Лукиной) составляют цикл,

фантастическую трилогию «Слепые поводыри» (иногда заглавию цикла в критической рецепции выступает имя повести). Сюжетная хронология цикла и хронология написания произведений не совпадают. События, описываемые в романе «Слепые поводыри», предшествуют событиям, изложенным в раннее написанных текстах.

Представляет интерес история создания произведений, «собираемая» их в цикл, о чем волгоградский писатель рассказывал в блогах на платформе АТ (Author.Today) и в разных интервью. Перед нами «вторичный цикл» (понятие М. Н. Дарвина), то есть возникший путем объединения художественных текстов, «написанных в разное время и по разному поводу» [Дарвин, 2018, с. 19]: романы «Разбойничья злая луна» и «Слепые поводыри», сочиненные уже после смерти Л. Лукиной, жены автора, первоначально не мыслились как предыстория и продолжение повести «Миссионеры», над последней супруги трудились около 7 лет (начата в 1983, опубликована в 1989 в № 6 журнала «Искатель»). Трилогия, по словам автора, вышла совершенно случайно: «...Просто в мире пустынь, колёсных парусников и боевых зеркал предполагалась некая третья сила, технически развитая цивилизация, помаленьку прибирающая этот мир к рукам. И её предстояло ещё придумать. Как вдруг осенило: у меня ведь есть Миссионеры. Если предположить, что к тому времени воинственные островитяне захватили материк, они должны были неминуемо добраться и до окраин. И Разбойничья злая луна неожиданно стала сиквелом» [URL: <https://author.today/post/239313>].

Некоторыми критиками и читателями когерентность цикла ставится под сомнение, в большей степени это касается заключительной (по времени написания) части трилогии, романа «Слепые поводыри», который иногда рекомендуют считать *другой* историей, не связанной с циклом, несмотря на общность тематики и проблематики, системы персонажей; советуют, следовательно, рассматривать цикл как дилогию, а не трилогию. Тем не менее, как мы постараемся показать далее, смысловой спаянности цикла, внутренней и внешней согласованности входящих в его состав произведений способствует

система имен собственных, в частности, микросистема библионимов. Семантическая связь компонентов цикла «основывается на возвращении значений, повторении сходных мотивов и смыслов» (К.-М. Орт), [Цит. по: Егорова, 2004, с. 5].

Трилогия повествует о задуманном спасении группой людей, переместившихся в альтернативный мир (в прошлое, как они первоначально считали), первобытных племен неизвестных островов от местных европейских миссионеров, и в результате обернувшееся милитаристской экспансией со стороны *исторически* жертв Конкисты, колонизаторства. Благие намерения «вмешательства» более развитой цивилизации (или попаданцев-прогрессоров) в жизнь менее развитого общества, оборачивающиеся адом, – известный мотив в фантастической литературе, например, в таких жанрах, как хронофантастика, альтернативная история.

Проанализируем семантику и функции названия каждого произведения, входящего в цикл.

По сюжету хронологически первым идет роман «Слепые поводыри». Структурный тип библионима – атрибутивное словосочетание, прилагательное + существительное. В сочетании лексемы *поводырь* – ‘тот, кто сопровождает слепого, указывая путь’ [БТС, 2000, с. 853] с адъективной лексемой *слепой* уже содержится авторская оценка, герменевтическая подсказка для читателя. Ему остается только узнать, в каких исторических масштабах осуществляется поводырство, кто ведет и кто ведомый. Библионим выступает текстовой реминисценцией (понятие А. Е. Супруна), выполняет *аллюзивную функцию*, отсылая к библейскому выражению *слепые поводыри слепых* (в более ранних переводах – «вожди»), восходящему к притче Иисуса Христа: «Оставьте их, они – слепые вожди слепых; а если слепой ведёт слепого, то оба упадут в яму» (Мф. 15:14)», предположительно, на ней основан сюжет картины Питера Брейгеля Старшего «Притча о слепых», в которой слепой поводырь ведет цепочку слепых за собой. С этой точки зрения перед нами семиотически двунаправленный аллюзивный заголовок: отсылает к

библейскому тексту и произведению изобразительного искусства. Происхождение идиомы даже древнее, она восходит к упанишаде Катха: «Пребывая в глубине незнания, [но] считая себя разумными и учеными, / Блуждают, скитаются дураки, словно слепцы, ведомые слепцом» [Катха упанишада, 1992, с. 101].

Усеченность библеизма в заглавии, возможно, обусловлена желанием автора увести читателя от явной цитации с ее обличительным пафосом, пролепсисом концептуального плана текста, оставить перед загадкой на этапе предпонимания текста: кто поводырь – собака или человек? если человек, то поводырь одного человека или масс? слепой физически и / или духовно? почему слепой? (интригующая функция библониима). Это значимое отсутствие, концептуальное сокрытие ведомого субъекта и его характеристики – слепоты, ведь провожатым можно выступать и для зрячих; в зависимости от конфигурации «слепой – слепой», «слепой – зрячий» по-разному будут выстраиваться проблематические линии романа.

В романе М. де Сервантеса «Хитроумный Идальго Дон Кихот Ламанчский» притчу Иисуса Христа цитировал оруженосец рыцаря Леса в ответ на комплементарные высказывания Санчо Панса в адрес Дон Кихота. Даже если читатель не обладает общекультурной компетенцией, чтобы распознать религиозный, искусствоведческий и литературный пласт, имплицитированный в названии, он скорее всего «зацепится» за его метафорический потенциал, станет предполагать негативный сценарий развития романного действия, так как соединение слепоты и поводырства вряд ли обещает позитивное содержание. Понимание смыслового «богатства» заглавия зависит от тождества авторского и читательского референтных полей.

Замыслу Игоря Челканова, главного героя романа, отчасти присущ донкихотизм, быстро принявший катастрофический характер, когда возникли условия для достижения благородной цели: если бы появилась возможность технологически подготовить туземцев островных цивилизаций к встрече с

христианскими миссионерами, с Конкистой, то история, возможно, пошла бы другим, менее кровавым путем, самобытные культуры не подверглись бы уничтожению или ассимиляции. И такая возможность предоставляется герою и его знакомым. Сувенир, бездомный, показывает им случайно обнаруженную пространственно-временную лазейку. Пройдя сквозь нее, компания оказывается на острове, географические координаты которого сложно установить, трудности возникают и с определением времени (прошлое? настоящее? будущее?). За «лазейкой» не закреплено индивидуальное имя, хотя в некоторых мифологиях, фантастических произведениях (художественных, кинематографических, игровых) объекты, соединяющие разные миры, открывающие проход в то или иное измерение, позволяющие быстро перемещаться из одного места в другое, обладают названием: *мост Биврёст* в скандинавской мифологии, ретрансляторы в научно-фантастической компьютерной игре «Mass effect» (*Ретранслятор «Альфа»*, *Ретранслятор «Омега-2»* и др.), *аномалия «Пространственный пузырь»* в серии книг «S.T.A.L.K.E.R.». Это разного рода шкафы, зеркала, порталы, туннели, стены, люки, пещеры, червоточины, леса, реки, нуль-переходы, как правило, выполняющие «роль телепортации героя из одной виртуальности в другую» [Мельникова, 2010, с. 76], являются жанрообразующим приемом. Наличие временной лазейки никак не мотивируется автором.

Постепенно компания Игоря понимает, что оказалась не в прошлом или настоящем, но совсем в другом мире, впрочем, имеющим немало черт, сближающих его с миром, откуда прибыли герои. «Туземный» мир изображается как параллельный миру России 90-х гг. Если бы герои попали в прошлое или будущее, их бы можно было называть хронопопаданцами, однако они переместились в альтернативный мир (нам известна только малая часть его), где уровень технологического и социокультурного развития еще крайне низкий (соответствует примерно XIV-XV вв., если привлечь хронологию из текста «Миссионеры»), поэтому о том, что они попали в

прошлое, можно говорить с оговорками. Тем не менее считаем оправданным употребление понятий «попаданец» и «хронокоррекция».

В романе «Слепые поводыри» реальная топонимия, составляющая *культурно-ономастический фон* произведения, количественно преобладает над вымышленной (22 ед. против 8). Реальные имена собственные всплывают в речи персонажей чаще всего в связи с (а) обсуждением истории эпохи Великих географических открытий, в котором, как правило, за топонимами тянется антропонимический прецедентный шлейф и наоборот (онимы «как свернутый лингвокультурный код» [Королёва, 2016, с. 60]): *Юкатан* (Гонсало Герреро), *Новый свет* (Колумб, Монтесума, Херонимо Агилар), *Полинезия* (Магеллан, Кук, Бугенвиль), *Латинская Америка, Европа*; (б) установлением приблизительных географии и времени местопребывания в альтернативном мире: *Океания, Таити, Тонга, Гавайи, Океания, Меланезия, Микронезия*; (в) актуальной проблематикой 1990-х (политической, социально-культурной): *Россия, Чечня, Афганистан, Америка*. Большая часть онимов выполняет *аллюзивную функцию*, а также *дидактическую* (didactic-educative function), благодаря которой у читателя и персонажей «knowledge is preserved or enriched» [Gibka, 2019, p. 57] («знания сохраняются или обогащаются»), пример второй: «А государств в первобытной Полинезии, насколько мне известно, было три: Гавайи, Тонга и Таити... Почти уже сложившиеся государства... впоследствии, понятно, разрушенные христианами...» [Лукин, 2023, с. 1045].

Малочисленность и неразработанность вымышленной топонимии по сравнению с другими произведениями цикла объясняется «приквельным» характером романа, *первым* опытом взаимодействия персонажей с новой для них реальностью, чья деятельность по имянаречению ограничена технологическими и культурными возможностями туземцев: бедность материальных ресурсов архипелага, препятствующая развитию мореплавания, неспособность быстро наладить технологический цикл, даже с учетом того, что специалистов и необходимые материалы можно переправлять из

реального мира через пространственно-временную «лазейку», которая, однако, ввиду небольшого размера характеризуется низкой пропускной способностью, а герои испытывают страх, что ее кто-нибудь обнаружит, например, ФСБ.

Некоторые острова архипелага альтернативного мира уже имеют названия («Два больших острова... Ана-Тарау и Тара-Амингу... По-русски это будет – Остров Акулы и Акулий Плавник» [Лукин, 2023, с. 1081], остров *Уну*), другие же получают имена от российских попутанцев: «...остальные не назывались никак. На карте их пронумеровали, а двум дали имена: Сувенир и Герреро» [Там же, с. 1085]. На двух последних топонимах следует остановиться подробнее.

Пребывание в островной части мира герои начали с убийства Сувенира, бездомного, который первый обнаружил и показал им лазейку-портал. Испугавшись, что он не сможет сохранить секрет месторасположения перехода, Влад, «филолог-недоучка», ударяет его плоской дубиной: «А чего?.. – попятившись, истерически выкрикнул тот. – Ждать, пока он всем разболтает?..» [Там же, с. 1034]. В честь бездомного и был назван остров с лазейкой (трансонимизация: антропоним → инсулоним), семантика имени материализовалась, «опредметилась» для героев: *souvenir* (франц.) – ‘воспоминание, память’, ‘напоминание’ [Ганшина, 1977, с. 798].

Более того, Сувенир – ненастоящее имя: «Авенир он. А это уж так, переосмыслили...» [Лукин, 2023, с. 1023], *Авенир* ‘из др.-евр. ’*abnēr* отец (бог) – свет’ [Суперанская, 2005, с. 22], этимологическое значение имени семантически не согласуется с личностью персонажа («бомж», любитель выпить, пропил квартиру), такая номинативная трансформация «Авенир → Сувенир» скорее преследует комическую цель (комическая функция: несоответствие семантики личного имени его носителю), и вряд ли стоит соблазняться на интерпретацию убийства бездомного как убийства Бога, идеи Бога (ономастическая норма толкования: *необязательность* актуализации апеллятивного значения в той или иной проприальной лексеме, связи

этимологической семантики с сюжетно-мотивной структурой), тем не менее именно с его смерти начинается отсчет многочисленным жертвам в цикле, неслучайно один из главных героев Игорь Челканов, «историк из котельной», предупреждает своих друзей, что «любой малейший поворот истории – это сотни тысяч трупов» [Лукин, 2023, с. 1043]. На главном острове с проходом между мирами построили святилище, поэтому сакральная информация имени, возможно, учитывалась (не персонажами) при его именовании.

Почему персонажи для названия острова выбрали имя убитого? Вряд ли потому, что хотели хотя бы символически загладить вину (тогда правильнее бы смотрелся выбор *настоящего* имени) путем вербального увековечивания первооткрывателя лазейки, но нельзя исключать и этой психоаналитической трактовки. Имя есть напоминание, но не столько о личности убитого Владом, сколько о той цели, которую поставили персонажи перед собой. Кроме *номинативной* и *меморативной функций*, инсулоном *Сувенир* выполняет отчасти и *символическую функцию*: это место, с которого благими намерениями «попаданцев», задумавших не допустить подчинения архипелага идеалам какого-нибудь n-центризма, мостилась дорога в ад.

Не менее значим мемориальный топоним (инсулоном *Герреро*). Гонсало Герреро – известный конкистадор с необычной судьбой: «Он явил собой яркий пример того, что в антропологии называется “обратной ассимиляцией”»: это когда человек принимает обычаи народа, стоящего на более низком уровне цивилизованности и отвергает свою прежнюю культуру. Герреро со временем овладел языком майя, сумел втереться в доверие к правителю города-государства Четумаль и настолько, что тот поставил его главнокомандующим армии и выдал за него свою дочь» [Кофман, 2022, с. 19]. Фигура перебежчика интересовала Игоря как пример сопротивления колонизации: он обучал майя воевать, строить фортификационные сооружения, участвовал в битвах против испанцев. К его экзотичной биографии часто апеллировали персонажи романа в диалогах друг с другом, отчасти видя в открывшейся им возможности изменить историю частичное повторение его судьбы: «Вот если бы он бежал

не с галиона и не в Юкатан, а лет этак на двадцать раньше, с каравеллы – куда-нибудь там, я не знаю, к тотонакам или к Монтесуме... Ох и вломили бы конкистадорам... По первое число!.. И не было бы сейчас на карте ни Соединённых Штатов, ни Латинской Америки» [Лукин, 2023, с. 1022]. В его честь и получил имя один из островов, должный символизировать антиколониальный, антимиссионерский форпост (*символическая функция*).

Следует отметить, что два рассмотренных топонима представляют собой единственные географические объекты, которые наречены пришельцами из другого мира. Один связан с героикой, а другой – с жертвами («осознанная необходимость», – как любил повторять Игорь), неразрывной частью любой героики.

Коралловый остров Сувенир («глубинка») принадлежит союзу племен с главного острова *Ана-Тарау* («столица, «метрополия»). Другим центром, постоянно сражающимся за власть над архипелагом с Ана-Тарау, выступает остров *Тара-Амингу*, остров Акулы и Акулий Плавник соответственно. Семиотически их отношения – это отношения периферии и центра, но именно на периферии начали происходить процессы, затронувшие и в дальнейшем перестроившие центр. Прозрачна мотивация онимов, а именно обилие акул в островных водах. Акулий плавник – название, возможно обусловлено и промыслом акульих плавников. Драка двух котов, случайно забредших в другой мир, за территорию дается как сниженная, профанная параллель противостоянию между Ана-Тарау и Тара-Амингу. Далекое не случаен выбор именно таких названий: мнимое семантическое неравноправие, поскольку отношения между именами *синекдохические*, части и целого; и оппозиция между племенами островов мнимая, потому что они имеют больше сходств, чем отличий, вероятно, принадлежат к одному культурному ареалу. Искусственности, неправильности вражды между островами, последствиям, к которым приводят благие намерения героев-попаданцев, посвящена повесть «Миссионеры».

Через некоторое время Игорь становится местным богом для туземцев (в реальности же он имеет незаконченное высшее образование, работает в котельной, возрастом «за пятьдесят», любитель выпить). С миссионерским «прогрессорством» жители островов еще не столкнулись, поэтому соблазн изменить ход истории, вдохновившись конкистадором-перебежчиком Гонсало Герреро, успешно воевавшим с испанскими экспедициями, захватывает сознание персонажей. Но как замечает «историк из котельной» Игорь Челканов, индуцирующий в молодые и неопытные головы «филологов-недоучек» свои «прогрессорские» мысли, «любой малейший поворот истории – это сотни тысяч трупов» [Лукин, 2023, с. 1043] – мысль, неизменно подтверждающаяся в ходе повествования. Сам замысел героя идеалистичным оказывается только на словах. Сын Президента финансовой компании «Атлантида» Сергея Самсоновича Имярекова случайно обнаружил лазейку и, с шумом выведенный из иномирья, пожаловался отцу на обидчиков и рассказал об увиденном там море. Тот, заинтересовавшийся секретностью места, заставил показать Игоря с Владом и Андреем, что они скрывают, и на увиденное у Сергея Самсоновича сразу появился бизнес-план (добыча черного жемчуга). Планировавший стать депутатом, чтобы попытаться превратить Россию, «эту паршивую федерацию в аристократическое государство Платона» [Там же, с. 1077], он в скором времени оказывается под прессом процессов, связанных с финансовыми пирамидами РДС, МММ, и, чтобы сохранить и приумножить финансовый капитал, а самому временно переждать административно-репрессивную бурю, назначает Игоря соучредителем в торговом доме и перед этим верно замечает: «Траванулся ты, Игорёк!.. Власти вкусил – думаешь, не видно? Ты сейчас ради своего островка на всё пойдёшь... А островок-то – он денежек просит!..» [Там же, с. 1117].

Отравление властью и миазмами «лихих 90-х» приводит преуспевающего в политике и бизнесе историка из котельной к мыслям о незначительной разнице между Россией и первобытным архипелагом, ставшим испытательным полигоном по управлению человеческим капиталом:

«Так, спрашивается, какой же мне смысл рулить историей там, когда с тем же успехом я могу это делать здесь?!» [Там же, с. 1145]. Поэтому в заглавии прочитывается и аллюзия на тех народных избранников, олигархов, элиту, кто под предлогом красивых слов о переменах к лучшему, занимался перераспределением собственности, бизнесом с нечеловеческим лицом.

В связи с Сергеем Самсоновичем отметим деталь – томик Платона. К. С. Федотова, широко определяя термин «библиопозтоним», относит к нему «не только названия литературных произведений, но и метонимические именованья книг по фамилии или имени их автора: *Барон Брамбеус, Сократ*: «Что я прочел? Вам скучно, Лери, / И под столом лежит Сократ, / Томитесь Вы по древней вере? / - Какой отличный маскарад!» [Гумилев, 1998-2007, т. 3, с. 107] – позтоним *Сократ* в этом контексте может отсылать к какой-то монографии о жизни древнего философа, к воспоминаниям о нем (например, труд Ксенофонта “Воспоминания о Сократе”), возможно, к “сократическим” диалогам Платона...» [Федотова, 2018, с. 142]. Безусловно, что важными факторами для определения названия книги в подобном случае обязательно должны быть контекст и конситуация, иначе одного метонимического употребления будет недостаточно для аргументированного вывода. Библионим обладает референциальной определенностью, а в приведенном исследователем примере настораживает неконкретность отсылки («к какой-то... возможно...»), поэтому подлежит сомнению обоснованность включения метонимических наименований книг в состав библионима. В библиотеке Игоря Сергей Самсонович «узрел орлиным оком знакомый корешок на стеллаже и, изумлённо заломив бровь, вынул потрёпанный песочного цвета томик Платона» [Лукин, 2023, с. 1073], увидел сделанные отметки. Примерно в таком цвете было издано собрание сочинений Платона в четырех томах (1990–1994). Неясно, какие по содержанию отметки оставил Игорь, но можно догадаться, в каком томе он их сделал. В том же томе, который читал Сергей Самсонович на острове: «Пытаясь хотя бы отчасти восстановить душевное равновесие, бывший президент “Атлантиды” раскрыл прихваченный на

остров томик Платона, где тут же наткнулся на скрупулёзный подсчёт, *во сколько раз лучше быть царём, чем тираном*, – и захлопнул со злостью. Сам давно знал наизусть, что *в семьсот двадцать девять раз...*» [Там же, с. 1135–1136] (Курсив наш. – В. Д.). Выделенный курсивом вопрос обсуждался Платоном в диалоге «Государство» (т. 3, кн. 9). В указанном томе находятся диалоги «Тимей» и «Критий», знаменитые, помимо всего прочего, легендой об Атлантиде. Название одноименной фирмы, президентом которой является Сергей Самсонович, образовано в результате трансонимизации: мифотопоним «Атлантида» → эргоним «Атлантида». Являются сквозными проблемы власти (на примере Игоря и Сергея) и реализация проекта идеального государства в конкретных национальных и островных координатах (на примере Сергея Самсоновича). Библиототоним, таким образом, выполняет следующие функции: *символическую* – судьбу Атлантиды повторяют планы бизнесмена, с островными жителями, «людоедами», по определению Сергея Самсоновича, вряд ли можно организовать идеальное государство; *характерологическую* – служит маркером интенциональной направленности персонажа, образованности его и автора: «Библионимия... вскрывает... общий кругозор автора, степень знания национальной и мировой культуры, выполняя тем самым *констатирующую и характерологическую* функции» [Климкова, 2023, с. 328].

Библионим «Слепые поводыри» не разворачивается в тексте в виде дистантного повтора или синонимических конструкций. Заглавное словосочетание принадлежит авторской речесубъектной сфере. С корнем «слеп» встречаются 8 выражений, 4 из которых связаны с оценкой зрительного восприятия физических качеств природных и рукотворных объектов (*ослепительно-белый песок, ослепительный свет солнца; ослепительный свет белых фонарей, ослепительный свет прожекторов*; лексема «ослепительный» использована в прямом значении); 4 – с действиями персонажей: *слепо прищурился, ослепительно улыбнулся, сослепу не налетел, вслепую передвигаться*. Несмотря на то что библионим не эксплицирован в речевой

структуре произведения, не дублирован в исходной форме, он не позволяет пройти мимо контекстов, где лексемы содержат семантику кратковременного *физического* ослепления, квазислепоты. Внимание читателя должно сосредоточиться на поиске возможного присутствия перехода от ситуативной физической слепоты персонажей к слепоте мировоззренческой. Например, в одном из эпизодов группа попаданцев обустроила подвал под временную лазейку, чтобы скрыть ее от посторонних людей, служб ФСБ или местной милиции, перед которыми в начале испытывала страх из-за своего открытия. Пересекая границу, герои, как правило, оказываются на острове в светлое время суток, в это время удобнее проводить технологические работы: «Спрыгнул вниз, ощутил сквозь подошвы ботинок податливость песка и, заранее зажмурясь, шагнул вперед. *Переход из мрака в ослепительный свет* был особенно неприятен» [Лукин, 2023, с. 1049] (Курсив наш. – В. Д.). Может быть, и не стоит искать символизма ни в этом переходе, ни в том, что спуск в подвал можно интерпретировать как будущее моральное падение героев, как духовно-нравственное испытание. Локус подвала способен «символизировать нижние этажи психики» [Куляпин, 2016, с. 23], спуск в бессознательное. Архипелаг в таком случае становится катализатором его расшатывания. Несмотря на частую вражду между островами и присутствие людоедского племени, на нем не встретишь той атмосферы первобытного ужаса, описанного Дж. Конрадом в повести «Сердце тьмы», рассказывающей о путешествии Марлоу в глубины Африки, но обнаружишь сходство в постановке писателями некоторых философских проблем: добро и зло в человеческой природе, соотношение дикого и цивилизованного, метаморфозы власти. Философская и этическая проблематика характерна для произведений социальной фантастики, жанров альтернативной истории и хронокоррекции.

Отметим, что в центр читательского внимания выдвигается в начале знакомства с романом не только его заглавие, но и подзаголовок. Он, в отличие от библионима, имеет в тексте прямые лексические параллели. Выражение *осознанная необходимость* встречается в речи Игоря (5), Андрея (1), в

сокращенном в препозиции варианте – *необходимость* – в речи Самсона Самсоновича (1). Подзаголовок носит интертекстуальный характер: определение, что свобода есть осознанная необходимость, приписывают Канту, Гегелю, Спинозе и др. Впервые в тексте это определение появляется в речи Игоря на следующий день, после того как его знакомый, Влад, убил Сувенира (из-за страха, что тот раскроет местоположение лазейки другим) во время физической работы над подвалом, организованной Игорем, чтобы групповое чувство вины и «самоедство» притупилось. Влад хотел выяснить, действительно ли Игорь с Андреем задумали попытаться скорректировать ход истории, и на слова о необходимости принять решение в этом вопросе, историк из котельной ответил, что за них уже все решено: «Обстоятельствами, Влад, обстоятельствами. Ты же сам видишь, что каждый наш ход – вынужденный... Что решать-то? Лазить сюда или не лазить? Так мы уже здесь, мы уже влезли – причём, по уши... Чёрт бы драл этого лысого, но, похоже, свобода – это, действительно, осознанная необходимость...» [Лукин, 2023, с. 1043]. Осознание героем того, что любой поворот истории сопровождается многочисленными жертвами, освобождает его от моральных терзаний, якобы оправдывает необходимость совершенных и будущих поступков, хотя и не сразу. Показателен в этом отношении эпизод с убийством в порыве ненависти Игорем туземца за то, что тот уличил жрица в неточности исполнения сакрального текста: «Он только что снова застрелил человека. И – ни угрызений совести, ни даже осознания того, что произошло: застрелил – и всё» [Там же, с. 1063] и чуть позже: «Чёртова подкорка! В гробу она видела осознанную необходимость! Снится дикарь и снится...» [Там же, с. 1058].

В конце романа подвал оказывается подорванным возжелавшим власти в реальном мире Игорем. Влад, Андрей, Сергей Самсонович, приглашенные специалисты оказываются навсегда отрезанными от реального мира. Замыслы Сергея Самсоновича, поклонника Платона, оказались «затопленными», как «затонула» раннее его фирма «Атлантида», как и черный жемчуг, топимый им в финальной сцене романа, за который он хотел купить всю Россию. Мечтая о

переустройстве России в духе идеального государства Платона: «А наверху должны быть лучшие! Умные! Честные!.. Такие, как я!.. Может быть, такие, как ты!.. Ну не тот в России народ...» [Там же, с. 1077], он выбрал символически опасное имя для собственной фирмы, политической компании: судьба Атлантиды настигла планируемое несостоявшимся депутатом идеальное государство. Так смыкаются томик Платона (с диалогами «Государство» и «Критий») и библионим «Слепые поводыри». Слепой выбор мог обернуться трагедией для страны, если бы планы героя состоялись, что было заведомо невозможно, так как его частные интересы на самом деле сводились к обыкновенному обогащению. Впрочем, трагедии стране избежать и не удалось, потому как бывшее прежде единым государство СССР распалось, и к власти начали стремиться такие личности, как Игорь, относительно безобидный человек во времена работы в котельной, чтения исторических и философских книг, обсуждения политических событий, но претерпевший отрицательные личностные изменения, как только получил власть. В истории всегда находятся настоящие поводыри или претендующие на поводырство. В эпоху лихолетья снижаются мировоззренческое персональное зрение индивида и коллективное зрение общества, отсюда и появление поводырей-самозванцев, путеводителей слепых.

Итак, заглавие «Слепые поводыри» выполняет аллюзивную, интригующую, информационную, символическую, текстобразующую функции, интрабиблионимы (прямо неназванные диалоги Платона «Государство», «Тимей» и «Критий») осуществляют характерологическую и символическую функции. Названия взаимодействуют между собой: поводыри, оба читающие Платона, а один из них также интересующийся историей Конкисты, оказываются слепыми не столько физически, сколько духовно, деятельно. Благие в первоначальном плане намерения Игоря Челканова из-за антигуманного подбора средств (план милитаризации острова) обернулись катастрофой, но об этом говорится в следующих

произведениях цикла и уже без главного героя, оставшегося заниматься бизнесом и политикой в реальном мире.

С последствиями изменения мира не в общественно-значимых, а в личных целях читатель знакомится в повести **«Миссионеры»**, создание которой, напомним, предшествовало написанию других произведений цикла. Рассмотрим взаимосвязь названия и структурных частей произведения. Оглавление повести имеет хроникальный характер: (1) *«Каравелла “Святая Дева”. Сорок седьмой день плавания»*; (2) *«Легкий авианосец “Тахи Туанга”. Шестьдесят первый год высадки. День двести пятый»*; (3) *«Каравелла “Святая Дева”. Сорок девятый день плавания»*; (4) *«Иту, база Утренних. Шестьдесят первый год высадки. День двести пятый»*; (5) *«Каравелла “Святая Дева”. Пятидесятый день плавания»*; (6) *«Руонгу, резиденция Старого. Шестьдесят первый год высадки. День двести шестой»*; (7) *«Каравелла “Святая Дева”. Пятьдесят третий день плавания»*; (8) *«Атолл-27. Первый год пришествия. День второй»*; (9) *«Каравелла “Святая Дева”. Последний день плавания»*. Последовательность названий глав организована по хронотопической модели «имя собственное (корабоним / топоним) + темпоральная перспектива». Жанровый подзаголовок «фантастическая хроника», отсутствующий во многих изданиях, куда включена повесть, в определенной степени мотивирует выбор названий для глав.

Если не обратиться к содержанию текста, а сначала изучить систему библиопартионимов, то можно получить представление об одном из референтов заголовочного слова «миссионеры» – это каравелла «Святая Дева» (связь между лексемой и названием корабля ассоциативная). Безымянный миссионер, плывущий на корабле, фиксирует в личный дневник ход экспедиции. Внутренние заголовки принимают вид хроники. В ней переплетаются две хронологии: во-первых, хронология плавания каравеллы, ее первый контакт с островитянами (5 глав), во-вторых, хронология пребывания в этом мире миссионеров, именуемых *Старыми*, из альтернативной пространственно-временной плоскости (см., к примеру,

«*Руонгу, резиденция Старого. Шестьдесят первый год высадки. День двести шестой*»). Чередование «корабельных» глав с «островными» соответствует смене повествовательных ракурсов. Корабонимом «Святая Дева» именуется главы, где повествовательная точка зрения передается члену экипажа.

Итак, названия хромотопичны и протокольны, указывают на время и место действия, перспективу повествования, а также на неявные цивилизационные оппозиции «каравелла “Святая Дева” – легкий авианосец “Тахи тианга”» (перевод в тексте – *стальная пальма*). Не исключено, что, прочитав название корабля, читатель предположит, что оно принадлежит языку какого-либо экзотичного, архаического общества, просвещать которое плывет каравелла, только необычным и неожиданным для него, вероятно, будет выглядеть упоминание авианосца – разве он станет ассоциироваться с миссионерством? Е. Ю. Лукин вспоминает работу над особенностями языка жителей архипелага:

«Где-то около года разрабатывали псевдополинезийский язык, чудовищно сложный и громоздкий. Помню, в Тбилиси (там в 1984-м проходил Всесоюзный конкурс антивоенного фантастического рассказа) мы рискнули дать на прочтuku набросок первой главы Евгению Львовичу Войскунскому. Прочёл. Молчит. Потом так случилось, что я при нём попробовал произнести грузинское слово Светицховели – и не смог. Евгений Львович язвительно на меня покосился и спросил:

– А вы что же, думаете, ваши полинезийские названия легче выговаривать?

Ужаснулись, всё мигом поняли и принялись упрощать язык до предела» [URL: <https://author.today/post/213482>].

В заголовках представлены: а) *корабонимы*: (1), (2), (3), (5), (7), (9); б) *топонимы (инсулонимы)*: (4), (6), (8), причем в некоторых содержатся одновременно несколько имен собственных: в (4) – инсулоним *Иту* и антропоним *Утренняя*; в (6) – инсулоним *Руонгу* и антропоним (прозвищная номинация) *Старый*. Корабоним «Святая Дева» семантически связан с

библионимом «Миссионеры» (общность коннотативных и ассоциативных сем ‘относится к религии’, ‘христианство’, ‘путешествие’), нередко корабли, от военных до миссионерских и транспортных, носили имена святых (галеон «Святая Анна», флагманский корабль Христофора Колумба «Санта-Мария» и мн. др.); название каравеллы, видимо, усечено (агионим Святая Дева ← Святая Дева Мария).

Взглянув на оглавление, читатель предположит связь заглавия именно с этой каравеллой, что отчасти верно: на этом судне действительно плывет безымянный миссионер, фиксирующий в свой журнал события нынешнего путешествия, но со словом *миссионер* соотносится не только он, о чем мы скажем ниже. Название повести антропоцентрично и европецентрично, тянет за собой шлейф культурных ассоциаций и коннотаций, предполагает потенциальные оппозиции («свое – чужое», «освоенное – неосвоенное», «христианское – языческое», «культура – природа», «цивилизованное – варварское»), оригинально реализуемых писателем.

В толковых словарях у слова *миссионер* фиксируется одно значение: ‘человек (как правило, священнослужитель), направляемый церковью для распространения религиозного вероучения среди иноверцев своей страны (внутренняя миссия) или других стран (внешняя миссия)’ [БТСРС, 2005, электронный ресурс]. Сняв религиозный слой значения, сосредоточившись на акциональной и объектной направленности обозначенного словом субъекта, читатель останавливается перед вопросами о носителе миссии, объекте миссионерства, характере телеологии миссионерской деятельности, деструктивной или положительной ее направленности. Библиототоним «Миссионеры», таким образом, выполняет *информационную, интригующую* (миссионеры чего?) и *прогнозирующие* функции, две последних существенны на этапе предпонимания текста.

В повести рассказывается о военном противостоянии между двумя племенами туземцев квазиполинезийских островов, «утренними» и «вечерними».

Конфликт между ними длится уже несколько десятилетий. В некоторых географических названиях отразились его последствия: дримоним *Мёртвая роща* – «после аварии в спиртохранилище» [Лукин, Лукина, 1989, с. 17], спирт использовался вместо нефти, отсутствующей на архипелаге; *Гнилые рифы* – видимо, также после разлива спирта, взрывов спиртобаков на кораблях; инсулоним *Сожженные острова* – после бомбардировок. Временное перемирие, по мнению противоборствующих сторон, слишком затянулось, поэтому в скором времени следовало ожидать нового столкновения, на этот раз грозящего взаимным уничтожением и разрушением всего архипелага (он уже находится на грани экологической катастрофы). Ни одна сторона не может одержать верх, равновесие поддерживают *Старые*: «Победа одной из сторон свела бы на нет все наши труды...» [Там же. С. 36], при этом уже наблюдается избыток военных мощностей, все откладываемых для решающего сражения.

Старые – небольшая группа людей, которая в романе «Слепые поводыри» случайно обнаружила временную лазейку и, пройдя в нее, оказалась в альтернативном мире, впрочем, географически и антропологически мало отличающимся от настоящего: те же расы, те же материки, но по-иному расположенные, остаются только неизвестными этнонимы. С момента высадки персонажей прошел 61 год, отсюда возрастная номинация группы.

Прозвищные номинации «утренние» и «вечерние» связаны со следующим эпизодом романа «Слепые поводыри». Игорь и его товарищи появились в альтернативном мире утром, за ним жители островов закрепили имя «утренний бог», за другим попаданцем, Сергеем Самсоновичем, прибывшим на архипелаг вечером, утвердилось имя «вечерний бог», затем темпоральные определения стали характеризовать жителей островов в зависимости от их принадлежности к тому или иному богу. У героев из другого мира была цель спасти самобытные культуры островов от квазиевропейских миссионеров: «Наш лидер собирался стать

профессиональным историком. Он изучал завоевания европейцев. Изучал, ненавидя. Такой вот странный случай... Его сводило с ума, что никто и нигде не смог оказать им достойного сопротивления... И он убедил нас» [Там же, с. 34]. Но чтобы подготовиться к встрече с ними, необходимо сначала доказать туземцам, что «европейцы» для них представляют угрозу, чтобы те технологические достижения, которые предлагали герои, стали актуальными, жизненно востребованными, однако островитяне «с интересом смотрели, как мы летаем на дельтапланах, поджигаем спирт и пользуемся металлическими орудиями... но перенимать ничего не хотели – зачем? Им неплохо жилось и без этого... А наши предупреждения о том, какую опасность представляют для них европейцы, они, опозитизировав, превратили в Пророчество о Великом Враге» [Там же, с. 35], тогда было решено спровоцировать конфликт между двумя группами туземцев таким образом, чтобы стороны обращались за помощью к персонажам-попаданцам, располагающими технологической мощностью и возможностью наладить производственный цикл. Это удалось: «Да, мы спровоцировали, мы искусственно вызвали к жизни страшный процесс. В нашем мире он назывался гонкой вооружений... Но остановить его мы уже не смогли... Вы оказались слишком способными учениками» [Там же, с. 37]. Стоит отметить, что те причины и мотивы своей *миссии*, излагаемые Старым в повести сильно отличаются от того, что было задумано героями в романе «Слепые поводыри», точнее, их лидером Игорем. В качестве плана консолидации и солидаризации жителей островов против потенциальной угрозы с материка им была предложена следующая стратегия: (1) поставить население «в такие условия, чтобы рожали, рожали и рожали...» [Лукин, 2023, с. 1046], но так как территория островов ограничена, что влечет за собой «частые битвы, людоедство, поиск новых земель» [Там же], возникает проблема перенаселения, которая (2) будет решаться путем втягивания туземцев в межостровные войны, уже вспыхивающие между ними: «Непрерывная война, требующая новых и новых смертников. Вот тебе, кстати, и причина повышенной рождаемости... Плюс жесточайший отбор. Свыше

двадцати лет жить будут лишь те, у кого семь пядей во лбу. Гениальные оружейники, корабельщики, учёные... Одним просветительством там ничего не сделаешь...» [Лукин, 2023, с. 1047], (3) при появлении внешней угрозы (способ идеологической консолидации враждующих островов) «пресс тут же снимается. Излишки населения идут уже не в печь, а в десант. На европейские побережья...» [Там же]. Заметим, что о *защите* речь уже не идет. Такова циничная программа историка, истопника котельной, рожденная в 90-е гг. XX века, программа, вложенная в речь героя автором, рефлексирующим над перестроечными событиями, «лихолетьем» российской истории.

Хеанги, Правая рука военного стратега утренних, чтобы окончательно установить победителя, предлагает бомбардировать Детский остров вечерних: «Уничтожить их будущее, сохранив наше. Это пока единственный шанс» [Лукин, Лукина, 1989, с. 26], а в сознание Таини,левой руки стратега, закрадывается мысль о бессмысленности продолжающейся войны: «Послушай, ведь утренние и вечерние – это не два племени, это, скорее, один народ, рассеченный надвое! Чем мы отличаемся друг от друга? Говорим на одном и том же языке, поем одни и те же песни, верим в одно и то же Пророчество!..» [Там же, с. 19], слова самого Хеанги: «Понимаешь, мне все время кажется, что там, в нейтральных водах, – огромное зеркало!.. Что мы и вечерние отражаемся друг в друге, понимаешь?..» [Там же. С. 27] (см. рассуждения выше об отношениях племен как части и целого на примере семантики названий островов). Острова оказались на грани экологической катастрофы. Таини предлагает Сехеи, стратегу утренних, объединить архипелаг, положив тем самым конец взаимному истреблению, кровавому циклу, в который они были втянуты не по своей воле.

Акула не должна вечно бороться со своим плавником, поэтому существовал стоп-фактор, останавливающий острова от взаимного уничтожения, – *Пророчество Старых о Великом Враге*, рассказывающее о том, что рано или поздно борьба прекратится, а племена объединятся перед лицом общего врага, аналога европейцев. Слово «европейцы» было

табуировано, о настоящем имени врага знали только Старые и военные стратеги, но о пророчестве туземцам было известно с детства. За этнонимом «европейцы» закрепляется преимущественно отрицательная коннотация (семы ‘колонизаторство’, ‘насильственная культурная и религиозная ассимиляция’, ‘кровожадность’, ‘коварство’, ‘угроза самобытности’), концентрирующаяся в мифоэтнониме *Великий Враг*.

Исполнение пророчества в повести противоборствующие стороны решили даже симитировать, так как уже разуверились в появлении Великого Врага. На 61 год (с момента проникновения группы персонажей через лазейку) колонизаторы все же появились в акватории архипелага, прибыли с континента на нескольких каравеллах. Каравелла – символ эпохи Великих географических открытий, ее появление есть предвестник того, что эпоха началась и в этом мире, а значит близятся и трагические страницы истории. Идеология миссионерства в альтернативном мире оказалась аналогичной идеологии миссионерства мира реального: «Господи, спаси нас и защити! Ибо по воле твоей и во имя твое вторглись мы в эти пустынные воды. Уже четыре больших и восемь малых островов узрели свет истинной веры. Дай же довести до конца начатое нами дело, полное подвигов и лишений!» [Лукин, Лукина, 1989, с. 4], язычники (туземцы, архаичные племена архипелага) – «домашний скот дьявола» [Там же, с. 29], который следует избавить от ложных верований, культов, которому необходимо навязать свой цивилизационный код. Иными словами, трагический исход «первого контакта» и последующих за ним встреч более развитой цивилизации, культуры, с, по мнению прогрессистов, менее развитой был бы предопределен и для этого мира, если бы не вмешательство героев. Отправившись в экспедицию за золотом и жемчугом в места, где, согласно древним картам, находятся *Золотые острова*, каравелла «Святая Дева» прибывает, по словам безымянного миссионера, в «обширные владения дьявола», встреченные экипажем корабли утренних и вечерних, дети на Аату и сам архипелаг получают в миссионерском журнале inferнальные номинации: «посланец дьявола», «дьявольское судно», «бесенята», «ад».

Европейцы атаковали Детский остров вечерних, устроили охоту на детей, но не знали, что сами окажутся их жертвами, ведь дети в этом, пропитанном идеологией милитаризма месте, будущие солдаты, урожай, собираемый смертью, к которой они стремятся. Одна из любимых песен детей – «Стрелковый ракетомет» (артионим).

На заседании Большого Круга, устроенного по причине появления врага из пророчества, и решилась судьба «европейского» континента. Племена решили объединиться, но объединила, солидаризировала их не идея защиты своего архипелага, не достижение мира между враждующими племенами (бессмысленность войны понимали некоторые персонажи), а идея завоевания чужого. Что может парусное судно против авианосца? Ресурсы островов, и так небогатые, близки к исчерпанию, молодое пассионарное поколение стремится проявить отвагу. Не смогли остановить экспансионистские устремления своих учеников те, кто спровоцировал войну между племенами: «Старый утренних поднялся и, сделав слабый знак рукой продолжать без него... Перед глазами с безжалостной ясностью в полный рост вставало грядущее: горящие лувры и эскуриалы, ракетометы против мушкетов, смуглые татуированные цивилизаторы против белых дикарей-христиан. *Пружина неудержимо раскручивалась в обратном направлении*, и помешать этому он был бессилён» [Там же, с. 45] (курсив наш. – В. Д.). За каравеллой «Святая Дева» последовал авианосец островов до первого материкового порта, а затем уничтожил ее. Так начиналась история альтернативной конкисты, чьи результаты были описаны в романе «Разбойничья злая луна» (1997). Острова двинулись на материк.

Семантика слова *миссионер* на протяжении текстового развертывания непрерывно обогащается. В произведении лексема *миссионеры* встречается 19 раз (только 1 раз в ед. ч.). В языке жителей островов за лицами, обозначенными этим словом, закреплена и другая номинация – *оборотни* (15 упоминаний). Приведенный далее контекст эксплицирует мотивировку этого наименования, а также занятия миссионеров: «Сехей смотрел на нее, размышляя. Те, которые не воюют... Проще говоря – миссионеры. Впрочем, у них было еще одно имя

– оборотни. А как по-другому назвать человека без татуировки?.. На своих легких и фактически безоружных судах они пускались в открытый океан на поиски новых земель. Отыскав населенный остров, татуировали по местным канонам одного, а чаще – нескольких своих людей и каким-то образом внедряли в племя. А когда через пару лет у берегов острова появлялись корабли утренних (или вечерних – если с туземцами работали миссионеры противника), прием им оказывался самый радушный» [Там же, с. 20–21]. Это миссионеры, вызванные Старыми из другого мира, чтобы дипломатическим путем разрешать потенциальные конфликты с миссионерскими экспедициями мира альтернативного. В столь пространной цитате значима дескрипция ‘те, которые не воюют’, упоминаемая в тексте дважды: для жителей, постоянно враждующих между собой островов, знающих только временные перемирия, это некоторого рода аномалия, потому что в войне, делах, связанных с обслуживанием экзистенциального противостояния, видят ценность, война возглавляет иерархию ценностей. Подрастающее поколение мечтает о сражениях, любимая их песня – «Стрелковый ракетомет», сознание детей, подростков и юношей (до старости здесь не доживают) милитаризовано: «Когда малыши на Детских островах впервые слышат сказку об огромном крабе Итиуру, они всегда задают вопрос: “А что будет, если запустить по нему тяжелую ракету?”» [Там же, с. 46]. *Аату-6* и *Аату-2* – *Детские острова* вечерних и утренних соответственно. Сочетание звуков в имени вызывает фонетическую ассоциацию с вокализацией, гулением детей (*a-aa, агу*), то есть в основе выбора имени лежит звукоподражание, на этот остров туземцы отправляли детей, чтобы обучить ремеслу войны и навыкам выживания.

Словом *миссионеры* обозначаются, во-первых, миссионеры из разных миров (приглашенные Старыми, и те, что приплыли на каравеллах), во-вторых, *Старые*, чьи благие намерения обернулись выжженной землей материков и островов (эпиграф к повести: «Hell is paved with good intentions»), см. собственное их признание, где слово миссионеры приобретает символическое звучание: «Как же так получилось, тамахи, что, ненавидя

миссионеров, мы и заметить не успели, что стали миссионерами сами! *Миссионерами ракетометов...*» [Там же, с. 38] (актуализация негативной социально-оценочной коннотации слова). В-третьих, если Старые это инициаторы миссии, то островитяне – ее исполнители, миссионеры с ракетными установками (слово *ракета* и его производные – ключевые лексемы в тексте). Предлагаемый образ будущих миссионеров на ракетноносцах – образ запоминающийся. Взращенный идеологами-прогрессорами милитаризм не может довольствоваться своим островным положением. Оригинальна идейная формула Е. Ю. Лукина, сюжетно воплощенная в повести, – «архаические племена + милитаризм + развитые технологии». Это верно отметил волгоградский критик Ю. Астров (1947–2024) рецензией на фантастический цикл с концептуально точным названием «Пропажа героя. Островная империя в неожиданном ракурсе» [Астров-Зацарицынский 2001]. Е. Ю. Лукину в своем цикле удалось избежать *банализации истории* (понятие Д. Новохатского), т. е. «рассмотрению ее не как совокупности множества разнонаправленных тенденций, а в качестве простой последовательности событий, изменить которую можно, исправив лишь одно из ее звеньев. При этом в расчет не берутся дополнительные факторы, которые могли бы повлиять на развитие событий» [Новохатский, 2023, с. 43–44].

Библиототоним *Миссионеры* выполняет информационную, интригующую, сюжетообразующую и символическую функции. Заглавная лексема проходит семантический путь развития, меняя ассоциативно-коннотативный фон с положительного на отрицательный. Интрабиблионим *Пророчество о Великом враге* – сюжетообразующий оним, без присутствия которого действие в произведении не смогло бы продолжаться, он осуществляет функцию «нарратологической категории события» [Баженова, 2023, с. 88].

В романе «Разбойничья злая луна» перед читателем предстает материковый хронотоп. Топонимия полностью вымышленная. С

уничтожением временной лазейки физический доступ в реальный мир оказывается закрытым. И если в повести «Миссионеры» Старые ещё упоминают о нем, то уже в романе «Разбойничья злая луна» нет никаких сведений ни о Старых, ни о реальности, из которой они прибыли. Этой информации и не должно было быть, учитывая историю «собрания» текстов в цикл.

Сюжетная география представлена преимущественно локусом пустыни (такыры, барханы, дюны, оазисы), бороздимая кораблями. Выражение *корабль пустыни* в знач. ‘верблюд’ вовсе не метафора, это парусный транспорт на колесах, приводимый в движение силой ветра и / или мускульной тягой. Многие корабли имеют названия, связанные с особенностями климата, рельефа, фауны этой природной зоны: одномачтовая каторга «Тушканчик», «Белый скорпион», «Бархан», боевой двухмачтовик «Самум» (‘в пустынях Аравии и Северной Африки; сухой, знойный ветер, несущий песок и пыль’ [БТС, 2000, с. 1147]), см. также урбанонимы: кофейня *Черный кипарис*, *Желтый рынок*, *Ар-Шарлахи* (шарлах – ‘краска ярко-красного цвета’ [МАС, 1988, с. 702]), название обусловлено ландшафтными особенностями: оазис расположен в *красной* пустыне Папалан. Сюжетообразующее значение имеет и топосы горы и моря. Горная система напоминает Гималаи, а сам континент представляет как бы сплав материков, «местных» Евразии и Африки. Локус пустыни (*Красная пустыня Папалан*, *белые пески Чубарры*) – ономастическая детерминанта, т. е. фактор, влияющий на организацию онимного пространства. Данный ландшафт мотивирует отбор и создание «природосоответственных» имен: иконически (на уровне их фонетической аранжировки) или символически (на уровне их семантики).

Территориально-административная география представлена (1) несколькими государствами (*Харва*, *Кимир*), в составе которых находятся города-оазисы, «тени» (например, *тень Ар-Мауры*, *Ар-Исаан*), (2) независимыми оазисами-государствами (*тень Ар-Кахирабы*, *Туркла*). В основе именованья многочисленных теней в романе (*Ар-Хат*, *Ар-Нуер*, *Ар-*

Шарлахи, Ар-Аяфа и др.) отражена ориентация на ближневосточные (арабские) модели. Уроженец оазиса получает кличку по названию тени (топоним *Ар-Шарлахи* → антропоним *Шарлах, Ар-Кахираба* → *Кахираб*). «Ар» в преддефисной части названия, видимо, аналогично определенному артиклю «аль» в арабском языке, используемого, в частности, в названиях географических объектов (ср. Эль-Ахдар – горная система в Омане, Аль-Намас – мухафаза в провинции Асир в Саудовской Аравии и др.), см. планетонимы и топонимы в литературной вселенной американского фантаста Ф. Герберта – Арракис, Арракин, аль-Уруба.

Способ образования, мотивировки некоторых онимов автор приоткрыл в одном блоге: «... решился на безобразную авантюру: стал использовать в качестве названий стыки слов с книжных корешков. Думаете, кто такой бунтовщик Айча? Это Николай Чадович. А Рийбра? Это Юрий Брайдер. А кочующее озеро Хаилве? Михаил Веллер» [URL: <https://author.today/post/232750>]. Стоит предположить, что в основе некоторой части имен собственных романа контаминированы усеченные имена писателей-фантастов, шире – людей, связанных с фантастикой (критики, литературоведы, художники, переводчики). Дадим расшифровку антропонимической основы нескольких топонимов: *Алийба* ← Виталий Бабенко (писатель, переводчик Р. Брэдбери, Р. Шекли, Г. Уэллса и др.); *Алияни* ← Наталья Никитайская (писатель, составитель антологий фантастики); *Туркла* ← Артур Кларк (писатель-фантаст, популяризатор науки, сценарист фильма «2001: Космическая Одиссея»). Приведенные онимы выполняют *аллюзивную функцию* и *игровую* (разгадка личных имен должна принести читателю интеллектуальное удовольствие). Некоторые топонимы имеют другую мотивировку.

Особой смыслообразующей и функциональной ролью наделены астионимы: 1. *Ар-Кахираба*, имеющий несколько наименований: *тень Ар-Кахирабы* (16), *Ничья тень* (5) – название мотивировано статусом города, который не принадлежит ни одному из государств, располагаясь между

Кимиром и Харвой, одноименная глава (сильная позиция текста) посвящена биографии этого места; *Пьяная тень* (27) – название мотивировано основной профессиональной деятельностью жителей – виноделием), обе номинации выполняют *характерологическую (информативную)* функцию. 2. *Туркла* (90 словоупотреблений) – труднодоступный, независимый оазис, пристанище «разбойничьих ватаг», единственный живой город, по мнению главного героя Ар-Шарлахи. Апеллятивное сопровождение топонима представлено лексемами «разбойничья», «благородная». Вероятный прототип – крупный центр пиратства в XVII в. остров Тортуга, в таком случае в имени может содержаться фонетическая отсылка к нему (т – р – а). Оба астионима «запускают» сюжетные события, связанные с мятежом Пальмовой дороги, подавленным Улькармом, правителем Харвы. 3. Оазис *Ар-Маура* (по имени ее правителя Ар-Мауры), место, с которого началась авантюрная часть романа (из-за путаницы имен).

Если в произведениях «Слепые поводыри» и «Миссионеры» образ моря практически не развивался в ассоциативно-коннотативном плане, море никак не именовалось, то в романе «Разбойничья злая луна» это концептуально важный образ. Море, возникающее в миражах, вызывающее страх у жителей пустынь (море = смерть – господствующая в сознании причинно-следственная связь), чье существование становилось предметом дискуссий между мудрецами, расположено на юге. В честь одного из четырех верблюдов, *Ай-Агвара* (верблюды – почитаемые животных, их именами называют созвездия, храмы), именуется юг (трансонимизация: мифозооним → топоним). На верблюдах из-за гор предки нынешних обитателей прибыли в эти земли, все верблюды при пересечении гор погибли. По словам мудрецов, море означает царство мертвых: «Премудрый Гоен утверждает, что это царство мертвых. Потому так и называется – море... Попасть туда можно только после смерти. А живым оно является лишь в миражах – как напоминание [Лукин, 1997, с. 18]. Как нам кажется, уместно, учитывая психологию восприятия этого топоса жителями, говорить о контекстуальной онимизации апеллятива.

Локусы пустыни, моря, гор требуют мифопоэтического прочтения. Горы (мотив границы) разделяют пустыню и местную Евразию. На юге находятся и кивающие молоты, своеобразные стражи запретной зоны (выхода к морю), пресекающие попытки продвигаться вглубь территории, на самом же деле это обычные станки-качалки, потомки островитян (из повести «Миссионеры») уничтожают всех, кто случайно приблизится к местам добычи нефти. В результате милитаристской экспансии островитян местные европейцы были вынуждены мигрировать за горы, в пустыню, потеснив большую часть автохтонного населения (чернокожих туземцев), потомки «европейцев», нынешние туареги, кочевники утратили цивилизационный код предков и теперь стараются выживать в изоляции, часто вступая в конфликты друг с другом, которые завязываются и развязываются руками предков утренних и вечерних. В недавнем времени завершилась гражданская война, в ходе которой Харва отделилась от Кимира, в прошлом они были единой державой.

В романе предложены четыре взгляда на сущность *моря*. Во-первых, «это смерть» [Лукин, 1997, с. 64] – взгляд, разделяемый большей частью населения пустыни – это локус небытия, мифологема смерти, впрочем, смерть прежде всего ассоциируется с пустыней, нежели с морем, в существовании которого многие сомневаются. Во-вторых, «это просто много воды» – сугубо прагматическая, рациональная с некоторой издевкой мысль мудреца Арегуга, прозванного безбожным. В-третьих, мнение о море как источнике бессмертия, высказанное премудрым Андрбой и принимаемое жителями Харвы: в поход за морской водой, узнав, что разбойник Шарлах якобы открыл путь к морю, отправил главного героя Улькар, государь Харвы, ранее издавший указ о собственном бессмертии и пожелавший бессмертия не только провозглашенного, но и настоящего. В-четвертых, мнение команды Ар-Шарлахи, достигшей моря и испытавшей некоторое разочарование от увиденного вследствие пережитых ими испытаний, несопоставимых с развернувшейся перед глазами картиной, хотя и внушающей страх и трепет; в-пятых, точка зрения самого Ар-Шарлахи, что море, «наверное, не просто

много воды» [Там же, с. 396] а нечто еще, что сложно осознать и сформулировать, поскольку вместо изобилия воды перед жителями всегда были минимум оазисной воды и тонны песка. Возможно, это противоположный смерти модус бытия, источник рождения и жизни (архетипической отголосок: море как мифологема жизни)? Ответ скорее отрицательный: море не освоено, путь к нему лежит через кивающих молотами, которые «жгут» корабли, оно не является источником бессмертия, а один из членов команды главного героя утопает в прибрежных водах, не возникает и вопроса, что находится по ту сторону моря, но а по эту сторону города-оазисы станут жертвой развернувшейся войны между выходцами с островов, давно освоивших и продолжающих совершенствовать военные технологии (но не усвоивших коммуникативные технологии диалога культур), потому как пустыня – это не просто много песка, а нефть, за которую и предстоит сражение.

Финал трилогии пессимистичен и эсхатологичен: объединившись против общего врага из пророчества, племена вечерних и утренних и их потомки с легкостью покорили технологически отсталый «европейский» континент, явились причиной переселения народов, и продолжили то, что не получилось закончить на архипелаге, – межостровную войну. В многочисленных топонимах на картах материка, если уцелеют те, кто будет их составлять (скорее преобладающей окажется устная традиция передачи, ведь письменность на континенте была мало распространена), появятся идентификаторы некоторых островных онимов, вроде «сожженный», «мертвый», «гнилой».

Подводя итоги, следует предложить одно из возможных объяснений того, почему этот роман называется (1) «Разбойничья злая луна», а не (2) «Злая луна» или (3) «Разбойничья луна». Первая номинация встречается в тексте 14 раз, вторая – 13, третья не употребляется. Во всех вариантах делается усиленный акцент на лунарном образе, и такая подчеркнутость обоснована. С луной делятся печалью, ей клянутся и к ней обращают молитвы, она может

помочь, если ты верующий, принести удачу и славу, ее призывают в свидетели своих слов и ее именем проклинают человека, времяисчисление измеряется фазами луны. Это важная ритуальная формула в речевой практике жителей пустынь. По одной из версий, на нее отправились души предков и героев, согласно другой – там расположено царство мертвых (справедлива скорее первая точка зрения).

Разбойничьей именуют луну, когда она достигает полной фазы: «Где-то совсем рядом сияла за кромкой разбойничья злая луна, или, как принято говорить в Харве, полная» [Лукин, 1997, с. 31] («Глава 3. Луна и яма»). Атрибут «разбойничья» используют уроженцы и жители Пальмовой дороги, не Кимира (правитель Улькар даже издал приказ, что разбоя не существует). Она всегда славилась разбойничьими ватагами, мятежным духом. Именно потому разбойничья, что «в такие ночи удаются самые дерзкие грабежи и дворцовые перевороты. Разбойничья злая луна становится идеальным диском, и особенно чётко обозначается на нём голубоватый контур верблюдицы – матери четырёх верблюдов, на которых предки спустились когда-то с горных отрогов Харвы. Души погонщиков, обитающие теперь на луне, слетают в эту ночь на землю, чтобы смутить покой своих потомков, лишить их сна, нашептать безрассудные замыслы... И предкам не объяснишь, что времена изменились и что слово “разбой” для выученика премудрого Гоена означает вовсе не подвиг, а нечто совсем иное» [Там же, с. 78]. Ключевые события романа происходили в полнолуние (мятеж на корабле главного героя, восстание оазисов и др.).

Без относительного прилагательного словосочетание «злая луна» лишилась бы значимого смыслового пласта (практически все главные герои являются разбойниками, для одних – это образ жизни, для других – случайное стечение обстоятельств). Без качественного прилагательного словосочетание утратило бы социально-культурную закрепленность; выше мы отметили, что конструкция «разбойничья луна» не характерна для речи жителей изображенного автором мира, сочетание «злая луна» – культурно-языковой

знак. Добавим, что в тексте много лексем с сегментом «зло»: *злорадно отвечали, злой голос, злобное быстрое дыхание, задыхался от злобы, злобная разбойница, злобный смешок, фыркнула злобно, злобное ворчание, зловещая пауза, злобное сияние, злость, злобные выкрики, злобное изумление, злая луна, зловещий шепот, злобное розовое солнце, злобно рычала, злобствовал* и т. п.

Выводы по 2-ой главе

Во второй главе диссертации мы рассматривали библиототонимы в классификационном аспекте. С опорой на традиционный подход (структурно-грамматический) были выявлены и охарактеризованы заглавия прозаических текстов Е. Ю. Лукина. Заглавия-словоформы с точки зрения частеречной принадлежности чаще всего выражаются именем существительным, в заглавиях-словосочетаниях главный компонент чаще всего оказывается именем существительным. Среди заглавий-предложений доминируют двусоставные конструкции.

Был предложен новый подход к типологии названий текстов (на материале рассказов цикла «Юность кудесника»): классификация заглавий с точки зрения их повтора в речесубъектной сфере (персонажная, повествовательная, смешанная речевые сферы). Нами указаны сложности в использовании функциональной классификации библиототонимов, главная из них заключается в невозможности верно определить функцию заглавия до прочтения текста.

В *структурном отношении* библиототонимы в прозе Е. Ю. Лукина характеризуются следующими количественными параметрами: медианная длина заглавий составляет 2 слова, варьируется в диапазоне от 1 до 7 слов. Самый частотный структурный (квантитативный) тип – 2-словные библиототонимы (32%), значительно распространены 1-словные (29%) и 3-словные конструкции (26%). Медианная длина заглавия в прозе обнаруживает постоянство на протяжении всего творчества, что свидетельствует о стабильности номинативной манеры автора.

В прозе волгоградского писателя-фантаста сложилась система доминирования коротких заглавий (1–2 слова), а внутри нее наметилась тенденция к употреблению сверхлаконичных библиототонимов (однословных).

Главный вывод, который мы сделали, анализируя динамику изменений длины заглавий, состоит в том, что в структурном развитии библиототонимов не отмечены революционные сдвиги: автор не переходит от коротких заглавий к длинным или наоборот. Е. Ю. Лукин регулярно использует 1-словные, 2-словные и 3-словные библиототонимы, частотность которых на протяжении творчества перераспределяется: в периоде 1995–2004 доминируют 2-словные названия, в периоде 2005–2014 наблюдается «паритет»: примерно равное присутствие всех трех форм, а в периоде 2015–2024 доминирующим количественным типом становятся 1-словные заглавия.

В синтаксическом отношении библиототонимы характеризуются наличием синтаксических типов «словоформа», «словосочетание», «предложение». Наиболее используемый тип для синтаксического оформления заглавия – словосочетание (53%), он доминировал в каждом из трех периодов творчества. Доля заглавий-словоформ постепенно увеличивалась.

Заглавия произведений («Миссионеры», «Слепые поводыри», «Разбойничья злая луна»), образующих цикл «Слепые поводыри», многофункциональны, реализуют информационную, дидактическую, аллюзивную, сюжетообразующую, символическую функции, семантически нагружены и связаны друг с другом, являются одним из циклообразующих факторов. Оглавление повести «Миссионеры» содержит установку на хроникальность, а оглавление романа «Разбойничья злая луна» раскрывает маршрут путешествий главного героя Ар-Шарлахи с указанием значимых персонажей, топосов, романских событий и сюжетных решений (конспективная функция перечня внутренних заголовков). Интрабиблионим *Пророчество Старых о Великом Враге* из текста «Миссионеры» – имя собственное, обладающее сюжетообразующей ролью. Этот цикл – одна из вершин художественного творчества волгоградского писателя, семантическое богатство и сложность заголовочных конструкций служит одним из подтверждений данного тезиса.

ГЛАВА 3. БИБЛИОПАРТИОНИМ: АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ВНУТРЕННИХ ЗАГОЛОВКОВ И ОГЛАВЛЕНИЯ

Тезис, что два сосуществующих и борющихся начала в заглавии, «внешнее – обращённое вовне и представляющее произведение в языковом, литературном и культурно-историческом мире, и внутреннее – обращённое к тексту» [Кожина, 1988, с. 167], применим не только к заглавию произведения, но и к названиям, если таковые предусмотрены автором, архитектурных единиц книги (тома, части, разделы, главы, подглавки, акты и т. д.). Членение текста с помощью таких единиц И. Р. Гальперин называл *объектно-прагматическим* [Гальперин, 2007, с. 52]), Е. И. Диброва – *компаративным* («ансамбли композитов – главы, части; суперансамбли – части, тома, циклы» [Диброва, 2008, с. 38]. Эти единицы являются «внутритекстовыми демаркаторами (рубрикаторами)» [Каменская, 1990, с. 86–87], входят в паратекст (понятие Ж. Женетта).

В этой главе диссертации мы рассмотрим понятие *библиопартионим* и те аспекты, в рамках которых он, по нашему мнению, должен изучаться. Проанализируем количественное (структурное) и синтаксическое развитие названий глав в прозе волгоградского писателя и на конкретных примерах покажем, с помощью каких принципов автор группирует внутренние заголовки в информативно и функционально значимую целостность – *оглавление*, чему будет предшествовать разговор о том, какое место в гуманитарных исследованиях занимает это понятие, какие направления исследования его существуют.

3.1. Синхронический и диахронический аспекты изучения внутренних заголовков

Итак, попытаемся обосновать необходимость в теории заглавия и библионимике, помимо раздела, имеющего объектом изучения названия

поэтических и прозаических произведений (см. предложенные в рамках него задачи [Губина, 2007, с. 97]), раздел, который будет посвящен специфике внутренних заголовков (библиопартионимов).

Актуальными и важными нам видятся следующие направления исследования этого типа библионимов:

– сравнительное текстологическое изучение названий (если они изменились) частей / глав при наличии нескольких редакций произведения. Добавление новых глав, перестановка имеющихся, сокращение объема текста за счет исключения или объединения нескольких частей – все это сказывается и на системе названий, перестраивает семантические отношения внутри такой системы (оглавления) и влияет на смысл целого. В этом направлении исследования отметим работы П. В. Максимовой, С. И. Ефремовой (на материале романа якутского писателя Н. Е. Мординова «Весенняя пора») [Максимова, Ефремова, 2005], А. В. Мальковой, Т. Л. Рыбальченко (на материале романа В. Маканина «Испуг» / «Обстрел» [Малькова, Рыбальченко, 2018]). И. Н. Коржова, изучив историю наименований и переименования книг «Повести о жизни» К. Г. Паустовского, приходит к выводу, что «исследование отвергнутых названий и элементов обрамляющих частей позволяет посмотреть на “Повесть о жизни” Паустовского как на изначально более критически острый текст» [Коржова, 2024, с. 257]. М. В. Скороходов устанавливает причины замены первоначального названия главы «Январская стужа» на название «Стужа» в шестой части «Повести о жизни» К. Г. Паустовского [Скороходов, 2024, с. 282–283]. В творчестве Е. Ю. Лукина несколько произведений сменили названия. Рассмотрим один пример. Повесть «Тихушники» в издательстве «Престиж Бук», выпускающем коллекционные авторские собрания сочинений, имеет название «*Девять могил Антона Треплева*» (так озаглавлен и том; добавим, что только в этом издании есть и жанровый подзаголовок «попаданс»), в других – «Тихушники» (изначальное заглавие). Смена названия является авторским решением. Она, возможно, призвана повысить привлекательность тома: в библиониме заключена

своеобразная аллюзия на «сборный» факт: споры о настоящем месте рождения (или смерти, или захоронения) какого-либо известного человека (известна история о семи городах, претендовавших быть родиной Гомера), споры о подлинности той или иной реликвии и т. д.: «По сей день в католических монастырях хранится около сорока плащаниц, и каждая – святыня для прихожан. Допустим, доказали вы научно, что одна плащаница настоящая. Но это же означает, что остальные тридцать девять – поддельные! Вот так... Хотели укрепить веру, а на самом деле подорвали. То же самое и с могилами Треплева. Спорите, которая из них подлинная? А я вам отвечу. Все! Все восемь могил...» [Лукин, 2024, с. 88]. Антон Треплев, главный герой повести, приобрел славу, но не столько гомеровскую, сколько экстремистскую. В одной из девяти могил погребено, как считают персонажи, подлинное тело Треплева (место 9 могилы на начало сюжетных событий – вакантное). Библиототоним становится более интригующим. Акцент сменяется с фракции тихушников (ей противостоит другая фракция, именуемая отшибленными), которая почитает Треплева как первого террориста-тихушника, на главного героя. В этой фракции есть группы, специально ухаживающие за могилой Треплева (колы – за первой, трешки – за третьей и т. д.);

– сравнительное изучение (1) названия глав в языке оригинала и в языке перевода [Бучкова, 2013; Камалов, 2016; Ху Сьюэ, Ху Гумин, 2019], (2) вариантов перевода названий глав [Бабушкин, 2018]; бесспорно, что при переводе заголовков не всегда удается сохранить их семантику и функции, вызвать запланированные автором ассоциации: «Например, автор первого из весьма немногочисленных английских переводов “Выбранных мест...”, Джесси Зельдин (Jessy Zeldin), пренебрег специфическим гоголевским приемом: название главы “Женщина в свете”, в которой чередуются реализуемые лексемой «свет» значения «высшее общество» (“бомонд”, “аристократия”) и «сияние душевной красоты», переведено им как “Woman in the world” [Zeldin: 14]. Такой вариант заглавия не только препятствует филигранной игре смыслов, которыми Гоголь насытил текстовую ткань своего

послания, но и в корне искажает авторский замысел (“женщина в свете” ≠ “женщина в мире” или “женщина на мировой арене”))» [Капустина, 2023, с. 26]. Интересно было бы сопоставить стратегии, к которым обращается переводчик при переводе заглавий и внутренних заголовков. Бывает, что произведение писателя на литературный рынок родной страны выходит под одним названием, на литературный рынок других стран – под другим. В связи с этим стоило бы изучить, происходит ли адаптация библиопартионимов под эстетические привычки, культурные нравы принимающей аудитории; еще один частный вопрос касается сравнения внутренних заголовков в творчестве двуязычных писателей;

– сравнительно-сопоставительное рассмотрение внутренних заголовков (связей и отношений между ними) в произведениях различной семиотической природы: книга и манга, книга и сериал, книга и музыка и т. д.;

– построение типологии внутренних заголовков с опорой на разные основания (структурно-грамматическое, пропозициональное, когнитивно-функциональное, прагматическое и др.);

– анализ эволюции библиопартионимов в определенных литературных направлениях (классицизм, сентиментализм, романтизм, реализм и др.) и течениях, жанрах «большой» и «массовой» литературы; «В каждый исторический период создания художественных текстов, – приходит к выводу Е. Ю. Турлачева, – имеется некая *социальная закреплённость стандартизированных речевых ситуаций*, которая на уровне текстового заголовка выражается в наличии соответствующих времени норм его построения» [Турлачева, 2010, с. 8]. Вывод ученого можно перенести и на внутренние заголовки;

– изучение развития библиопартионимов в творчестве конкретных писателей;

– анализ элокутивной организации внутренних заголовков; очевиден тот факт, что названия композиционных частей произведения способны, во-первых, усилить элокутивную направленность внешнего заглавия, во-вторых,

если по каким-либо причинам автор не может использовать «фигуративное» заглавие, они компенсируют ему эту возможность; предполагаем, что одни авторы оформляют оглавления в автологическом стиле, а другие – в металогическом (например, в период барокко);

– исследование явления тезоименности внутренних заголовков (данный вопрос на материале заглавий в русской лирике рассматривала Л. А. Климкова [Климкова, 2020б]); приведем примеры библиопартионимов-параллелей: Ф. Булгарин «Глава IV. Сватовство» (роман «Иван Иванович Выжигин»), Н. В. Кукольник «VI. Сватовство» (исторический рассказ «Сержант Иван Иванович Иванов, или Все заодно»), И. И. Лажечников «Глава IV. Сватовство» (роман «Басурман»); А. К. Толстой «Глава 16. Похищение» (роман «Князь Серебряный»), Е. Ю. Лукин «Глава 7. Похищение» (повесть «Понерополь»);

– изучение внутренних заголовков в свете «философии имени»; о заглавии в рамках такого подхода высказывались В. И. Тюпа [Тюпа, 2001, с. 115–116], Ли Лицюнь [Ли Лицюнь, 2004, с. 54–56];

– установление особенностей горизонтального смыслоосвоения оглавления (как дистантно расположенных названий глав) и вертикального смыслоосвоения оглавления (как последовательности внутренних заголовков, приводимой в начале или конца текста). Подробно писала о функциях оглавления и его взаимодействии с текстом Н. А. Веселова [Веселова, 1988]. Важна следующая мысль ученого: «Фиксируя последовательность заглавий, оглавление выступает ключом к пониманию текста: представляет в снятом виде его внутренние смысловые доминанты, выявляя тем самым логику построения» [Там же, с. 169]. Другими словами, необходимо выявить способность читателя пользоваться этими элементами текста как герменевтическим инструментом.

Известные высказывания писателей о «муках рождения» заглавия заставляют задуматься о проблеме поиска названий и для композиционных частей произведения. Трудности при выборе внутренних заголовков, причины

их безымянности редко упоминаются художниками слова. В связи с этим мы бы сформулировали вопрос таким образом: в озаглавливании части текста нужно больше «искусства» (вдохновения, таланта, кайроса) или «техничности»? Позиции по этому вопросу зависят от решения другого: в чем у автора больше свободы – в выборе заглавия для произведения или его частей? Анализ данных, во многом литературоведческих (психология творчества), проблем выходят за рамки работы.

Особый интерес представляет рассмотрение внутренних заголовков в перспективе *исторической поэтики*. При постановке данной проблемы в фокусе внимания оказывается серия взаимосвязанных вопросов, часть из них ставилась при диахроническом подходе к анализу заглавия всего текста. Итак, необходимо дать ответы на следующие общие и частные вопросы:

1) на каком историко-культурном этапе появляется внутренний заголовок, в какой момент истории он начинает осознаваться важным «навигационным» (организация читательского восприятия через членение текстового пространства) и смыслообразующим средством?

2) какие термины и понятия существовали для обозначения части книги и как они менялись со временем?

3) какое влияние на формирование внутреннего заголовка художественного произведения оказали (а) изменения, происходившие в структуре, семантике и прагматике общих заглавий, (б) особенности заглавий и внутренних заголовков в исторических, географических, философских, религиозных рукописях, трактатах и сочинениях, (в) литературная мода (под влиянием В. Скотта в России приживается «романная традиция выносить имя главного героя в заглавие произведения» [Руднев, 2019, с. 111], выносить *историческое* лицо, см. иную точку зрения, согласно которой «этот принцип многими авторами был нарушен» [Малкина, 2001, с. 210]), (г) традиции озаглавливания в западноевропейской, американской и восточной художественной литературе, (д) литературная критика, (е) развитие книгоиздательского рынка, зависимость от маркетинговых стратегий, (ж)

целевая аудитория, ее возрастная, социальная, гендерная дифференциация (как от фактора адресата зависел выбор библиопартионима)? Интересна работа Д. А. Челноковой, А. В. Вдовина, Б. В. Орехова, которая показала, что в Российской империи с 1763 по 1917 г. средняя длина заглавий становилась короче и примерно с 1850-х гг. стабилизировалась, упав в среднем до двух слов. Однако произошло это не в результате рыночной конкуренции, как утверждает Моретти применительно к Великобритании на рубеже XVIII–XIX вв. [Моретти 2016: 260–261], а в силу совокупности требований к романам, публикуемым именно в толстых журналах. Иными словами, романские заглавия сжимаются и принимают всем известный и афористичный вид типа «Рудин» или «Преступление» и наказание» именно на страницах толстых журналов, эстетика и идеология которых начиная с 1840-х гг. переломила прежнюю тенденцию и стала задавать тон в авторских стратегиях озаглавливания» [Челнокова, Вдовин, Орехов, 2023, с. 145], изменилось и соотношение элементов ЗФК: метатекстуальная информация (аннотация, автор, жанр) чаще уходила в подзаголовок; насколько нам известно, для внутренних заголовков подобных исследований не проводилось. В. Д. Алташина на французском материале кратко описала роль мемуарной традиции в становлении романа-мемуара через трансформацию названий, см. ее частное наблюдение: «...если в подлинных мемуарах речь шла о внешнем, о политике или войне, то в романе-мемуарах акцент ставится на внутреннее, которое оказывается не менее напряженным и опасным» [Алташина, 2010, с. 30], что отражается в заглавии подобных произведений. Вопрос об участии, пусть и малозаметного, внутреннего заголовка в формировании какой-либо жанровой традиции, в репрезентации жанровых особенностей пока что не нашел решения в филологической литературе;

4) «Подобно “внешнему” заглавию, – пишет А. В. Ламзина, – форма и функции внутренних заглавий, их роль в организации читательского восприятия в процессе становления литературы претерпевали существенные изменения» [Ламзина, 2001, стб. 852]. Параллельно ли происходило

накопление функций у библиототонима и библиопартионима? Какие функции «заимствовал» внутренний заголовок у заглавия или других элементов заголовочного комплекса? Какие *собственные* его функции могли «заимствоваться»?;

5) Какова роль внутренних заголовков в реализации договорных функций (между автором и издателем, между автором, издателем и читателем)? Этот вопрос применительно к заглавиям книг исследовала Элеанора Ф. Шевлин [Shevlin, 1999];

6) В истории литературы, вероятно, найдутся примеры, когда бледность названия искупалась хорошо сложенным оглавлением; когда названия глав как бы мешали функционированию основного заглавия, когда имя книги создается в русле одной традиции, а оглавление – другой, если говорить о *традициях* в использовании оглавления вообще корректно. Конкурируют ли между собой заглавия? В каких случаях внешнее заглавие не всегда «семантически значительнее внутренних заголовков...» [Агеева, 2014, с. 256]? Кто из писателей выступил основоположником определенных традиций в озаглавливании частей произведения?

Ясно, что список предложенных вопросов может быть расширен, детализирован. Свой вклад в начальную разработку многих из этих вопросов на материале художественной литературы внес Ж. Женнет (см. специальный раздел *Intertitles*) в книге «*Paratexts Thresholds of interpretation*» [Génette, 1997, р. 294–316]). Проблем происхождения, развития и распространения заголовков глав (*Kapitelüberschriften*), в целом – истории организации текстов с помощью нумерации и оглавления касается в своей работе Б.-Ж. Шрёдер [Schröder, 1999] и многие авторы фундаментального труда «История чтения в западном мире от Античности до наших дней» [История чтения, 2008]. См. также параграф о разделении на главы в библейских текстах (Новый Завет, Ветхий Завет, Евангелие) и некоторых античных [Stanton, 1903, р. 22–25]. Х. Ф. Вайс пытался объяснить появление и постепенный упадок деления на главы и заголовков (*chapter heading*) в новелле и описывает некоторые их

функции в немецких новеллах первой половины XIX в. [Weiss, 1971]. Отметим интернет-ресурс «The Tertullian Project», содержащий много ценных и любопытных сведений собранных любителем-энтузиастом о внутренних заголовках в разножанровой литературе, о возникновении академического интереса к ним.

Исследователи заглавий допустили бы ошибку, если бы считали, что все авторские произведения (от начала их устного бытования и первой письменной фиксации) должны иметь название, и, что более значимо, если бы думали, будто современные названия в своем функциональном отношении тождественны античным, средневековым «заглавиям». Виктория Гиббонс критикует такие вневременные, или ахронические, концепции, принятые в большинстве работ, посвященных изучению заглавий: «The discipline is dominated by a synchronic outlook which does not view the title as a product of centuries of development, as an accumulation, amalgamation, and distillation of previous practices, but instead adopts a distinctively modern idea of what a title is and applies this indiscriminately» («В этой дисциплине [титологии. – В. Д.] доминирует синхронный взгляд, который не рассматривает название как продукт многовекового развития, как накопление, объединение и дистилляцию предыдущих практик, но вместо этого принимает отчетливо современное представление о том, что такое заглавие, и беспорядочно применяет его») [Gibbons, 2010, p. 72].

Диахроническое прочтение показывает различия между современным названием и его предшественниками, или практиками присвоения названия (practice of titling), как их именует Виктория Гиббонс, рассматривая практики оформления названий на материале античных и раннесредневековых текстов (преимущественно английских).

Не следует и внутренний заголовок считать обязательным атрибутом книги и утверждать, что перечень реализуемых им функций, сложился сразу, а не детерминирован историко-культурным контекстом: «Изучение заглавия, – постулирует М. В. Строганов, – должно исходить из презумпции его

исторического становления» [Строганов, 2021, с. 73], равно как изучение и других элементов заголовочного комплекса.

Итак, комплекс проблем, связанных с исследованием внутренних заголовков, требует дальнейшей всесторонней и тщательной разработки. Нам мало известно об обстоятельствах, вынуждающих авторов изменить названия той или иной части произведения или оставить ее без заголовка, о наименованиях частей или глав как продуктов не авторского, а *издательского, редакционного, переводческого, комментаторского* усилия или вмешательства. Английский писатель Дж. Уитер (1558–1667) сообщал, что многие продавцы книг, издатели вели себя недобросовестно: могли, не уведомив автора, изменить заглавие, титульный лист книги, один и тот же текст продавать под разными названиями и всё для того, чтобы увеличить продажи [Shevlin, 1999, p. 53]. Недостаточно в научной литературе прояснено историческое развитие библиопартионимов (генезис, изменение их структуры, приобретение новых функций).

Предложенные задачи не должны решаться только усилиями филологов. Мы разделяем точку зрения ученых, согласно которой «специфика функционирования заглавия в культуре также не может не быть предметом междисциплинарного изучения» [Иванченко, Орлицкий, Сухова, 2015, с. 241]. Различные перспективы будут давать взаимодополняющие знания о феномене заглавия. Изучение внутренних заголовков является актуальной областью гуманитарных исследований, в которой еще немало «белых пятен» и нерешенных вопросов, в частности, терминологических.

Рассмотрение библиопартионимов с позиций исторической поэтики – перспективная для исследований тема. Успешность решения задач, сформулированных в рамках этой темы, находится в определенной зависимости от знаний, которые получены в результате анализа других элементов заголовочно-финального комплекса, прежде всего заглавия произведения, что не означает прямого переноса на изучение внутреннего

заголовка научных и методологических положений, сформированных применительно к изучению «внешнего» заглавия.

3.2. Развитие внутренних заголовков в прозе Е. Ю. Лукина

При анализе развития внутренних заголовков действуют методологические ограничения, обозначенные в параграфе 2.2. Ввиду неравномерного распределения данных мы не имеем объективной возможности изучить в структурном, грамматическом и семантическом аспектах развитие библиопартионимов на уровне отдельных годов и 5-летних периодов.

Из рассматриваемого материала исключено оглавление повести «Миссионеры», поскольку она написана в соавторстве, и оглавление повести «Прощка с большой буквы», см., к примеру: *«Глава 3, в которой ветеран хроноразведки рассказывает о том, как он был внедрён в будущее, а Прохор с Петром проверяют осенние паутинки на предмет шпионажа»*. Строго говоря, перед нами не название главы, а экстензо, или абреже, элемент аппарата издания, который представляет собой «извлечение самого существенного из того или иного текста, краткое изложение главы, помещенное между заголовками и текстом» [Рейсер, 1976, с. 335], своеобразное «резюме отдельных эпизодов произведения» [Будагов, 1984, с. 183] (оно может следовать через запятую после слова «Глава» либо располагаться отдельным текстовым блоком под этим словом). Р. А. Будагов верно отметил: «Стилистическая структура этих заголовков своеобразна. В разные исторических эпохи у разных писателей она неодинакова и неоднородна» [Там же]. Стоит отметить, что не каждый «внутренний заголовок» в таком оглавлении бывает исполнен в подобной резюмирующей манере, иногда его анонсирующая роль чередуется с другими функциями. Краткое изложение может даваться как от лица автора-повествователя, так и от лица персонажей, например: *«Глава вторая, в которой меня дважды*

узнают, но оба раза ничего страшного не происходит» (роман С. Лукьяненко «Холодные берега», 1998). Использование абреже было популярно как в художественной, так и нехудожественной (исторической, географической и т. д.) литературе с эпохи Возрождения, обращение к ним в современных художественных произведениях выполняет чаще всего функции стилизации и пародии. См. пример художественного абреже в нехудожественной книге «Эта странная жизнь» (1974) Д. Гранина об ученом А. А. Любищеве.

Не учитываем в обсуждении и оглавление повести «Ё», поскольку оно представляет собой авторскую модификацию «безымянного» оглавления типа «Глава 1. ... Глава N»: «*Вместо пролога*», «*Вместо первой главы*», ..., «*Вместо десятой главы*», «*Вместо эпилога*».

Приступая к анализу развития внутренних заголовков, следует хотя бы в общих чертах наметить возможные различия между развитием (прежде всего семантическим) названий произведений и названий его частей. Очевидно, полученный результат должен иметь различную интерпретативную ценность, разный эвристический потенциал. К примеру, если в творчестве какого-нибудь автора персонажные заглавия сменяются локативными, мы можем полагать, что в центр авторского размышления и изображения теперь вынесены не столько судьбы главных героев, сколько те пространственные обстоятельства, которые влияют на жизненный сценарий действующих лиц, либо на первый план выходит образ определенного топоса (страна, город, дом, река и т. д.), и все это каким-то образом связано с изменением мировоззренческих, идеологических, творческих взглядов писателя. Персонажные библиототонимы могут воплощать определенную авторскую концепцию личности, локативные – концепцию места. Переход от одного семантического типа названия к другому – это изменение масштаба художественной оптики автора.

Представим теперь, что на первом этапе творческой биографии какого-нибудь прозаика романы содержали персонажное оглавление, а на следующем – хронотопическое. Объясняется ли данный переход теми же причинами, что

мы привели выше? На наш взгляд, не объясняется, во всяком случае не все причины одинаково равноценны. Если принять во внимание основную функцию оглавления, а именно помощь в поэпизодном ориентировании читателя (метафора оглавления как дорожной карты), то серьезных оснований ссылаться на причины, актуальные для развития названий текстов, нет. Существуют факторы, которые препятствуют даже постановке такого вопроса, например, факультативный, непоследовательный характер использования оглавлений: а) не все писатели составляют его; б) произведения с оглавлением могут занимать незначительную долю в прозе автора, что означает невозможность говорить о каком-либо развитии (структурном, синтаксическом, семантическом). Но те причины, как кажется, обладают объяснительным потенциалом в ситуации, когда писатель создает несколько циклов произведений (смена циклов – это в той или иной степени новая стадия творчества). Конечно, не все циклы сопровождаются оглавлением, не все произведения в них имеют перечень заголовков, даже в самих текстах иногда обнаруживаются пропуски заголовков, например, в историческом романе М. Н. Загоскина *«Рославлев, или Русские в 1812 году»* из 33 глав только 4 главы имеют название (наименования получили главы, где персонажи рассказывали о сражениях, в которых принимали участие). И более хрестоматийный пример: единственная глава с названием (Ч. 5, гл. XX *«Смерть»*) в романе Л. Н. Толстого *«Анна Каренина»*. В таком случае важно понять, становится ли это отсутствие / присутствие значимым?

Если оглавление однозначно необходимый компонент жанров научного стиля (монография, диссертация, учебник и др.), официально-делового стиля (Конституция, Уголовный кодекс и др.), публицистического стиля (газета) и ученому не требуется доказывать обязательность этой структурной единицы для данных жанров, то для художественных текстов наличие оглавления необязательно. Никто не удивится его отсутствию в романе (в том числе и в многочастном) или повести, отсутствие же перечня заголовков в любой научной книге вызовет у читателя обоснованное недоумение и будет

расцениваться им как непрофессионализм или пренебрежение. О научной книге судят по названию и оглавлению в равной степени.

Несмотря на крайнюю упрощенность нашего гипотетического примера, вопрос о логике развития внутренних заголовков остается открытым и требует многоаспектного анализа.

3.2.1. Структурное (квантитативное) развитие

Как менялась длина внутреннего заголовка – вопрос менее традиционный для «квантитативной гуманитаристики». Точнее сказать, он не получил должного освещения в научной литературе. Конкретизируем его с учетом специфики этого типа библионима: какие культурно-исторические факторы влияют на его длину? влияет ли на нее стилевая и жанровая направленность произведения? существует ли «норма» средней длины внутреннего заголовка для определенных жанров и жанровых разновидностей? каким закономерностям (если они существуют) подчиняется структурное развитие названий частей текста? реагирует ли средняя длина внутреннего заголовка на изменения квантитативных характеристик «внешнего» заглавия? при каких условиях длина внутреннего заголовка становится фактором прагматического воздействия на читателя? какой должна быть рекомендованная длина внутреннего названия, чтобы его прагматический потенциал полностью раскрывался? Расширить круг обсуждаемых вопросов можно через обращение к творчеству конкретных писателей, к сравнению жанров разных функциональных стилей (например, оглавление монографии и оглавление научно-фантастического романа) и т. д.

Итак, выборка состоит из 206 внутренних заголовков, взятых из 15 художественных текстов Е. Ю. Лукина (3 романа и 12 повестей, или 58% от общего числа). Не имеют оглавления в прозе волгоградского автора 11 произведений (3 романа и 8 повестей, или 42%), один случай характеризуется нами как пограничный («Прошка с большой буквы»). Из 9 повестей,

написанных в соавторстве с Л. Лукиной, только у двух есть перечень внутренних заголовков.

Среднеарифметическое значение (\bar{x}) длины внутренних заголовков в творчестве волгоградского писателя составляет 2,3 слова, **медианное** – 2 слова. Диапазон вариативности длины – 1–7 слов (см. Рис. 12). Нельзя не обратить внимание на то, что такие же показатели имеет библиототоним. Т. Бескрокая, автор одного из разделов практического пособия по литературному мастерству, отмечает: «Сейчас любовь к длинным заголовкам понемногу возвращается (“Отец смотрит на запад”, “Я тебя тоже”), но все равно остается в рамках разумного: не более пяти-шести точных и интригующих слов, а то читатели решат, что вы ударились в пародии» [Бескрокая, 2024, с. 219]. Указанный факт нуждается в дополнительной верификации (в частности, необходимо проверить корреляцию между длиной заглавия и пародийным стилем). Тем не менее, принимая его во внимание, сделаем вывод о том, что диапазон длины заглавия и внутреннего заголовка в прозе волгоградского писателя остается «в рамках разумного».

Минимальная длина библиопартионима в повести «Миссионеры», неучтенной в анализе, составляет 6 слов, а максимальная – 11; закономерны на общем фоне самые высокие показатели среднеарифметического (8) и медианы (7). Об особенностях оглавления этого текста см. параграф 3.3.

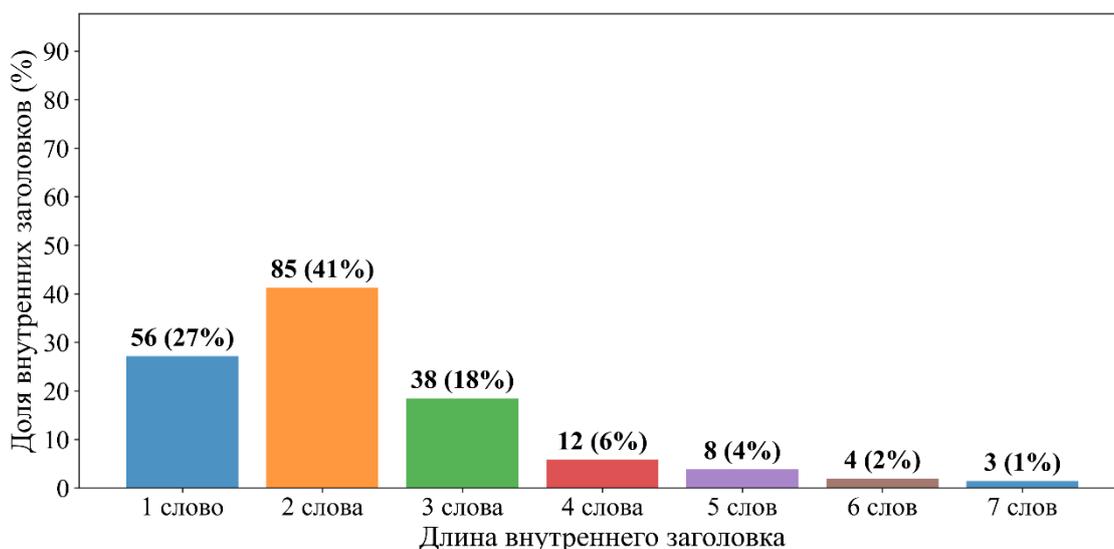

Рис. 12. Распределение внутренних заголовков по длине

На графике (Рис. 13) показана динамика медианной и средней длины библиопартионима за три 10-летних периода. В 1995–2004 его средняя длина составляла 2,8 слова при медиане 2, что указывает на асимметричное распределение с правым «хвостом» (критерий типа Колмогорова-Смирнова подтверждает ненормальность распределения), который образуют длинные заголовки (7% – 5, 6, 7-словные), сильно отклоняющиеся от среднего значения, следовательно, увеличивающие стандартное отклонение (1,4 против 0,8 в других периодах).

В 2005–2014 медиана снизилась до 1 слова (среднее значение опустилось до 1,6), такое изменение свидетельствует о выраженной тенденции к коротким названиям глав (преимущественно однословных). В последний период творчества (2015–2024) медиана повышается до 2 слов, среднее значение – до 1,7, однако было бы неправильным утверждать, что показатель медианы *восстановился* до показателей первого периода, потому как в этом десятилетии уменьшилась вариативность длины заголовков, а лаконичные формы окончательно закрепились (1-словные и 2-словные названия глав составляют 80% от общего числа). Таким образом, длина внутреннего заголовка в последнем отрезке остается на том же уровне, что и в 2005–2014 гг.

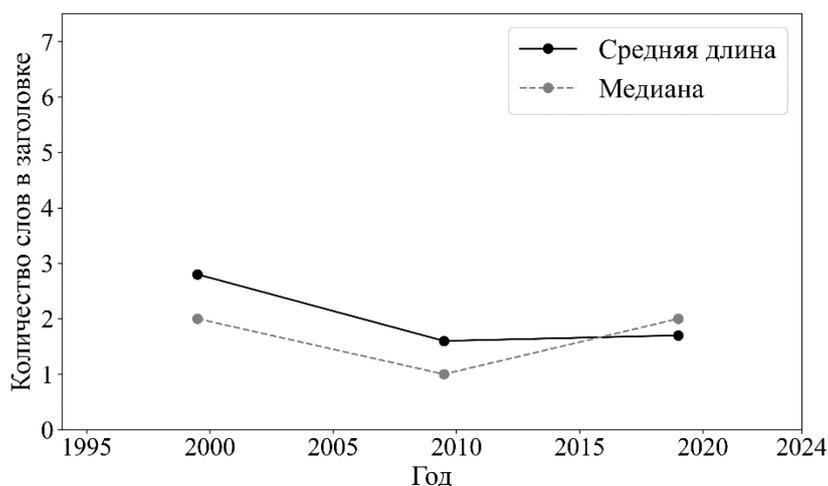

Рис. 13. Среднее и медианное значения (10-летние периоды)

Привлечем показатели **межквартильного размаха (IQR)**, чтобы выяснить, действительно ли перед нами проявляется тенденция к снижению

длины внутреннего заголовка. В первом временном отрезке $IQR=1$, $Q3=3$. Во втором и третьем периодах $IQR=1$, $Q3=2$ (третий квартиль, верхняя граница). Это означает следующее (далее приводим данные без экспликации математических операций):

1) 1995–2004 гг.: не менее 75% ($Q3$) внутренних заголовков ≤ 3 словам, неинтерквартильный процент составляет 76%, распределение в эти годы сконцентрировано вокруг 2-словных конструкций (52%). Отметим отсутствие 1-словных конструкций во втором пятилетии (2000–2004). Оглавление в двух произведениях, опубликованных в это время строилось на определенных принципах, не допускающих использование 1-словных заголовков. Так, в романе *«Алая аура протопарторга»* оглавление было «паспортным» (имя + возраст + статус), а в повести *«Чушь собачья»* внутренние заголовки отражали «собачью» фразеологию (*«Блудный пёс»*, *«Пёс учёный»* и т. д.);

2) 2005–2014 гг.: не менее 75% ($Q3$) внутренних заголовков ≤ 2 словам, фактический, или эмпирически наблюдаемый, процент выше и составляет 81% (превышение обусловлено концентрацией данных у верхней границы квартиля); другими словами, не менее 75% названий глав не длиннее 2 слов. Доминирование 1-словных библиопартионимов (55%) снизило медиану ($Q2 = 1$);

3) 2015–2024 гг.: $Q3$ также ≤ 2 слов, 80% внутренних заголовков варьируется в диапазоне 1–2 слов. Причина формального восстановления медианы до 2 слов заключается в том, что в этом периоде, по сравнению с предыдущим, доля 1-словных внутренних заголовков сократилась на 8 п. п. (55% \rightarrow 47%), а рост 2-словных конструкций увеличился с 26% до 33% – всё это при уменьшении выборки с 58 до 36 заголовков, но при относительно одинаковом количестве произведений (5 и 4).

Распределение длины внутреннего заголовка по 10-летним периодам указано на Рис. 14.

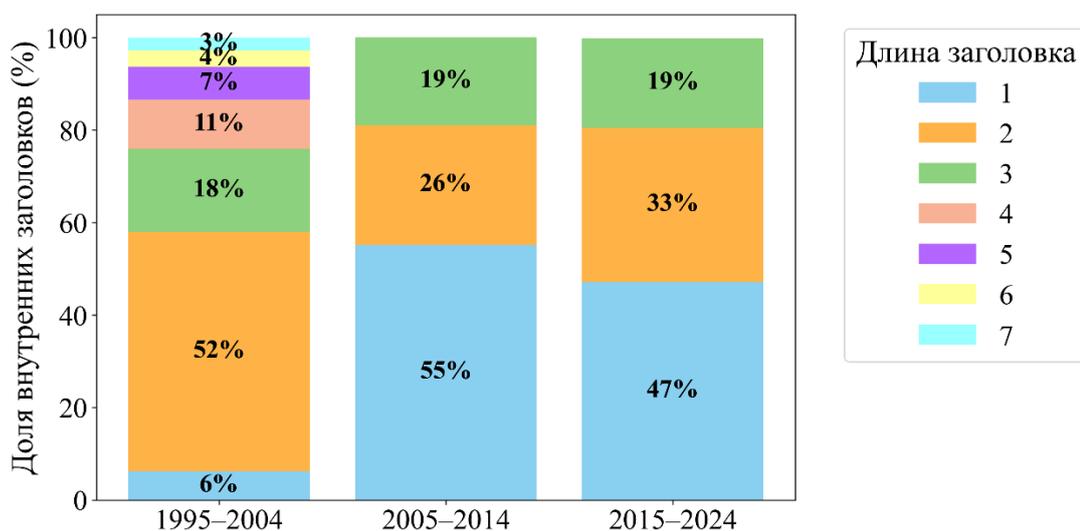

Рис. 14. Распределение длины внутренних заголовков по 10-летним периодам

Таким образом, тенденция к лаконичности подтверждается – это характерная черта структурного развития внутренних заголовков в прозе Е. Ю. Лукина. В сравнении, например, с писателем первой половины XIX в. Ф. В. Булгариным, для которого пространность заголовков являлось структурной нормой, библиопартионимы волгоградского автора коротки и просты. Возможно, уместно говорить о градации лаконичности, которая учитывает количество слогов и употребляемую часть речи в составе названия: внутренние заголовки «*С прогулки*», «*У генерала*» определяются как двухсловные, но эта двусловность менее выражена по сравнению с такими примерами, как «*Бабья докука*», «*Ночные беседы*» и т. п.

Коэффициент вариации (CV) длины библиопартионимов постепенно снижался: 49% (1995–2004), 48% (2005–2014), 45% (2015–2024). Поскольку первый период демонстрирует самое высокое разнообразие в количестве внутренних заголовков той или иной длины (см. Рис. 14), его вариативность можно охарактеризовать как высокую. Несмотря на то, что значение CV первого периода близко к показателям других периодов, именно экстремальный разброс в диапазоне (1–7 слов; наличие длинных заглавий играет ключевую роль в повышении CV) и отсутствие его в других десятилетиях (предел: от 1 до 3 слов – это умеренный разброс; короткие

«хвосты» распределения в этих периодах меньше влияют на CV) позволяют квалифицировать коэффициент вариации 1995–2004 как высокий.

Отличия, кроме указанных выше, первого периода от последующих заключаются в том, что самый распространенный количественный тип внутренних заголовков в нем представлен 2-словными названиями (58/112). В 1997 г. вышел роман «Разбойничья злая луна» с самым объемным оглавлением (40 глав), что значительно сказалось на выборке данного периода (ср. 112 – 58 – 36), на втором месте по количеству глав занимает роман «Катали мы ваше солнце», опубликованный в этом же году (20 глав).

Последнее, что стоило бы отметить при анализе межпериодных различий, это необходимость соблюдать осторожность при поиске корреляции между сокращением длины внутреннего заголовка (тенденция второго периода) и изменением количества глав в произведениях. Сопоставим данные в таблице, приведенной ниже (в строках столбца «Период» в скобках первое число означает количество произведений, второе – количество заголовков в них).

Таблица 7.

Период	Медиана (кол-во глав в тексте)	Медианная длина внутреннего заголовка
1995–2004 (6; 112)	18,7	2
2005–2014 (5; 58)	11,6	1
2015–2024 (4; 36)	8	2

На первый взгляд, гипотеза подтверждается: снижение медианной длины внутреннего заголовка действительно сопровождается уменьшением количества глав. Однако статистика третьего периода опровергает корреляцию: глав стало меньше, но медианная длина вернулась к показателям первого периода (напомним, что это неполное возвращение, поскольку снизилась вариативность длины). Тем не менее, привлекая большой массив данных, например, сравнивая изменение длины библиопартионимов в русских романах XIX в., фактор количественного состава глав не стоит недооценивать.

Факт сокращения или увеличения длины стоит оценить «глазами» исторической поэтики: влекут ли изменения в структуре внутреннего заголовка перемены в выполняемых ими функциях? А. В. Морева пишет: «На протяжении XVIII в. заглавия текстов путешествий развиваются в сторону сокращения своего объёма, при этом наблюдается эволюция от информативной функции с элементами аттрактивной к чисто информативной. Данная тенденция сохраняется и в XIX в.» [Морева, 2017, с. 35].

Сокращение длины заглавий в художественных и научных текстах со временем – факт давно установленный, а потому и тривиальный. О динамике внутренних заголовков мы практически не располагаем сведениями, не приходится говорить и об исследованности разного рода корреляций.

3.2.2. Синтаксическое развитие

В этой части диссертационной работы мы не проводим подробного анализа грамматики внутренних заголовков. Укажем только на ее некоторые характеристики в сравнении с грамматикой библиототонимов:

1) отсутствие вопросительных названий глав и незначительная доля восклицательных заголовков («*Шарлах! Шарлах!*», «*Куда-нибудь!*»);

2) отсутствие сложных предложений (общая черта библиопартионимов и библиототонимов);

3) простые двусоставные предложения редко бывают распространенными («*Беда беду кличет*»); часто состоят только из предикативного ядра («*Контора пишет*», «*Всё устаканилось*»); встречаются односоставные заголовочные конструкции («*Победителей не будет*», «*Разоблачены*»);

4) среди библиопартионимов-словосочетаний доминируют конструкции с атрибутивными отношениями (72/87): а) прил. + сущ.: «*Блистательная Алият*», «*Белый мусор*»; б) сущ. + сущ.: «*Трона войны*», «*Джинн из патрона*»; в) сущ. + ПФ сущ.: «*Собрать по ремеслу*». Определительные отношения могут

быть конкретизированы: атрибутивно-притяжательные – «Грамота государева», «Девичьи козни»; атрибутивно-обстоятельственные – «Ночь в музее». Встречаются заголовки-словосочетания с комплетивными отношениями («Три Тихона», «Три Шарлаха») и объектными («Умножение скорби»);

4) с точки зрения компонентной организации среди библиопартионимов-словосочетаний выделяются простые и непростые словосочетания («Ночные беседы»), вторые подразделяются далее на: а) сложные: «Последний вечер царства», «Горький дым Зибры»; б) комбинированные: «Владыка пальмовой дороги», «Миражи над красной пустыней»;

5) библиопартионимы-словоформы с точки зрения морфологического разнообразия представлены: а) существительными (конкретными и абстрактными, в ед. ч. и мн. ч.): «Бой», «Видения», «Проспект», «Вредители»; б) прилагательными: «Левая», «Правая», «Безродный»; в) контекстуально субстантивированными прилагательными: «Лицензионные»; г) числительными: «Три». Значима доля собственных имен (42/206), что кажется ожидаемым и естественным в связи с более широкими возможностями, которые оглавление открывает перед автором. В проприальный или апеллятивно-проприальный состав внутренних заголовков входят гидронимы («Озеро Теплынное», «Битва на реке Сволочи», «Море Каспицкое»), ойконимы («Между Харвой и Кимиром»), личные имена («Лера», «Вован»), прозвищные антропонимы («Обмылок», «Мымра»), мифоантропонимы («Голова Саурана»). Писатель употребляет как нейтральные формы имени («Арина»), так и оценочные («Танька», «Лёха»). Антропонимические имена наиболее часто включаются в структуру заголовочных номинаций (32/42).

Синтаксические типы внутренних заголовков показаны на круговой диаграмме (Рис. 15). Встречаются синтаксические типы, не зафиксированные при анализе заглавий. Например, предложно-падежные сочетания и сочетания предложений. Наибольшее количество предложно-падежных форм

внутренних заголовков зафиксировано в повести «Там, за Ахероном» (12/14): «На приеме», «В подвале», «У генерала»; по одной – в романе «Катали мы ваше солнце» и повести «Лечиться будем»: «У Завида Хотеныча», «На улице».

Приведем примеры библиопартионимов-словосочетаний (широкое понимание понятия «словосочетание»): «Луна и яма», «Непостижимый и бессмертный», «Отрицалы и положила», «Государь, отбившийся от рук».

Сочетание предложений встречается только в романе «Разбойничья злая луна» и повести «Амеба»: «Шарлах! Шарлах!» – с точки зрения семантической классификации – перед нами персонажный заголовок; «Два. День первый», «Два. День второй» – темпоральные библиопартионимы (подробнее о повести «Амеба» см. параграф 3.3.).

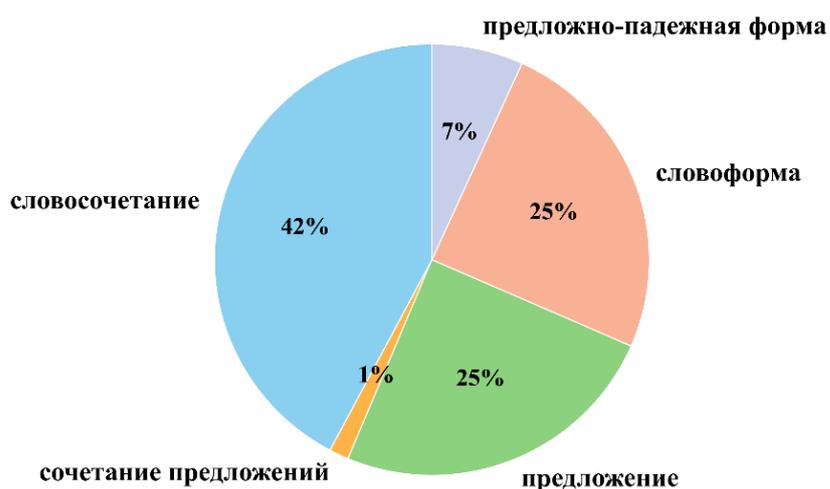

Рис. 15. Синтаксические типы внутренних заголовков

На этом рисунке прослеживается преобладание типа «словосочетание» (87/206), менее выраженное по сравнению с заглавиями-словосочетаниями, равное распределение типов «словоформа» (51/206) и «предложение» (51/206), незначительная доля других типов: предложно-падежное сочетание (14/206), сочетание предложений (3/206).

Следующий рисунок демонстрирует частотность синтаксических типов по десятилетним периодам.

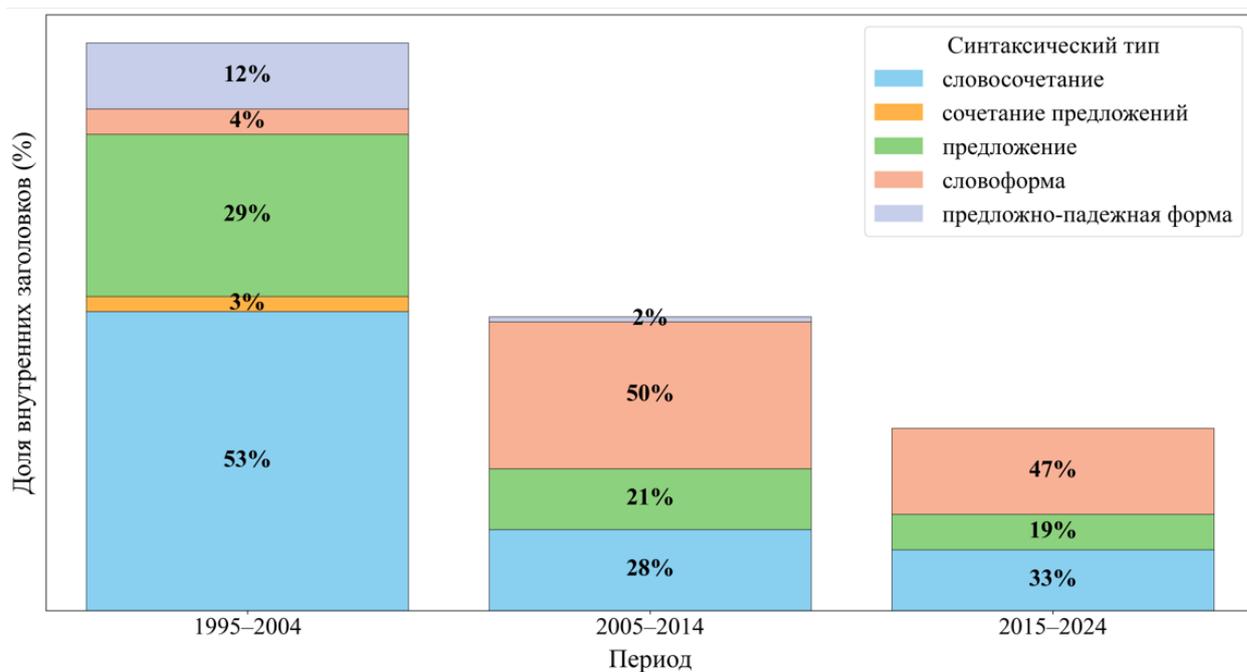

Рис. 16. Частотность синтаксических типов по 10-летним периодам

Значимым на гистограмме представляется рост синтаксического типа «словоформа», его доминирование над другими синтаксическими типами во втором и третьем периодах (вспомним, что среди синтаксических типов заглавия наибольшее распространение получили заглавия-словосочетания).

Сокращение библиопартионимов-словосочетаний и рост библиопартионимов-словоформ стали причиной изменения медианы в 2005–2014 г. (2 → 1). Рост последних связан с тем, что названия глав в двух из пяти повестей («*Андрюды срама не имут*», «*Тело, которому ты служишь*»), опубликованных Е. Ю. Лукиным в этот период, были полностью однословными. Более того, эти повести не входят в «Баклужинский цикл», 3 произведения из которого были выпущены в эти годы. Медианная длина внутренних заголовков всех произведений этого цикла (далее – БЦ) и внецикловых работ (далее ВнЦ) составляет 2 слова, но отличие между ними заключается в значениях межквартильного размаха: **БЦ** – (Q1 = 2, Q3 = 3); не менее 25% внутренних заголовков ≤ 2 словам, не менее 75% ≤ 3 словам (фактически 81%; совокупная доля названий диапазоном 3-7 слов = 32%). **ВнЦ** – (Q1 = 1, Q3 = 2); не менее 25% внутренних заголовков ≤ 1 слову, не менее 75% ≤ 2 словам (фактически 80%; совокупная доля названий

диапазоном 3-5 слов = 19%). Заголовки в БЦ более длиннее и вариативнее, чем в ВнЦ, несмотря на одинаковый показатель медианы. 1-словные библиопартионимы встречаются в несколько раз чаще в ВнЦ (47% против 19%), 2-словные – реже (32% против 49%), совсем не используются в ВнЦ длинные названия глав.

Сравнение статистических данных позволяет нам сделать предположение, что главным фактором сокращения медианной длины (2 → 1) в период 2015–2014 гг. становится публикация внецикловых повестей «Андрюды срама не имут», «Тело, которому ты служишь», где преобладают 1-словные заголовочные конструкции (в «Баклужинском цикле» только один текст имеет полностью 1-словное оглавление – это «Понерополь»).

Продемонстрируем теперь, как распределяется длина внутреннего заголовка конкретного синтаксического типа по 10-летним отрезкам.

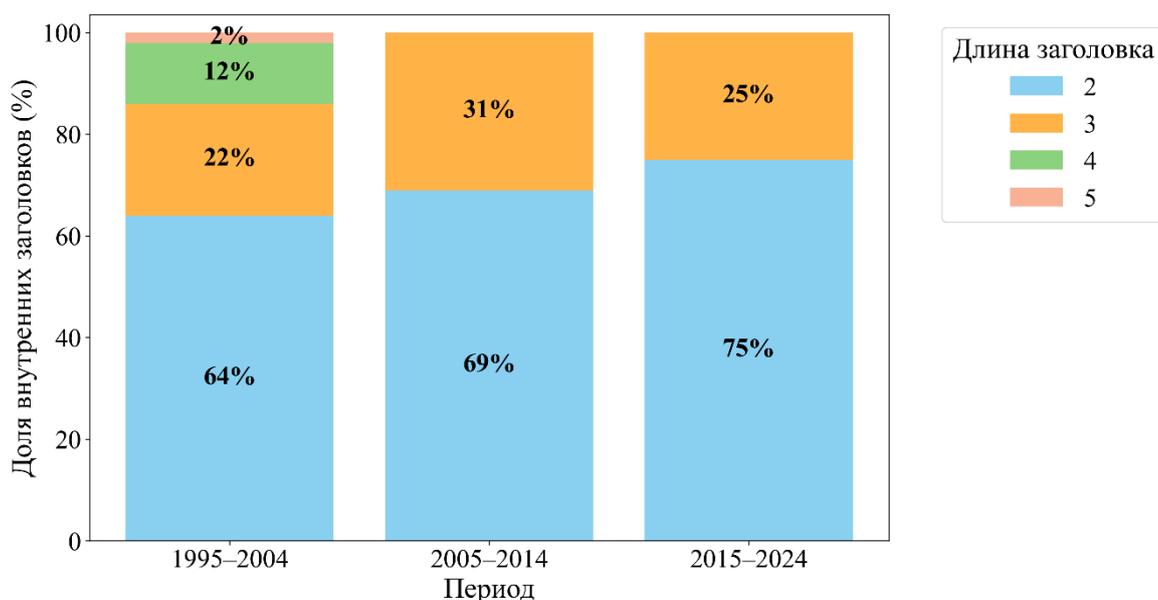

Рис. 17. Распределение длины библиопартионима-словосочетания

Как показывает рисунок, количественной нормой для всех периодов является доминирование 2-словных конструкций: в первом 38/59, во втором – 11/16, в третьем – 8/12. Неоднократно было отмечено, что при неравномерности данных в выборках, процентные показатели могут исказить точность интерпретации, поэтому с уверенностью мы можем сделать вывод

только о высокой доле 2-словных библиопартионимов-словосочетаний на протяжении всех периодов. Диапазон длины этого типа составляет 2–5 слов.

На следующем рисунке (Рис. 18) сразу обращает на себя внимание то, насколько разнообразна цветовая палитра периода 1995–2004. Ввиду большого объема выборки (112 внутренних заголовков) и синтаксического разнообразия (встречаются все 5 типов) неудивительно, что в этом отрезке самый вариативный диапазон длины (1–7 слов), который в последующие десятилетия значительно сузился.

Приведем примеры длинных библиопартионимов-предложений (от 5 до 7 слов), позже исчезнувших из номинативного арсенала автора: «Из варяг да в греки», «Африкан, сорок четыре года, протопарторг», «Панкрат Кученог, тридцать четыре года, подпольщик». В основном многокомпонентные внутренние заголовки встречаются в романе «Алая аура протопарторга» (12 из 15 случаев).

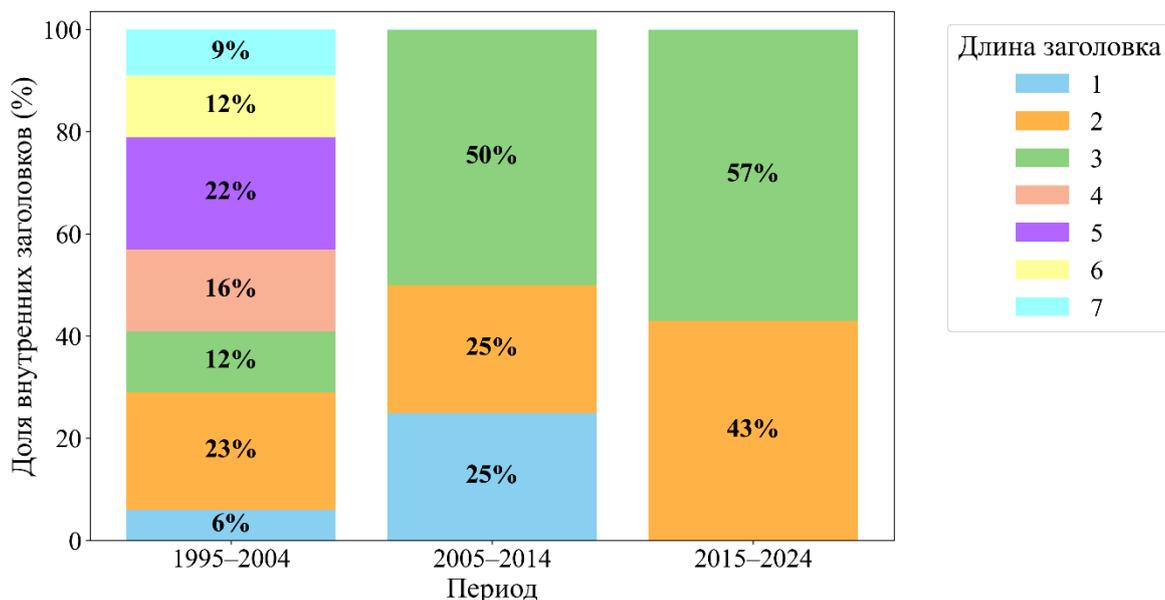

Рис. 18. Распределение длины внутреннего заголовка-предложения по 10-летним периодам

Итак, охарактеризуем особенности синтаксического развития названий частей произведений в прозе волгоградского писателя: 1) максимальное разнообразие синтаксических и структурных типов в раннем периоде (1995–2004), в следующих периодах некоторые синтаксические типы (сочетания

предложений, предложно-падежные сочетания) не используются, а другие стали менее вариативными в длине; 2) яркой особенностью периода 2005–2014 является преобладание однословных конструкций (заголовков-словоформ, см. Рис. 16), в предыдущий отрезок времени практически незначимых (зарождение тенденции к использованию более коротких заголовков, выявленной нами в подпункте 3.2.1); исчезают длинные заголовки (пяти-, шести-, семисловные) и 4-словные, сокращается синтаксический репертуар; 3) в позднем периоде (2015–2024) тенденция к преобладанию однословных названий глав продолжила закрепляться.

3.3. Оглавление: функциональный и мотивационный аспекты изучения (на материале романов и повестей Е. Ю. Лукина)

Перечень библиопартионимов, или внутренних заголовков, образует оглавление. В нем видят преимущественно ориентационную роль, инструмент навигации во внутренней картографии книги: «...оглавление – это аналог карты. Оно не менее полезно при первом прочтении книги, чем географическая карта для путешествия по незнакомой местности» [Адлер, 2019, с. 109], заголовки глав «rappellent l'état de la lecture. On peut les considérer comme de simples bornes routières, indiquant le nom d'une route, les distances parcourues» [May, 2008, p. 50] («напоминают о состоянии чтения. Их можно рассматривать как простые дорожные указатели, указывающие название дороги, отмечающие пройденное расстояние»). Сравнение с картой – типовое; еще одна напрашивающаяся аналогия – компас: «Заголовки, главы, обозначения страниц служили компасами для перемещения по книге» [Вальехо, 2025, с. 341].

Необходимо различать два модуса его существования, вернее, восприятия читателем.

Во-первых, **статический** – оглавление расположено в начале или в конце произведения, занимает «абсолютно сильную позицию в тексте»

[Здерева, 2011, с. 110], функционирует как целостность, как относительно самостоятельный текст [Веселова, 1998; Котюрова, 1996], периферийный субтекст [Баженова, 2001], паратекст [Покалюхина, 2012], способный выполнять определенные функции: *справочно-поисковую, информационно-пояснительную, рекламно-пропагандистскую* [Мильчин, Чельцова, 2009, с. 435–436], *указательную, смыслообразующую и путеводную* [Веселова, 1998, с. 169] («не только план, но и путеводитель по книге» [Реформатский, 1933, с. 124]), *содержательно-ориентационную* [Котюрова, 1996, с. 345], *текстообразующую и прагматическую* [Баженова, 2001, с. 327–328], *коммуникативную* и ряд *нарративных* [Кисилёв, 2004, с. 71], рекламировать «not only of the book's content, but of the hierarchies, structure, and intent of the author's project» [Howley, 2019, p. 78] («не только содержание книги, но иерархию, структуру и замысел авторского проекта»); возможно в ограниченных случаях говорить о *рекламно-маркетинговой* функции, когда подробность и информативность оглавления склоняют читателя к покупке. Приведем пример из истории русской литературы: «В меньшей степени заглавия жанрового порядка в творчестве Некрасова возможны также издательских соображений, ибо посредством жанровой маркировки в оглавлении поэт-редактор мог привлечь к книгам более широкий круг читателей» [Юделевиц, 1984, с. 107–108]. Практика книжных магазинов (например, московского магазина «Фаланстер») представлять новинки научной или научно-популярной литературы без оглавления, как кажется, выглядит малоэффективной, поскольку читателю приходится совершать лишние действия по переходу на сайты издательств, где оглавления к текстам тоже не всегда предусмотрены, а на сайтах букинистических книг (к примеру, Alib.ru) за возможность увидеть список глав нередко приходится платить.

Во-вторых, **динамический** – оглавление последовательно разворачивается перед глазами читателя, библиопартионимы постепенно вовлекаются в процессы смысло-и текстообразования.

На основании того, отмечается раздел произведения заголовком или нумерацией, следует разграничивать:

1) **нумерационное оглавление (перечень частей и глав)**. Оно строится по разным моделям: а) сегментная номинация *часть* и / или *глава* + арабская или римская нумерация: «Глава 1», «Часть 1», «Часть первая» (Е. Ю. Лукин «С нами бот», «Приблудные»); б) глава N + нумерация (внизу слова «глава»); в) только нумерация: «1», «I» (яркий пример, где вместо сегментов «часть» и «глава» стоит нумерация – К. Шаинян «Сасныга»).

2) **библионимическое оглавление (перечень названий частей и глав)**. Модели такого оглавления обычно представлены следующими разновидностями: а) сегментная номинация *часть* и / или *глава* N + заголовок (это, вероятно, прототипическая структура сегментации текста): «*Часть первая. Корни гнева. Глава I. Анна*» (роман «Лезвие бритвы» И. А. Ефремова); б) нумерация + заголовок: «8. Южная окрестность озера Виктория» (повесть С. Н. Синякина «Голый дикарь из культурной страны»); в) заголовки без нумерации (такое оглавление, на первый взгляд, кажется менее связанным): «*Летающие мальчики? Вздор!*», «*Прямоугольный смотритель*» (повесть В. А. Каверина «Летающие мальчики»). О (в) следует сказать особо: А. А. Реформатский в параграфе об архитектонике книги указал в примечаниях: «Часто встречаются книги, в которых никаких обозначений, что этот вот заголовок называется „глава“, а этот – „часть“, а этот – „параграф“, не имеется; это, однако, дела не меняет, так как они „безымянно“ играют те же роли, что и „титулованные“ части, главы и параграфы» [Реформатский, 1933, с. 12]. Точка зрения лингвиста справедлива для тех случаев, когда «лестница заголовков» в произведении основывается на логических основаниях (например, заголовки связаны родо-видовыми или хронологическими отношениями). В художественных текстах «те же роли» они (части, главы) играют не всегда, между заглавиями возможны более разнообразные связи (менее линейные и предсказуемые), чем в произведениях научной, официально-деловой литературы.

Разновидности оглавления не исчерпываются вариантами, которые мы перечислили. Существуют и другие комбинации в них, зависящие от стилевой и жанровой специфики книги, авторской и редакторской воли. Например, в романе В. Пелевина «*S.N.U.F.F.*» структурные части произведения обозначаются графическими символами. Публикация книги исключительно в Сети открывает для писателя новые способы работы с оглавлением. Оно может быть интерактивным, «гиперссылочным», задействовать не только зрение, но и слух.

Нумерационное оглавление – это система «голой» ориентировки, не имеющая никакой смыслообразующей роли (можно было бы назвать такое оглавлением *нулевым*), библионимическое оглавление – это система имен собственных, обладающих определенной семантикой и прагматикой.

Оглавление как объект или единица исследования находится в сфере внимания нескольких научных дисциплин: книговедения, истории чтения (*Histoires de la lecture*), литературоведения и текстологии. При диахроническом исследовании оглавления (например, при изучении его функций) библионимика теснее всего сотрудничает с таким научным направлением, как история чтения, возникновение которого обязано трудам Р. Шартье, французского историка, представителя школы «Анналов». Круг очерченных дисциплин способен стать дополнительным источником данных и методов (аналитических процедур) для библионимики.

Одними из первых дошедших до нас образцов оглавления являются книги «Аттические ночи» Авла Геллия и «Естественная история» Плиния Старшего, а к «1250 году их наличие стало стандартом, особенно в рукописях, произведенных в мастерских» [Блэр, 2023, с. 262].

Вопросы, связанные с функционированием оглавления в научных произведениях, были освещены М. П. Котюровой. Она проанализировала смысловую структуру оглавления монографии и особенности ее выражения, типы оглавления и их взаимосвязь с основным текстом. Оглавление, по мнению ученого, «является структурной единицей произведения, представляя

собой относительно самостоятельный специфический текст в пределах монографии, учебного пособия и других жанров, реализующую коммуникативное намерение автора в свернутой форме информировать читателя о развернутом знании (в единстве его онтологического, методологического и аксиологического аспектов), его композиции в основном тексте посредством актуализации тех или иных компонентов смысла» [Котюрова, 1996, с. 353]. Оглавление, входящее в *периферийный субтекст* научного произведения (термин Е. А. Баженовой), «выполняет функцию текстообразования и не только отражает, но и программирует смысловую прогрессию основного текста» [Баженова, 2001, с. 327].

Один из подпараграфов в диссертации Н. М. Азаровой посвящен визуально-ритмической структуре оглавления в текстах русских философов (Л. Шестов, С. Булгаков, А. Ф. Лосев). В ходе анализа структуры оглавления в творчестве этих авторов ученый отметил их ритмико-графическую организацию (средства такой организации) и предположил, что она может быть характеристикой идиостиля [Азарова, 2010, с. 667–670].

А. В. Терпугова установила формульность, повторяемость заголовочных номинаций в книгах серии ЖЗЛ («Жизнь замечательных людей»), выделив два типа названий глав: 1) указывающих на основные этапы человеческой жизни; 2) указывающих на «особенные этапы, которые возникают в жизни человека необыкновенного, выдающегося, замечательного» [Терпугова, 2011, с. 66]. Т. А. Снигирева и А. В. Подчиненов, исследуя стратегии жизнеописания в произведениях этой серии, писали об особенностях оглавлений книг некоторых авторов (П. Басинского, А. Варламова): «Можно говорить о *поэтике* раздела “Содержание” и применительно к работе П. Басинского “Горький”, в которой использованы те же приемы, что и у Варламова: принципиальная невыявленность хронологии, прямые апелляции как к творчеству самого писателя, так и его окружения, шире – окружения мировой литературы, тайна, броскость – так могут называться главы “романа тайн” или просто романа» [Снигирева, Подчиненов, 2022, с. 441] (Курсив наш.

– В. Д.). В цитируемом высказывании значим тезис о поэтике названий частей и глав текста: действительно, возможно изучение не только поэтики *заглавия*, но и поэтики *оглавления*, указанный феномен практически не получил в научной литературе отражения. Пожалуй, поэтика эксплицитно проявляется в «мономотивированных» оглавлениях, в которых выбор грамматической и / или референциальной организации внутренних заголовков обусловлен только одним мотивом, см., например, следующие оглавления: *инфинитивное* в романе «Бронепароходы» (2023) А. Иванова: «Часть первая. Спасти», «Часть вторая. Вернуть»; *нотное* в рассказе А. и С. Абрамовых «Гамма времени» (1967): «До», «Ре», «Ми»; *календарное* в романе А. Громова «Мягкая посадка (1995)»: «Часть I. Июнь», «Часть II. Сентябрь», «Часть III. Февраль»; *гидронимическое* в романе А. Г. Лазарчука «Транквилиум»: «Янтарное море», «Агатовое море»; *антропонимическое* в романе М. Л. Степновой «Женщины Лазаря» (2011): «Глава вторая. Маруся», «Глава пятая. Галина Петровна»; *цитатное* в романе «Вершители реальности» С. Свириной и Ж. И. ле Рю (оглавление состоит исключительно из латинских изречений); *минералогическое* в романе Б. А. Садовского «Александр третий» (1930): «Гранат», «Аметист». Выбор названий драгоценных камней в качестве внутренних заголовков, по мнению Н. Н. Кисловой, «свидетельствует о своеобразной авторской тайнописи, предлагающей читателю смысловую игру, выводящую на иной уровень понимания текста» [Кислова, 2018, с. 104]. В целом между внутренними заголовками возможны самые разнообразные связи: хронологические, ассоциативные, причинно-следственные, гиперогипонимические и т. д.

Нельзя не согласиться с мнением Е. В. Войткевич: «Смыслообразующие возможности оглавления и содержания как части ЗФК художественного произведения являются наименее изученными» [Войткевич, 2007, с. 101]. Оглавлению (взятом в статическом либо динамическом модусе) как части заголовочно-финального комплекса (ЗФК) и как самостоятельному элементу художественного текста уделялось недостаточно внимания, хотя утверждать,

что оно было малым, неверно. Отметим некоторые работы: Р. А. Будагов исследовал стиль и композицию заголовков в романе «Дон Кихот» М. Сервантеса [Будагов, 1984], сравнение смыслопорождающей, функциональной роли ансамблевого заглавия и оглавления в художественном ансамбле проведено В. С. Киселёвым [Киселёв, 2004, с. 69–72], поэтика внутренних заголовков становилась предметом исследования в статье Е. А. Коршуновой [Коршунова, 2013]. О. В. Богданова выявила композиционные, ритмические и семантические особенности оглавления романа А. Битова «Пушкинский дом» [Богданова, 2003, с. 11–14], изучались прагматические интенции, риторическая нагрузка оглавлений авторских сборников французских сказок, текстолого-эдиционные проблемы, связанные с паратекстуальными элементами сборника [Викулова, 2001, с. 169–183]. В сборнике статей под редакцией Ж. Матье (G. Mathieu) в исторической и жанровой перспективе рассмотрены идеологические, философские, эстетические, коммерческие цели использования оглавления [La Table des matières, 2017].

Причина отсутствия литературоведческого интереса к оглавлению, на которую указывает А. А. Холиков, справедлива не только по отношению к прижизненным полным собраниям сочинений (материал его статьи), но и по отношению ко всем художественным произведениям, где есть оглавление: «Важнейшим связующим звеном в ППСС выступает оглавление, которое традиционно воспринимают как сугубо служебный и не всегда обязательный элемент» [Холиков, 2011, с. 23].

Есть авторы, которые регулярно обращаются к практике озаглавливания частей произведения (например, Э. Н. Веркин, Д. Аберкромби), которые использовали оглавление в лишь малой части своего прозаического наследия или совсем не использующие его. Механизмы принятия решений относительно этого аспекта номинативной практики писателя не до конца выяснены.

Почему одни писатели дают названия частям и главам, другие обходятся номинациями «часть / глава + порядковый номер», а некоторые оставляют произведение и вовсе без оглавления? Маловероятно, что выбор имен для структурных частей текста представляется авторам сложной задачей (см. исторические и научно-фантастические романы, в которых количество глав с названиями может достигать до 100 и превышать это число). Присутствие внутренних заголовков в произведениях той или иной жанровой традиции скорее *вероятно*, нежели обязательно. Возможно, следует говорить о разной степени вероятности появления внутренних заголовков в определенном жанре. Некоторые ученые пытаются связать введение оглавления в текст с фактором целевой аудитории: «...подробное внутреннее оглавление, прежде всего указывающее на то, какие темы, события и герои главные в той или иной главе, уже вышло из широкого употребления, в основном оно характерно для детской литературы» [Чо Ю-Сон, 2001, с. 95] (примечание в статье). Достаточно взглянуть на оглавление современных научно-фантастических романов, чтобы опровергнуть это мнение. Нельзя полностью согласиться с Николасом Деймсом, автором глубокого исследования, посвященного истории *главы*: «...The “chapter book” is, after all, for younger readers only» [Dames, 2023, p. 289] («...В конце концов “книга по главам” предназначена только для молодых читателей»).

Обнаружить какую-либо закономерность в появлении / отсутствии оглавления в произведениях определенного автора крайне сложно, если вообще возможно. Романы того или иного писателя, последовательно получающие оглавления, с определенного этапа творчества могут оставаться без них, например, 6 романов И. Г. Эренбурга, кроме романа «*Жизнь и гибель Николая Курбова*», опубликованных до 1929 г., характеризовались наличием оглавления, последующие 12 романов его не имели. Нельзя однозначно утверждать, что сочиненные роман или повесть обязаны сопровождаться проприальным оглавлением, что оно точно способствует смысловому расширению или углублению произведения. Его появление может быть

обусловлено пожеланиями со стороны редактора или издателя, оно может быть исключительно издательским или редакторским, а не являться результатом авторской воли.

По аналогии с полушуточным делением Д. Е. Максимовым писателей на «путных» и «беспутных» «в зависимости от того, какую роль в их творчестве играет идея *пути*» [Зобнин, 2000, с. 5], писателей можно разделить на два типа – «озаглавливающих» и «обезглавливающих» – по их ориентированию на составление оглавления. Оглавление, имеющее в составе числа (нумерационное оглавление) или безонимные номинации (часть, глава), – разновидность «обезглавливания». Авторы могут быть ориентированы на использование внутренних заголовков во всех жанровых формах или только в определенных. В основном избегали *библионимического* оглавления в романах или повестях такие писатели-классики, как А. С. Пушкин (исключение – «Капитанская дочка»), И. С. Тургенев (исключение – повесть «Дневник лишнего человека»), М. Ю. Лермонтов, И. А. Гончаров (исключение – глава «Сон Обломова» в романе «Обломов»), Н. В. Гоголь, не использовали его Ф. К. Сологуб, А. П. Платонов, М. А. Шолохов, В. С. Гроссман, В. Набоков, В. Г. Распутин, В. Д. Дудинцев (в романах), Г. Гадзанов.

Заслуживает исследовательского внимания практика писателей именовать только такой структурный элемент романа, как *часть*, а *главы* оставлять безымянными. Эта практика встречается в русской литературе с начала XIX в.: О. Сенковский «Идеальная красавица» (1844), Ф. М. Достоевский «Записки из подполья» (1864), Н.С. Лесков «Захудалый род» (1874). В романах XX – XXI вв. к ней обращаются несколько чаще: К. А. Федин «Братья» (1928), А. С. Грин «Блистающий мир» (1923), В. А. Обручев «Рудник “Убогий”» (1929), Б. Л. Пастернак «Доктор Живаго», В. П. Астафьев «Тают снега» (1958), «Веселый солдат» (1998), А. Н. и Б. Н. Стругацкие «Обитаемый остров» (1969), «Град обреченный» (1989), В. Крапивин «Мальчик со шпагой» (1973–1975), Ю. В. Бондарев «Берег» (1977), В. И. Белов «Всё впереди» (1986), А. Д. Балабуха «Нептунова арфа»

(1986), Л. М. Леонов «Пирамида» (1994), А. Н. Громов «Мягкая посадка» (1995), А. Лазарчук «Транквилиум» (1996), С. В. Лукьяненко «Линия Грёз» (1996; отметим относительную частотность именованности частей в прозе автора – 18/41), С. Н. Синякин «Пространство для человечества» (2004), В. Пелевин «t» (2009), С. Ю. Кузнецов «Живые и взрослые» (2011), Т. Ю. Кибиров «Генерал и его семья» (2020), Ш. Идиатуллин «Последнее время» (2020), «До февраля» (2023), А. Григорян «Поселок на реке Оредеж» (2022), Е. Г. Водолазкин «Чагин» (2022), Д. Г. Колодан «Пересмешник на рассвете» (2025). Приведем примеры текстов, где озаглавленными оказываются оба композиционных элемента: Н. Кукольник «Эвелина де Вальероль» (1841–1842), В. В. Крестовский «Петербургские трущобы» (1864–1866), Ю. Олеша (1928), В. А. Каверин «Два капитана» (1938–1944), Ю.М. Поляков «Гипсовый трубач, или Конец фильма» (2008).

Большой смыслообразующий и функциональный потенциал внутренних заголовков не всегда оказывался востребованным писателями, в исторической перспективе они его не сразу осознали. Любопытный пример оглавления как жанра *литературы неосуществленного или незавершенного* (о феномене незавершенного в литературном процессе и творческой биографии автора см.: [Подчиненов, Снигирева, 2019]) дает фельетон А. С. Пушкина, «Настоящий Выжигин. Историко-нравственно-сатирический роман XIX века», где в оглавлении неосуществленного романа сатирически представлены вехи в биографии Ф. В. Булгарина. Как русская, так и мировая литература изобилует примерами воображаемых текстов, план содержания которых передан через оглавления.

К сожалению, в отечественной научной литературе практически нет работ, посвященных сравнительно-сопоставительному анализу оглавлений в творчестве разных писателей, оглавлений книг определенного жанра. В таком исследовательском ракурсе существенен вопрос о влиянии тактик / принципов оглавления книг одного жанра (и его разновидностей) на оглавления книг другого жанра. Показательный пример такого влияния приводит

Дж. А. Хоули: «Isidore's monumental work also reminds us that tables of contents can sometimes emerge from prefatory or introductory material (rather as modern academic monographs ritually include a section of the introduction that describes each chapter's argument in turn...)» [Howley, 2019, p. 73] («Монументальный труд Исидора [Севильского. – В. Д.] также напоминает нам о том, что оглавления иногда возникают из предисловия и вводной части (как в современных академических монографиях традиционно присутствует раздел раздел введения, в котором последовательно описываются аргументы каждой главы...))».

Перспективным видится изучение номинативной практики писателя в аспекте озаглавливания целого текста и его частей, определение специфики синтаксического, прагматического и нарративного оформления внутренних заголовков. Отдельный интерес представляют композиционные аналоги структурных частей (аналоги номинаций «глава N», «часть N»), это могут быть *лоскутки* (Ф. Булгарин «Чертополох, или новый Фрейшиц без музыки»), *тетради* (И. И. Лажечников «Беленькие, чёрненькие и серенькие»), *ночи* (Ф. М. Достоевский «Белые ночи»), *записи* (Е. И. Замятин «Мы»), *отрывки из найденной рукописи* (Л. Н. Андреев «Красный смех»), *документы* (документ 1, документ 2 и т. д. в повести А. и Б. Стругацких «Волны гасят ветер»), *отражения* (Е. Ю. Лукин «Труженики зазеркалья»), *клейма* (роман «Доска Дионисия» Алексея Смирнова фон Рауха, художника и писателя) и т. д.

Решение вопросов, связанных с категорией оглавления, имеет не только сугубо теоретический интерес, но и практический. «Нужно ли давать название главам в книге?» – далеко не праздный вопрос для начинающих или опытных писателей, активно обсуждающийся в авторских блогах, на сетевых форумах. Ведение читательских дневников, составление планов конспектов, шпаргалок и т. д. – все это нередко требует грамотной рубрикации. Обучение умению озаглавливать разделы рефератов, курсовых работ, статей – серьезная методическая задача. Методике работы над заглавием текста в средней школе

посвящена диссертация Т. Е. Кузнецовой [Кузнецова, 1999], советы по работе с оглавлением в дипломной работе дает У. Эко [Эко, 2003, с. 232–236].

Укажем на два аспекта изучения системы библиопартионимов: 1) **функциональный**, предполагающий установление функций оглавления; 2) **мотивационный**, требующий определения мотивов организации оглавления тем или иным образом, выделения принципа (-ов) в соответствии с которым совокупность внутренних заголовков получает семантическую, тематическую или иную одно-, разнородность.

В зависимости от выбранного «состояния», динамического или статического, будет отличаться содержание аспектов исследования оглавления: в первом случае следует выявить мотивы создания каждой / конкретной заголовочной номинации (мотивационный аспект), функции всех библиопартионимов (функциональный аспект); во втором – вскрыть сквозную идею, принцип (-ы), объединяющий (обобщающий) ряд заголовочных единиц в информативно и / или эстетически значимое целое; вряд ли подобная аналитико-поисковая операция всегда будет гарантировать успешные результаты, поскольку организация многих оглавлений не подчиняется какой-либо художественной логике, не несет эстетической смысловой нагрузки, а значит, мотивационный анализ обещает скромные результаты. Иногда оглавление – это просто перечень заголовков и ничего более, элемент не поэтики произведения, а его «интерфейса», обеспечивающего удобство навигации. Как кажется, тем сложнее выстроить систему оглавления, ориентированную на какие-либо принципы или идеи, чем больше в произведении тематически и синтаксически неоднородных внутренних заголовков.

Проанализируем оглавления в некоторых произведениях волгоградского писателя-фантаста Е. Ю. Лукина. Нас будут интересовать функции оглавлений и принципы в соответствии с которыми система внутренних заголовков конструируется определенным образом. Из 26 произведений (романов и повестей) чуть больше половины содержит

оглавление, что может свидетельствовать об определенном авторском внимании к этому элементу аппарата издания.

Оглавление романа **«Катали мы ваше солнце»** (1997), являющегося пародией на славянское фэнтези, участвует в поддержании атмосферы славянской старины. В заголовках *«Ночка темная»*, *«Утро ясное»*, *«Грамота государева»*, *«Озеро Теплынное»*, *«Дела подземные»*, *«Время смутное»*, *«Козни чародейные»* примечательно перемещение прилагательного в постпозицию, перед нами «типичная инверсия в фольклорно окрашенных или сугубо разговорных словосочетаниях или фразах» [Павлова, 2011, с. 333] (Курсив наш. – В. Д.). Стилистически нагруженными оказывается и ряд других названий глав: *«Явь и навь»*, *«Слово о полку Столпосвятове»*. Данные заголовки, выполняющие *информационную* и *стилистическую* функции, чередуются с другими названиями, реализующими в основном информационную функцию: *«Главный зачинщик»*, *«Двойной день»*, *«Ночное солнце»* и т. д. Волгоградский литературовед О. О. Путило отмечает: «Создавая ономастикон своего мира, Лукин чаще всего задействовал имена из древнерусских мифов, летописей и легенд, наиболее подходившие характерам его героев, однако в романе есть имена, созданные фантастом по “славянским мотивам”» [Путило, 2022, с. 80]. Можно добавить, что библиопартионимы, хотя они и не принадлежат напрямую ономастикону изображаемого мира, играют важную роль в произведении.

В повести **«Тело, которому ты служишь»** (2012) некоторые внутренние заголовки семантически связаны с заглавием произведения: *«Глава 1. Левая»*, *«Глава 2. Правая»*, *«Глава 6. Нутро»* – руки и внутренние органы человеческого тела. Из названия и оглавления нельзя узнать о том, кто служит телу, или в чем заключается служба. В основе сюжета лежит фантастическое допущение, что за жизнь и функционирование тела отвечают чертики. Именно они, согласно «Апокрифу Иоанна», считающемуся сакральной книгой чертиков, создали «по чьему-то приказу свыше» [Лукин, 2012, с. 208] *Первое Тело*, «по образцу которого возводились все последующие Тела» [Там же, с.

209]. В повести описываются экзистенциальные искания и метания новорожденного черта Крыма. Попытки выяснить, кто ответственен за приказы грызть ногти, в скором времени приводят главного героя к философским размышлениям о справедливости, смысле жизни, своем предназначении.

Оглавление указывает на важные смысловые вехи в биографии Крыма: короткое пребывание за пределами человеческой ауры, во Внетелесье, или Бездне, каким-то образом воздействует на зрение героя, и теперь он начинает видеть мир за пределами ауры, в некоторой степени очаровывается Бездной («Глава 4. Внетелесье»). Поход в Нутро показывает Криму неуместность его переживаний за состояние ногтей, поскольку в теле есть более серьезные проблемы: легкие забиты смолой, в желчном пузыре «пятнадцать камней один другого краше! А ты – Ногти...» [Там же, с. 220] («Глава 6. Нутро»). Осознав, что вред наносится всему организму, главный герой призывает чертиков бунтовать против руководства Мозга («Глава 7. Вредители»), становится смутьяном, но быстро осознает свою неправоту, когда узнает причину порчи ногтей, запущенности внутренних органов – снятие нервного напряжения: «Да, я могу волевым решением отменить и курево, и прочее... Но что после этого станет с Нервной Системой?» [Там же, с. 229] («Глава 8. Смутьян»).

Дробность оглавления романа «**Разбойничья злая луна**» (всего 40 глав), по всей видимости, обусловлена хронотопом (мир пустынь и оазисов) и сюжетно-мотивной организацией текста: герои практически всегда находятся в пути, часто вступают в сражения. Функция оглавления – конспективная. Читатель по названиям глав восстанавливает в памяти фабулу произведения.

Прокомментируем тексты «**Баклужинского цикла**», в который входит 10 произведений большой и средней эпической формы (1 роман и 9 повестей). Из них не имеет оглавления лишь повесть «Секондхендж» (2010); в повести «Пятеро в лодке, не считая Седьмых» (1990, соавт. Л. Лукина) озаглавлены только части произведения («*Туманно утро красное, туманно*», «*Бысть некая зима*», «*Из-за острова на стрежень*»), сопровождающиеся нумерационной

сегментацией текста. Заголовки интертекстуальны: первые два представляют собой строки из стихотворений И. А. Бунина («Казнь» и «Святой Прокопий» соответственно), третий – название народной песни.

Широкая распространенность локативных названий глав в повести «Там, за Ахероном» (1995) предопределяется заглавием произведения, тематикой пересечения границы. Для двух героев текста, Дон Жуана и Фрола Скабеева, пребывающих во втором кругу Ада, по эту сторону реки забвения только холод и каторжная работа (концепция изображения образа Ада опирается на дантовскую традицию, но только частично и преимущественно формально, ограничиваясь наличием кругов, поясов и рвов, наказаний, некоторых персонажей, фразой *оставь надежду, всяк сюда входящий*), а «Там, за Ахероном, – жизнь! А мы с тобой тени, кореш! Тени!» [Лукин, 1995, с. 82]. Герои совершают побег, и заголовки маркируют этапы приключений грешных душ в новых телах: «В подвале», «У генерала», «С прогулки», «На лоне», «Тут и там» и т. д. Там и здесь – пространственные оппозиции, содержательно не сильно отличающиеся друг от друга: везде персонажей ожидает политическое противостояние между сторонниками Петра и сторонниками Павла, в которое втянуты все обитатели Рая и Ада, и которого невозможно избежать: «Грешник ты, ангел, верующий, неверующий – кому сейчас какая разница!.. За кого ты? – вот вопрос. На кого работаешь? Ты что же, до сих пор полагаешь, что идет борьба добра со злом? Рая с Адом? Это же одна контора, Ваня!» [Там же, с. 128]. Оглавление произведения – путеводитель по эпизодам (навигационный паратекст), связанных с Фролом и Дон Жуаном. Первая глава «На хозрасчете» (второй круг ада) закольцовывается с последней «Тот свет» (суд Миноса у входа во второй круг).

В повести «Чушь собачья» (2003) много метафор, фразеологизмов, аллюзий, имен собственных, связанных с «собачьей» тематикой. Каждый внутренний заголовок (всего их 12) семантически соотнесен с именем произведения: «Глава 1. Сукин сын», «Глава 7. Блудный пёс», «Глава 10. Пёс господень» и т. д. Предположение, которое можно сделать исходя из заглавия

и заголовков, что сюжет будет посвящен животному, оправдывается до заключительных абзацев первой главы, где выясняется, что главным героем выступает человек, по каким-то причинам имитирующий собачью модель поведения. Возможно, в частности, поэтому оглавление пронизано «собачьей» семантикой, чтобы создать эффект обманутого ожидания у читателя. Город Суслов, бывший в прошлом райцентром Суловской области, а после ее распада ставший суверенным государством (Республика Суслов), испытывает комплекс исторической неполноценности: «Безликие мы, Гарик! Возьми Баклужино, Сызново... Про Лыцк я уже не говорю. Да! Бывшие районы Суловской области! Но у каждого свое лицо, свой нрав... А мы? Вечно под кого-то косим, вечно кого-то лижем!» [Лукин, 2015г, с. 175]. Поиск собственной идентичности привел город к следующему эксперименту: дать жителям возможность работать собакой, а в свободное от работы время – быть человеком. Поскольку образ собаки характеризуется многими моральными качествами, которые проявляет не каждый (и не всегда) человек, то жители начинают подражать ей. Оглавление повести реализует конспективную функцию.

Оглавление романа «**Алая аура протопарторга**» организовано по модели «имя персонажа + возраст + социально-статусная характеристика», например: «Глеб Портнягин, сорок четыре года, Президент»; «Африкан, сорок четыре года, протопарторг». Отклоняются от этой модели две главы: (а) «Историческая справка, возраста не имеет, документ», (б) «Все скопом, возраст – разнообразный, род занятий – тоже». В оглавлении можно заметить изменение социального статуса одного из героев произведения: Глава 4. Николай Выверзнев, тридцать лет, подполковник → Глава 10. Николай Выверзнев, тридцать лет, полковник. Оглавление этого романа вряд ли выполняет конспективную функцию, см. малоинформативность пересказа произведения с опорой на внутренние заголовки: сначала в центре внимания окажется Анчутка (первая глава), затем Глеб Портнягин (третья глава), после – новые и уже известные персонажи, а в заключительной главе – все ключевые

действующие лица. Нельзя сказать и о какой-либо эстетической и смыслообразующей роли подобной «паспортной» системы заголовков. Как кажется, это оглавление выполняет только *информационную* и *ориентационную функции*, оно сообщает читателю, что повествование в пределах главы будет сосредоточено на деятельности того или иного персонажа. В персонажном оглавлении произведения представлены участники двух противоборствующих идеологических партий: с одной стороны, Африкан и в гуще событий случайно примкнувший к нему Анчутка, с другой, – лидер Баклужино Глеб Портнягин.

В романе А. Н. и Б. Н. Стругацких «Пикник на обочине» (1972) оглавление строилось по этой же модели, ср. «*Рэдрик Шухарт, 23 года, холост, лаборант Хармонтского филиала Международного института внеземных культур*» (одно из отличий заключается в том, что в названиях глав произведения Е. Ю. Лукина выделены различные персонажи).

Последовательность эпизодов, сквозь которых «проглядывает» сюжет, можно увидеть в оглавлении повести «**Педагогическая поэма второго порядка**» (2012). Преимущественно во второй половине произведения: «*Коренной перелом*», «*Десять лет спустя*», «*Айне колонне маршрут*», «*Игра в классики*», «*Дознание*», «*Конец игре*».

Из лаконичных заголовков составлено оглавление повести «**Понерополь**» (2015): три («*Арина*», «*Раздрай*», «*Вован*») – называют персонажей, играющих ключевую или второстепенную роль в жизни главного героя Власа Чубарина, случайно оказавшегося в таинственном городе, два – обозначают городские топообъекты («*Проспект*», «*Музей*»). Последняя глава («*Похищение*») – кульминационное действие, осуществленное Ариной; название этой главы подтверждает семантику заглавного топонима: Понерополь – ‘город негодяев’ (др.-греч. *πονηρός* ‘негодяй, мошенник, плут’, *πόλις* ‘город’). Загадкой для читателя перед началом чтения остается только то, что именно окажется похищенным, хотя значение лексемы «похищение», ее сочетаемость и типовое употребление склоняют к выводу, что это будет,

скорее, человек, нежели предмет. После прочтения повести оглавление воспринимается как маршрут знакомства Власа Чубарина с городом (через встречу с ключевыми персонажами или посещение важных мест).

О конспективной, информационной функциях оглавления корректно говорить применительно к повести **«Майская ночь, или Утопленницы»** (2023), где названия глав сообщают об исторической и / или фольклорной теме, мотиве связанных с образом Степана Разина: *«Глава 1. Настина голова»*, *«Глава 8. Море Каспицкое»*.

Подробно рассмотрим в функциональном и мотивационном аспектах оглавление повести **«Амеба»** (1995). Оно содержит следующие заголовки: *«Один»*, *«Два. День первый»*, *«Два. День второй»*, *«Три»*. На предтекстовом этапе изучения повести можно выдвинуть гипотезу о мотивационной связи его названия и перечня заголовков и через эту связь выявить принцип конструирования оглавления, иными словами, опираясь на семантику имени текста понять мотивированность оглавления. Продемонстрируем примерный ход рассуждения: 1) заглавную лексему воспримем в основном, а не метафорическом значении; 2) актуализируем фоновые знания об амебах (питание, размножение, продолжительность жизни и т. д.); 3) из актуализированных знаний выберем те, которые как-то могут соотноситься с заглавием текста – ими станут сведения о способе размножения амеб. В свете этого свойства – размножаться путем деления – как кажется, становится ясным принцип организации оглавления: оно указывает на стадии процесса деления: глава *«Один»* – события до деления организма, главы *«Два...»* и *«Три»* – наступление деления и последующие события. С этой точки зрения функция оглавления – *прогностическая*.

Поскольку перед нами художественный текст, а не статья по биологии, референтом заголовочной номинации скорее всего является «человеческий» персонаж. Исходя из этой референции, предположим, какими способами автор может показать связь между образами человека и амебы:

1. Превращение персонажа в амебу и описание его будней в этой форме – иллюстрация негативного гротеска (см. «Превращение» Ф. Кафки); наша трактовка идеи организации оглавления останется той же, если в тексте будет присутствовать *мотив деления (разделения, раздвоения)*;

2. Изображение персонажа как бесхарактерного и безвольного – пример актуализации метафорической семантики лексемы «амеба» (заметим, что это слово встречается только в названии); в этом случае, если текст: а) не содержит каких-либо фантастических элементов, связанных с видимыми метаморфозами образа человека (необязательно это должна быть трансформация в одноклеточный организм), и мотива деления, тогда семантический и мотивационный принцип устройства оглавления нужно объяснять как-то иначе; б) если содержит (повесть, напомним, *фантастическая*), объяснение остается прежним.

Эпиграф к повести, на первый взгляд, является контекстуальным подтверждением правильности взгляда (2б): «Тот, кто сидел теперь напротив господина Голядкина, был – ужас господина Голядкина, был – стыд господина Голядкина, был – вчерашний кошмар господина Голядкина, одним словом, был сам господин Голядкин». Указан источник цитаты – Ф. М. Достоевский «Двойник». Собственно, эпиграф служит герменевтической подсказкой, намекает на появление в тексте Е. Ю. Лукина мотива двойничества (прогнозирующая функция эпиграфа распространена в творчестве волгоградского писателя, см. «Баклужинский цикл»). Мотив деления соответствует мотиву двойничества, процесс митоза, свойственный эукариотам, находит параллель в литературной традиции.

Маловероятно, что читатель будет проводить декодирование замысла и смысла оглавления. Во-первых, потому, что оно может отсутствовать в силу типа издания, в котором текст опубликован. Повесть «Амеба» впервые была напечатана в журнале фантастики «Если» (1995, № 8). Оглавление (статическое) романов и повестей, как правило, в журналах не приводится, нередко оно отсутствует и не в журнальных форматах (собрание произведений

и т. д., см., к примеру, роман «Разбойничья злая луна»). Отдельное издание текста также не всегда предусматривает наличие «статического» оглавления, в чем можно усмотреть либо небрежность редактора, либо авторский замысел (см., например, Лукин Е. Катали мы ваше солнце: Фантастические романы. – М.: ООО «Фирма «Изд-во АСТ», 2000. – 432 с.).

Удерживать в памяти или отдельно на листке систему внутренних заголовков (при поставленной задаче – выявить принцип мотивированности оглавления), если членение текста небольшое, с одной стороны, не представляет затруднений, но с другой, эта процедура выходит за традиционные рамки читательской практики. Во-вторых, у читателя может и не быть герменевтического интереса к таким паратекстуальным элементам, как заглавие, внутренний заголовок и оглавление. Не стоит абсолютизировать часто встречающееся в библиономических работах положение о том, что читатель постоянно в ходе рецептивно-интерпретационного процесса соотносит прочитанное с заглавием произведения, стремится уяснить себе его смысл, проверяет его художественную значимость и оправданность.

Обратимся теперь к содержанию повести. Текстовый и послетекстовый этап интерпретации покажет обоснованность / необоснованность наших предварительных догадок и суждений.

Намек на мотив деления-двойничества вводится уже в самом начале повести: Вавочка, главный герой произведения, лезвием бритвы разрезает пополам стирательную резинку, эта деятельность на протяжении первых страниц повторяется несколько раз, и с каждым разом количество равных кубиков, полученных при разрезании, увеличивается (2 – 241 – 512). Этим занятием герой убивает время на работе. При формальной должности рекламного маркетолога вся работа Вавочки в новорожденном инвестиционном фонде «Росхристинвесть», куда его пригласил старый приятель Сан Саныч, шеф рекламного отдела, заключалась, в том, чтобы говорить посетителям о временном отсутствии главы фонда.

Действие повести разворачивается в российских реалиях 90-х гг.: «Ситуацию он для себя определил грубовато, но в целом правильно: А. Фонд намерен ободрать вкладчиков. Б. Шеф намерен ободрать Фонд. Но, во-первых: ободрать по-честному, в соответствии с существующим законодательством. То есть путем рекламной кампании. А во-вторых: поделиться с сотрудниками» [Лукин, 1995, с. 70].

Волею случая главный герой становится временным руководителем рекламного отдела. Сан Саныч вместе с Леной Антоминым приобрели фирму с «говорящим» названием «Афедрон», вскоре к ним приехали теневики. Выяснилось, что на фирме висел долг. Сан Саныч, пьяный и огорченный тем, что пришлось принудительно подписать некоторые бумаги, бросил из окна стопку тарелок в собиравшихся уезжать рэкетиров. Теневики вернулись, избили его и похитили.

Главный жизненный принцип Вавочки заключается в том, «чтобы никто тебя не лепил, как пластилин» [Там же]. То, что ему удалось избежать вовлечения в аферу с приобретением фирмы, на первый взгляд, служит наглядной реализацией этого принципа: «Из него же куклу слепить хотели! А он не дался! Ай да Вавочка!.. Нет, но какое чутье, господа, какое чутье! Ведь на веревке его шеф тянул в этот самый “Афедрон”...» [Там же, с. 72]. Герой занимается самообманом, так как названное им *чутьем* (уже после услышанной истории о рэкетирах) на самом деле является нерешительностью, если не трусостью: Вавочка согласился поучаствовать в покупке фирмы, но в последний момент, стоя перед подъездом, где собрались Сан Саныч и Леня Антомин, передумал и отступил.

Управляющий фондом назначает Вавочку начальником отдела маркетинга. Он не разбирается в рекламно-маркетинговых технологиях, главное для него – быть деловым, соответствовать (хотя бы в воображении) духу предпринимателей 90-х гг. В день новоприобретенного статуса герою снится сюрреалистическая картина, в ней переплетаются все события прошедшего дня. Он видит бесконечно делящуюся чернильную резинку;

вместе с внезапно появившимися шефом рекламного отдела и главой фонда ему удастся затолкать ее в какую-то дверцу, затем Сан Саныч и управляющий фондом решают спрятаться внутри Вавочки: «Тот возмущен. Его подставили! Он не намерен отвечать за них за всех! Какой “Афедрон”? Он не имеет отношения к “Афедрону”! Вавочка корчится, пытается вытолкнуть из себя этих ловкачей, чтобы все поняли, что не он один, что еще были, только спрятались, сейчас он их выпихнет, вот увидите!..» [Там же, с. 74]. Попытка вытолкнуть из себя «неприятное, мерзкое» приводит к тому, что главный герой раздваивается подобно амебе. Этим эпизодом заканчивается первая глава.

Название второй главы подготавливает читателя к встрече с последствиями сюрреалистического сна. Глава юмористически повествует об антагонистических отношениях Вавочки и его двойника. Персонажи оказываются не способны прийти к согласию в чем-либо, не готовы к рациональному и выгодному для обоих взаимодействию. Они ненавидят, презирают и боятся друг друга. Вавочки – заложники принципа «не позволять лепить из себя». Двойник – полная копия героя в мыслях и поступках. Сомнительный с нравственной точки зрения характер главного персонажа, негативно усиленный психологическим климатом «лихих 90-х», – это причина невозможности диалога между героями.

В конце третьей главы двойник в порывах самобичевания выталкивает из себя все то, что «ему хотелось в себе уничтожить» [Там же, с. 83]. И название четвертой части повести («Три») определенно указывает на то, что вытолкнутое оказалось еще одной зеркальной копией героя («спойлерная» функция заголовка). Выход из сложившейся ситуации, по мнению Вавочки, только один: убить двух других. К такому решению приходят все двойники. Последняя сцена, как в целом вся глава, драматизирует повествование, комическое содержание сменяется трагическим: стоя в котловане, Вавочки поняли, что «это конец, что дальше ничего не будет: никто сюда не придет и никто не побежит, а ударит дождь, и прекратится, и снова ударит, а они будут

стоять, сжимая мокрые камни; стоять, не спуская друг с друга глаз; стоять, пока не подохнут от холода и страха!» [Там же, с. 87]. Нерешительность, страх не позволит никому из них воплотить задуманное. Экзистенциальный тупик – сюжетный финал повести.

Таким образом, в заглавии актуализируются сразу два значения: основное помогает осознать семантическое и мотивационное устройство оглавления произведения (понять, почему выбраны именно такие названия и что они значат), вместе с метафорическим прямое значение обозначает сюжетообразующую характеристику главного героя. Библионим становится герменевтическим инструментом для понимания принципа организации оглавления, но так бывает не всегда. Оглавление реализует прогностическую (на предтекстовом и текстовом этапах восприятия произведения) и конспективную функции (на послетекстовом этапе). Рассмотрение отношений между заглавием и оглавлением позволяет говорить об их взаимодетерминации: название текста задает направление и параметры интерпретации оглавления.

Итак, оглавление в произведениях Е. Ю. Лукина осуществляет различные функции: конспективную, ориентационную, информативную, стилистическую и др. Для некоторых оглавлений возможно установить принцип (идею) в соответствии с которым они организованы. В свете проведенного анализа следует признать слишком категоричным мнение С. И. Поварнина: «Оглавление романа или повести обычно не имеет существенного значения» [Поварнин, 1971, с. 39]. Понимание мотивов, которыми руководствовался автор при организации внутренних заголовков, способно принести дополнительное интеллектуальное удовольствие читателю.

Выводы к главе III

В третьей главе диссертации предложена программа изучения библиопартионимов, или внутренних заголовков, в синхронном и диахронном (в аспекте исторической поэтики) планах. Название глав и частей художественного текста – тема, которая должна получить индивидуальную разработку в отдельном разделе библиониимики.

Перечень внутренних заголовков известен как оглавление. С точки зрения маркированности разделов произведения нумерацией и / или заголовками следует выделять *нумерационное оглавление* («нулевое», «безымянное») и *библионимическое оглавление* (совокупность именованных частей и глав). Второе оглавление является объектом изучения библиониимики, первое – предмет интереса литературоведения и истории чтения.

Существуют два «режима» функционирования оглавления для читателя: 1) *динамическое* – поэтапное восприятие им внутренних заголовков; 2) *статическое* – одномоментное восприятие внутренних заголовков. Статическое оглавление предстает как элемент справочно-поискового аппарата издания, размещаемого в начале или в конце текста. В том случае, если произведение опубликовано в журнале, авторском сборнике, собрании сочинений (где том содержит сразу несколько текстов) читатель, как правило, работает с динамической совокупностью внутренних заголовков, поскольку в перечисленных изданиях отдельной страницы с оглавлением, как правило, нет, следовательно, для него названия глав выстраиваются в общую систему только по мере чтения.

В *структурном отношении* библиопартионимы в прозе Е. Ю. Лукина практически соответствуют библиототонимам: аналогичны медианная длина (2 слова) и диапазон вариативности длины (от 1 до 7 слов). Самый частотный квантитативный тип – 2-словные названия глав (41%). Структурное развитие заголовков демонстрирует значимые изменения в медианной и средней длине на протяжении трех десятилетий творчества. Медиана опустилась с 2 слов в

первом периоде до 1 слова во втором, в последнем временном отрезке вернулась к первоначальному значению.

В синтаксическом отношении библиопартионимы отличаются от библиототонимов более разнообразным синтаксическим оформлением: добавились два новых типа – предложно-падежная форма (синтаксема) и сочетание предложений. Словосочетание – самый распространенный синтаксический тип заголовка. Тенденция к сокращению длины названий глав, активно проявившаяся в 2005–2014 гг. и закрепившаяся в 2015–2024 гг., с синтаксической точки зрения, означает доминирование библиопартионимов-словоформ, сокращение доли библиопартионимов-словосочетаний и исчезновение длинных заголовочных конструкций.

Оглавлениям романов и повестей Е. Ю. Лукина, помимо ожидаемой полифункциональности (они реализуют информационную, конспективную, стилистическую и др. функции, организуют читательское восприятие, в некоторых случаях направляют интерпретацию текста в нужное русло), свойственна семантическая мотивировка. Внутренние заголовки нескольких произведений («Чушь собачья», «Амеба») семантически и ассоциативно связаны с заглавием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная работа выполнена в русле ономастики, где заглавие рассматривается как особое имя собственное, – библионим. Мы проанализировали некоторые дискуссионные и лакунарные аспекты терминосистемы теории заглавия. Строго говоря, сложившейся терминосистемы в этой области исследования как таковой нет, список имеющихся понятий скромнен (библионим, библионимия, библионимика, библионимизация и нек. др.).

Поскольку озаглавленным бывает не только произведение, но и его части, а в самом содержании текста нередко присутствуют (имплицитно или эксплицитно) названия других произведений, то мы решили дифференцировать с помощью латинских индексов три типа библионима:

(1) библиототоним – название целого произведения, или внешнее заглавие,

(2) библиопартионим – название его композиционной части, или внутренний заголовок,

(3) интрабиблионим – название текста, упомянутого в художественном мире произведения.

Для (1) и (2) корректно использовать термин «предтекстовый библионим», если дифференциация двух типов ввиду исследовательских задач не так существенна, а для (3) – внутритекстовый. Различия между этими типами не являются надуманными, а обуславливаются их онтологическими свойствами, функциональной спецификой. Тот факт, что внутренние заголовки гораздо реже запечатлеваются в памяти, нежели заглавие всего текста, не должен служить аргументом в пользу их игнорирования как исследовательского феномена. Название целого произведения – *мнемонически* сильная позиция. В соответствии с законом края прежде всего запоминается то, что дается в начале и в конце речевой единицы; внутренние заголовки

являются мнемоническими слабой позицией из-за их количества (причин, по которому они меньше запоминаются, конечно, больше).

«Семейство» заглавия на данный момент неупорядоченно, нет последовательности в употреблении понятий «заглавие», «заголовок». Использование их в качестве синонимов, с одной стороны, некритично, но с другой, за таким выбором не прослеживается научной базы; ученые, видимо, имплицитно руководствуются аргументом «от толкового словаря» (в некоторых *заголовках* и *заглавиях* подаются как синонимические лексемы, поэтому, следуя логике филологов, и не стоит искать в них содержательных различий), сопровождающегося доводом к разнообразию речи. Попытки разграничивать использование этих понятий, на наш взгляд, не стоит считать бесперспективными.

Мы попытались обосновать, с одной стороны, какие из упоминаемых в филологической литературе функций правомерно относить к библиототонимам, библиопартионимам и интрабиблионимам, а какие – являются общими для всех трех типов. В состав уникальных функций библиототонимов входят коммерческая, интегрирующая, соединительная. Рекламная (аттрактивная) функция внешнего заглавия отличается большим прагматическим потенциалом, нежели рекламная функция внутреннего заголовка, поскольку делает читателя участником коммерческих отношений, если он посчитал произведение достойным того, чтобы оно оказалось на его книжной полке. Внутренний заголовок выполняет делимитационную функцию, т. е. служит одним из демаркационных знаков в архитектонике книги. Интрабиблионим реализует сюжетобразующую и характерологическую функции. Распределенные нами по трем типам заглавий функции – часть обширного списка функционального потенциала библионимов. Следовательно, возможны и необходимы уточнения и дополнения.

Заголовочные элементы художественного текста образуют иерархию, место в которой определяется их положением по отношению к тексту и

функциональным статусом. Нами представлена иерархия, включающая три библионима, но количество членов в ней может быть больше.

Развивая идеи Воронежской ономастической школы, мы предложили ввести в терминологический оборот библиониими понятие *библионимической доминанты художественного текста* (БД). Под ней понимается разновидность идеонимической доминанты, название произведения / его композиционной части / «текста в тексте», которое в пределах целого текста (БД_{totum}) или его части (БД_{pars}) актуализирует связи с мотивно-сюжетными, хронотопическими, характерологическими (система персонажей), предметными (мир вещей), концептуальными (мир идей) структурами произведения, определенным образом влияет на поэтонимогенез других собственных имен, участвует в процессах тексто- и смыслообразования. Подчеркнем, что предлагаемая дефиниция не претендует на завершенность. Она, как и само понятие, открыта для критического рассмотрения.

Проведенный анализ количественного и синтаксического развития заглавий и внутренних заголовков не выявил радикальных сдвигов в практике писателя озаглавливать произведения или его составные части. Длина и синтаксическое оформление библиототонима в целом отличаются устойчивостью на протяжении всего творчества. Динамика библиопартионимов имеет более сложный характер, характеризуется снижением синтаксического разнообразия структур и тенденцией к лаконичности.

В заключение нам бы хотелось наметить несколько перспектив и направлений дальнейшего изучения библионимов.

Во-первых, необходимо показать, как связано сокращение / увеличение длины заглавия и изменение частотности определенного синтаксического типа с выполняемыми библионимами функциями. Интертекстуальная функция, как правило, нуждается в названиях средней длины или длинных заглавиях (цитатные, аллюзивные библионимы), исключением здесь будут,

например, прецедентные антропонимы в составе названия (Гамлет, Король Лир, Дон Кихот и т. д.). Аспектуальные характеристики ситуации, обозначенной заглавием, останутся не востребуемыми при выборе 1-словной конструкции (имеем в виду ситуативные библионимы). Представляется удобным проводить эксперимент с 1-словной структурой, чтобы понять, как раскрывается функциональный потенциал библиототонима: «*Странник*» – персонажное заглавие, информативная функция; «*Разочарованный странник*» (рассказ Е. Ю. Лукина) – добавляется эмоционально-оценочная и аллюзивная функции; «*Встреча разочарованного странника с очарованным*» – сохранение тех же функций, трансформация семантического типа заглавия: персонажный → ситуативный; «*Встреча разочарованного странника с очарованным в ВолгогрАДе*» – усиление аттрактивной функции (применение приема ложного этимологизирования). Такой библиототоним приближается к массмедийным заголовкам, если уже не превращается в него. Заменяем локатив «ВолгогрАД» на локатив, присутствующий в части произведений «Баклужинского цикла»: «*Встреча разочарованного странника с очарованным в астрале*», такое название намекает на фантастическую направленность текста (жанроуказательная функция).

Излишний лаконизм библиототонима вредит рекламной, особенно коммерческой функциям. Очевидно также, что автор, сопровождая стержневой образ в заглавии «апеллятивным конвоем», повышает его информативность.

Во-вторых, существенный импульс теории заглавия, библионимике может дать корпусное изучение библионимов. Создание информационных систем для компаративного анализа названий произведений русской литературы и зарубежной литературы – одно из приоритетных направлений такого рода исследований. Данная работа вряд ли осуществима усилиями одного ученого, она требует привлечения научных коллективов, включающих специалистов по литературной ономастике, художественному переводу, литературоведению, программированию.

В-третьих, Е. Ю. Лукин часто сопровождает произведения эпитафиями. Изучение взаимодействия этого текстового элемента с библионимами заслуживает отдельного внимания. Практика предварять основной текст эпитафией стало особенно интенсивной после «соавторского» периода творчества.

В-четвертых, в рамках сопоставления названий в творчестве Е. Ю. Лукина и других писателей, следует установить коэффициент лексического разнообразия библионимов.

В-пятых, еще раз укажем на необходимость привлечения литературного, историко-культурного контекстов, библионимии в прозе других авторов для более глубокого понимания особенностей выбора конкретным писателем синтаксической структуры заглавия и его длины, тенденций развития библионимов на протяжении всего творчества или отдельных периодов. По-прежнему ощущается недостаток исследований обобщающего и интегративного характера, например: заглавия в поэзии и прозе; развитие функций заглавий и внутренних заголовков (XVII–XXI в.); сравнение функциональной природы названий медиатекстов и художественных произведений и т. п.

Таким образом, результаты исследования позволяют, во-первых, уточнить и углубить содержание области исследования, посвященной феномену заглавия, расширить теоретические рамки этой области; во-вторых, помогают осмыслить особенности ономастического идиостиля Е. Ю. Лукина на уровне библионимической организации ономастического пространства художественного текста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И МАТЕРИАЛОВ

1. Катха упанишада // Упанишады : в 3 кн. / Перевод, предисловие и комментарии А. Я. Сыркина. Книга 2. – Москва : Наука, 1992. – С. 97–112. – Текст : непосредственный.
2. Лукин, Е. Ю. Амеба / Е. Ю. Лукин. – Текст : непосредственный // Если. – 1995. – № 8. – С. 69–87.
3. Лукин, Е. Ю. Кавалер Глюк / Е. Ю. Лукин. – Текст : непосредственный // Юность кудесника: [фантастические рассказы]. – Москва : АСТ Хранитель, 2007. – С. 283–295.
4. Лукин, Е. Ю. Тело, которому ты служишь / Е. Ю. Лукин. – Текст : непосредственный // Если. – 2012. – № 12. – С. 183–258.
5. Лукин, Е. Ю. Тайна Гнездовских курганов / Е. Ю. Лукин. – Текст : непосредственный // Баклужино и окрестности : Фантастические повести. – Волгоград : Издатель, 2015а. – С. 506–511.
6. Лукин, Е. Ю. Секондхендж / Е. Ю. Лукин. – Текст : непосредственный // Баклужино и окрестности : Фантастические повести. – Волгоград : Издатель, 2015б. – С. 686–725.
7. Лукин, Е. Ю. Прометей прикопанный / Е. Ю. Лукин. – Текст : непосредственный // Баклужино и окрестности : Фантастические повести. – Волгоград : Издатель, 2015в. – С. 458–470.
8. Лукин, Е. Ю. Чушь собачья / Е. Ю. Лукин. – Текст : непосредственный // Баклужино и окрестности : Фантастические повести. – Волгоград : Издатель, 2015г. – С. 161–267.
9. Лукин, Е. Слепые поводыри / Е. Лукин. – Текст : непосредственный // Лукина Л., Лукин Е. Разбойничья злая луна : роман, повести, рассказы, эссе. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. – С. 1016–1054.

10. Лукин, Е. Тихушники / Е. Лукин. – Текст : непосредственный // Эпидемия : [повести и рассказы]. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2024. – С. 47–120.
11. Лукина, Л., Лукин, Е. Пробуждение / Л. Лукина, Е. Лукин. – Текст : непосредственный // Знание-сила. – 1983. – № 6. – С. 31–32.
12. Лукина, Л., Лукин, Е. Миссионеры Пробуждение / Л. Лукина, Е. Лукин. – Текст : непосредственный // Искатель. – 1989. – № 6. – С. 2–51.
13. Лукина, Л., Лукин, Е. Строительный Пробуждение / Л. Лукина, Е. Лукин. – Текст : непосредственный // Лукин Е. Зона справедливости. Сталь разящая : Фантаст. роман, повести и рассказы. – Москва : АСТ, 2003. – С. 693–706.
14. Лукина, Л., Лукин, Е. Во избежание / Л. Лукина, Е. Лукин. – Текст : непосредственный // Лукина Л., Лукин Е. Разбойничья злая луна : роман, повести, рассказы, эссе. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. – С. 161–162.
15. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / Л. Н. Толстой. – Москва : ГИХЛ, 1935. – Т. 4. Произведения севастопольского периода. Утро помещика. – 449 с. – Текст : непосредственный.
16. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / Л. Н. Толстой. – Москва : ГИХЛ, 1953. – Т. 14. Война и мир. Черновые редакции и варианты. Ч. 2. – 445 с. – Текст : непосредственный.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева, Ю. П. Заголовочно-финальный комплекс как формообразующий элемент в поэтике прозаических микроциклов / Ю. П. Агеева. – Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2014. – № 1 (124). – С. 255–264.
2. Адлер, М. Как читать книги. Руководство по чтению великих произведений / М. Адлер ; перевод с английского Ларисы Плостак. – 6-е издание. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 340 с. – Текст : непосредственный.
3. Азарова, Н. В. Конвергенция философского и поэтического текстов XX – XXI вв. : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Н. В. Азарова. – Москва, 2010. – 850 с. – Текст : непосредственный.
4. Алташина, В. Д. «Пороги» французского романа-мемуаров XVIII века: названия и предисловия / В. Д. Алташина. – Текст : непосредственный // Французский акцент в мировой культуре: к 60-летию Александра Николаевича Таганова : коллективная монография. – Иваново : Издательство Ивановского государственного университета, 2010. – С. 26–35.
5. Астров-Зацарицынский, Ю. Пропажа героя. Островная империя в неожиданном ракурсе / Ю. Астров-Зацарицынский. – Текст : непосредственный // Рассказы и статьи. – Волгоград : Волгакон-2001, 2001. – С. 39–42.
6. Арнольд, И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста / И. В. Арнольд. – Текст : непосредственный // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сборник статей / научный редактор П. Е. Бухаркин. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – С. 223–238.

7. Бабичева, Ю. В. Поэтика заглавия / Ю. В. Бабичева. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Филология). – 2000. – Вып. 6. – С. 61–64.
8. Бабушкин, А. П. «Одиссея» Гекльберри Финна: названия глав «приключений» в русских переводах / А. П. Бабушкин. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 2. – С. 148–151.
9. Багаутдинова, Г. Г. Поэтика заглавия в нероманной прозе И.А. Гончарова / Багаутдинова Г. Г. – Текст : непосредственный // Научный диалог. – 2021. – № 5. – С. 169–182.
10. Баженова, Е. А. Научный текст как система субтекстов : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Е. А. Баженова. – Екатеринбург, 2001. – 366 с. – Текст : непосредственный.
11. Баженова, Я. В. Поэтика имени в творчестве И.А. Бунина : монография / Я. В. Баженова. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2023. – 272 с. – Текст : непосредственный.
12. Бардакова, В. В. Ономастическая деталь в произведении детской литературы / В. В. Бардакова. – Текст : непосредственный // Гуманитарный вектор. – 2011. – № 4 (28). – С. 32–35.
13. Барт, Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По / Р. Барт. – Текст : непосредственный // Избранные работы: Семиотика: Поэтика / перевод с французского, составление, общая редакция и вступительная статья Г. К. Косикова. – Москва : Прогресс, 1989. – С. 424–461.
14. Безрукова, В. В. Структурно-семантические особенности и функции заголовков беллетристических произведений XIX века / В. В. Безрукова. – Текст : непосредственный // Вестник Томского

государственного педагогического университета. – 2023. – Вып. 4 (228). – С. 92–100.

15. Белозерова, Е. А. Функционирование имен собственных в художественном тексте и дискурсе (на материале современной британской литературы) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е. А. Белозерова. – Москва, 2008. – 19 с. – Текст : непосредственный.

16. Белоусов, К. И. Теория и методология полиструктурного синтеза текста : монография / К. И. Белоусов. – 2-е издание, стереотипное. – Москва : ФЛИНТА, 2012. – 212 с. – Текст : непосредственный.

17. Бербер, Н. М. Щодо питання про терміносистему поетонімології / Н. М. Бербер. – Текст : непосредственный // Південь України: етноісторичний, мовний, культурний та релігійний виміри. – Одеса : «ВМВ», 2011. – С. 180–183.

18. Бескрокая, Т. Хорошие названия, и где они обитают: как удачно озаглавить текст / Т. Бескрокая. – Текст : непосредственный // Горшочек, вари: рецепты писательской кухни : учебное пособие ; под редакцией М. А. Кучерской [и др.]. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2024. – С. 217–224.

19. Білецький, А. О. Основи етимологічних досліджень ономастичного матеріала / А. О. Білецький. – Текст : непосредственный // Вибрані праці / Упоряд. Н. Ф. Клименко, Є. А. Карпіловська, А. О. Савенко. – Киев : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2012. – С. 216–363.

20. Бикертон, Д. Язык Адама: Как люди создали язык, как язык создал людей / Д. Бикертон ; перевод с английского О. Кураковой, А. Карпухиной, Е. Прозоровой. – Москва : Языки славянских культур, 2012. – 336 с. – Текст : непосредственный.

21. Блэр, Энн М. Знать слишком много. Организация научной информации до Нового времени / перевод с английского Е. Тарасовой. –

Санкт-Петербург : Academic Studies Press / Библиороссика, 2023. – 628 с. – Текст : непосредственный.

22. Боборыкина, Т. А. Слова, слова, слова: Книги в книгах Данте, Шекспира, Пушкина, Достоевского / Т. А. Боборыкина. – Текст : непосредственный // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – 2023. – № 4 (24). – С. 147–171.

23. Богданова, О. В. Постмодернизм и современный литературный процесс : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / О. В. Богданова. – Санкт-Петербург, 2003. – 42 с.

24. Богданова, О. Ю. Заглавие с позиции теории диктемной структуры текста (на материале английского языка) / О. Ю. Богданова. – Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 2 (59). – С. 172–175.

25. Богданова, О. Ю. Сопоставление функциональных особенностей заглавий художественных произведений и современной публицистики (на англоязычном материале) / О. Ю. Богданова. – Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – Т. 1. – № 3. – С. 140–143.

26. Бугакова, Н. Б., Скуридина, С. А. Модель ономастического творчества в индивидуально-авторской картине мира // Н. Б. Бугакова, С. А. Скуридина. – Текст : непосредственный // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: исторические и филологические науки. – 2023. – № 1 (28). – С. 92–97.

27. Бугакова, Н. Б. Модель ономастического творчества в индивидуально-авторской картине мира А. Платонова : специальность 5.9.5 «Русский язык. Языки народов России» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Н. Б. Бугакова. – Воронеж, 2023. – 420 с. – Текст : непосредственный

28. Будагов, Р. А. Поэтика заголовков в «Дон Кихоте» Сервантеса / Р. А. Будагов. – Текст : непосредственный // Писатели о языке и язык писателей. – Москва : Издательство МГУ, 1984. – С. 182–196.

29. Буевская, М. В. Поэтонимосфера художественного произведения: лингвальные и экстралингвальные аспекты исследования : специальность 10.02.15 «Общее языкознание» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / М. В. Буевская. – Донецк, 2011. – 250 с. – Текст : непосредственный.

30. Бучкова, О. Н. Сопоставительный анализ текстов оригинала и перевода как информационный источник «асимметрии языковых и понятийных картин мира» (на материале романа-памфлета «Да, господин министр» Джонатана Линна и Энтони Джея) / О. Н. Бучкова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 9 (669). – С. 18–23.

31. Вальехо, И. Папирус. Изобретение книг в Древнем мире / И. Вальехо. – Москва : Синдбад, 2025. – 432 с. – Текст : непосредственный.

32. Васильева, Н. В. О терминологических границах литературной ономастики / Н. В. Васильева. – Текст : непосредственный // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. – 2020. – № 2 (13). – С. 44–55.

33. Васильева, Н. В. Список библионимов как «текст в тексте» в зеркале языковой игры / Н. В. Васильева. – Текст : непосредственный // С любовью к слову. Сборник статей к 80-летнему юбилею проф. Людмилы Алексеевны Климковой / Ответственный редактор О. В. Никифорова. – Арзамас : Арзамасский филиал НГУ им. Н.И. Лобачевского, 2021. – С. 102–105.

34. Васильева, Н. В. Ономастическая нарратология как одно из направлений литературной ономастики / Н. В. Васильева. – Текст : непосредственный // Ономастика Поволжья : материалы XX международной научной конференции, Элиста, 5-7 октября 2022 года / составители и

редакторы Н. А. Кичикова, В. И. Супрун. – Волгоград : ПринТерра-Дизайн, 2022а. – С. 15–18.

35. Васильева, Н. В. Материалы к словарю терминов литературной ономастики / Н. В. Васильева. – Текст : непосредственный // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. – 2022б. – Т. 17. – № 2. – С. 28–47.

36. Васильева, Н. В. О терминологических фантомах и терминологических ловушках / Н. В. Васильева. – Текст : непосредственный // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. – 2023. – Т. 38. – С. 53–56.

37. Васильева, Т. В. Заголовок в когнитивно-функциональном аспекте (на материале современного американского рассказа) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Т. В. Васильева. – Москва, 2005. – 246 с. – Текст : непосредственный.

38. Викулова, Л. Г. Паратекст французской литературной сказки: прагмалингвистический аспект : специальность 10.02.05 «Романские языки : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Л. Г. Викулова. – Иркутск, 2001. – 363 с. – Текст : непосредственный.

39. Виноградов, В. В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / В. В. Виноградов. – Москва : РАН. Отделение литературы и языка, 1999. – 1138 с. – Текст : непосредственный.

40. Вишняков, А. Г. Прологомены к титрологии художественного текста: постановка проблемы / А. Г. Вишняков. – Текст : непосредственный // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. – 2018. – № 1. – С. 71–76.

41. Веденёва, Ю. В. Полифункциональность малоформатных текстов (на материале заглавий англоязычных стихотворений для детской аудитории) / Ю. В. Веденёва. – Текст : непосредственный // Эволюция и трансформация дискурсов: языковые и социокультурные аспекты: сборник научных статей: посвящается 95-летию Самарского государственного университета /

ответственные редакторы С. И. Дубинин, В. Д. Шевченко. – Самара : Самарский университет, 2015. – С. 82–86.

42. Веселова, Н. А. Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика : специальность 10.01.08 «Теория литературы. Текстология» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Н. А. Веселова. – Тверь, 1998. – 236 с. – Текст : непосредственный.

43. Веселова, Н. Ю., Иванова, Е. В. Заглавие / Н. Ю. Веселова, Е. В. Ивановна. – Текст : непосредственный // Теория литературы. – Москва : ИМЛИ РАН, 2011. – Т. II. Произведение. – С. 199–229.

44. Воронова, И. Б. Текстоброобразующая функция литературных имен собственных (на материале эпических произведений XIX–XX вв. : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / И. Б. Воронова. – Волгоград, 2000. – 227 с. – Текст : непосредственный.

45. Вострикова, О. В., Зюкова, Ю. А. Авторская специфика заглавий художественных произведений А. Кристи / О. В. Вострикова, Ю. А. Зюкова. – Текст : электронный // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022. – Т. 13. – № 2. – URL: <https://sfk-mn.ru/27SCSK222.html> (дата обращения: 17.09.2024).

46. Войткевич, Е. В. Поэтика оглавления в циклических образованиях (опыт неклассической парадигмы художественности) / Е. В. Войткевич. – Текст : непосредственный // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2007. – Т. 53. – № 14. – С. 100–105.

47. Выготский, Л. С. Психология искусства. Анализ эстетической реакции / Л. С. Выготский. – Москва : АСТ, 2018. – 416 с. – Текст : непосредственный.

48. Гаврилова, И. Д., Каримуллина, Р. Н. Особенности употребления онимов в произведениях русских писателей-фантастов / И. Д. Гаврилова,

Р. Н. Каримуллина. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – Вып. 8. – С. 125–128.

49. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – 5-е издание, стереотипное. – Москва : КомКнига, 2007. – 144 с. – Текст : непосредственный.

50. Герчук, Ю. Я. Художественная структура книги / Ю. А. Герчук. – Москва : Книга, 1984. – 208 с.

51. Голомидова, М. В. Искусственная номинация в русской ономастике : монография / М. В. Голомидова. – Текст : непосредственный. – Екатеринбург : УрГУ, 1998. – 232 с.

52. Гордиенко, Н. Н. Функционирование заголовочных комплексов в региональной прессе / Н. Н. Гордиенко. – Текст : непосредственный // Русская филология и национальная культура. – 2023. – №4 (9). – С. 8–20.

53. Горячкина, М. С. Сатира Лескова / М. С. Горячкина. – Москва : АН СССР, 1963. – 230 с. – Текст : непосредственный.

54. Грицай, Н. А. Заглавия в чеховской эпике: к проблеме «Точек зрения» / Н. А. Грицай. – Текст : непосредственный // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2010. – № 2 (45). – С. 28–34.

55. Губина, Н. В. Поэтика заглавий в прозе Е.И. Замятина: название – текст – метатекст / Н. В. Губина. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2007. – № 4 (7). – С. 97–104.

56. Даниленко, И. А. Роль текстовых когнитивных аттракторов при построении вариативных текстовых миров / И. А. Даниленко. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2022. – № 1. – С. 6–13.

57. Дарвин, М. Н. Поэтический мир лирического цикла: Автор и текст / М. Н. Дарвин. – Москва : РГГУ, 2018. – 288 с. – Текст : непосредственный.

58. Джанджакова, Е. В. О поэтике заглавий / Е. В. Джанджакова. – Текст : непосредственный // Лингвистика и поэтика. – Москва : Наука, 1979. – С. 207–214.

59. Джусупов, Н. М. Когнитивно-стилистический подход к исследованию заголовка художественного текста (на материале англоязычной художественной прозы) / Н. М. Джусупов. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 2 (035). – С. 47–61.

60. Диброва, Е. И. Художественный текст: Структура. Содержание. Смысл : избранные работы / Е. И. Диброва. – Москва : ТВТ Дивизион, 2008. – Т. 1. – 429 с. – Текст : непосредственный.

61. Долгирева, А. Э. Газетный заголовок в прагмалингвистическом аспекте : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / А. Э. Долгирева. – Таганрог, 2002. – 298 с. – Текст : непосредственный.

62. Драбкина, И. В. Прогностические функции малоформатных текстов-заглавий произведений массовой литературы / И. В. Драбкина. – Текст : непосредственный // Малоформатные тексты в различных типах англоязычного дискурса. – Самара : Самарама, 2019. – С. 16–32.

63. Дьякова, Т. В. Жанрообразующие свойства поэтонимов: на материале английской и русской авторской сказки : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Т. В. Дьякова. – Волгоград, 2006. – 20 с. – Текст : непосредственный.

64. Егорова, О. В. Проблема циклизации в русской прозе первой половины XX века : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / О. В. Егорова. – Волгоград, 2004. – 40 с. – Текст : непосредственный.

65. Здерева, И. В. Художественная эволюция прозы Бориса Пильняка 1930-х годов / И. В. Здерева. – Текст : непосредственный // Известия

Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2011. – Т. 11. – № 3. – С. 107–111.

66. Зекиева, П. М. Заголовочный комплекс в газете как макроструктура имени статьи / П. М. Зекиева. – Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2011. – № 1. – С. 99–104.

67. Зобнин, Ю. В. Странник духа (о судьбе и творчестве Н. С. Гумилёва) / Ю. В. Зобнин. – Текст : непосредственный // Гумилев Н. С.: pro et contra: Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология ; подготовил Ю. В. Зобнин. – 2-е издание. – Санкт-Петербург : Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2000. – С. 5–52.

68. Зырянов, О. В. Жанровые рефлексивы в свете исторической поэтики / О. В. Зырянов. – Текст : непосредственный // Дергачевские чтения – 2008. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций: материалы IX Междунар. науч. конф. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2009. – Т. 1. – С. 80–91.

69. Иванченко, Г. В., Орлицкий, Ю. Б., Сухова, Т. Б. О психологических функциях заглавия / Г. В. Иванченко, Ю. Б. Орлицкий, Т. Б. Сухова. – Текст : непосредственный // Поэзия: опыт междисциплинарного анализа / под редакцией Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьева, Ю. Б. Орлицкого. – Москва : Смысл, 2015. – С. 238–325.

70. Иноземцева, Н. В., Турлова, Е. В. Вербальные дискурсивные маркеры заголовков англоязычных детских поэтических произведений / Н. В. Иноземцева, Е. В. Турлова. – Текст : непосредственный // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2013. – № 5. – С. 66–70.

71. Иноземцева, Н. В. Функциональные особенности заголовков англоязычных газетных статей / Н. В. Иноземцева. – Текст : непосредственный

// Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 11 (186). – С. 142-146.

72. История чтения в западном мире от Античности до наших дней / Редакторы-составители Г. Кавалло, Р. Шартье ; перевод с французского М. А. Руновой, Н. Н. Зубкова, Т. А. Недашковской. – Москва : Фаир, 2008. – 544 с. – Текст : непосредственный

73. Исхакова, И. В. Семантические и функциональные особенности заголовочных комплексов художественных текстов (на материале произведений англоязычных авторов XVIII–XX вв.) / И. В. Исхакова. – Текст : непосредственный // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – № 11 (117). – С. 75–81.

74. Калинин, В. М. Поэтика онимов: неоспоримость правды вымысла / В. М. Калинин. – Текст : непосредственный // Культура в фокусе научных парадигм. – 2018. – № 6. – С. 66–71.

75. Калинин, В. М. Е. С. Отин – редактор: «Восточноукраинский лингвистический сборник» / В. М. Калинин. – Текст : непосредственный // Восточноукраинский лингвистический сборник им. Е.С. Отина : сборник научных трудов. – 2018. – Вып. 1 (16). – С. 4–174.

76. Камалов, Р. И. Репрезентация категории пространства в названиях глав оригинала и перевода романа Н. Готорна «Алая буква» / Р. М. Камалов. – Текст : непосредственный // Русский язык как фактор культурно-образовательной интеграции общества: сборник научных трудов / ответственные соредакторы: О. Н. Морозова, М. В. Пименова. – Санкт-Петербург : Издательство СПбГЭУ, 2016. – С. 294–297.

77. Каменская, О. Л. Текст и коммуникация : учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков / О. Л. Каменская. – Москва : Высшая школа, 1990. – 152 с. – Текст : непосредственный.

78. Капустина, С. В. К вопросу о переводе единиц концептосферы Н. В. Гоголя: «Богатырство» или «heroism»? / С. В. Капустина. – Текст :

непосредственный // Два века русской классики. – 2023. – Т. 5. – № 4. – С. 16–33.

79. Карасев, Л. В. Флейта Гамлета: Очерк онтологической поэтики / Л. В. Карасев. – Москва : Знак, 2009. – 208 с. – Текст : непосредственный.

80. Карпенко, Ю. А. Имя собственное в художественной литературе / Ю. А. Карпенко. – Текст : непосредственный // Филологические науки. – 1986. – № 4. – С. 34–40.

81. Карпенко, Ю. О. Образный смысл слова, вынесенного в заглавие художественного произведения / Ю. О. Карпенко. – Текст : непосредственный // Літературна ономастика : Збірник статей. – Одеса : Астропринт, 2008. – С. 257–259.

82. Карпенко, Ю. О. Назва твору як об'єкт ономастики (Переважно на матеріалі творчості Миколи Бажана) / Ю. О. Карпенко. – Текст : непосредственный // Літературна ономастика : Збірник статей. – Одеса : Астропринт, 2008. – С. 29–37.

83. Касаткина, Т. А., Корбелла, К., Магарил-Ильяева, Т. Г., Подосокорский, Н. Н. Книги в книге. Роль и образ книги в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» / ответственный редактор Т. А. Касаткина. – Москва : ИМЛИ РАН, 2024. – 392 с. – Текст : непосредственный.

84. Карпова, И. А. Когда имя обязывает: И. Х. Клодеев – промышленник, собиратель, меценат / И. А. Карпова. – Текст : непосредственный // Библиотечное дело. 2010. – № 22 (136). – С. 40–43.

85. Киселёв, В. С. Метатекст как нарративное целое: элементы и структуры / В. С. Киселёв. – Текст : непосредственный // Статьи по теории и истории метатекста (на материале русской прозы конца XVIII – первой трети XIX века). – Томск : ТГУ, 2004. – С. 54–77.

86. Кислова, Н. Н. Роль заголовочного комплекса в романе Б.А. Садовского «Александр третий» / Н. Н. Кислова. – Текст : непосредственный // Поволжский педагогический вестник. – 2018. – Т. 6. – № 4 (21). – С. 103–110.

87. Кичикова, Н. А. Топонимия Республики Калмыкии как составная часть ономастического пространства Российской Федерации : специальность 10.02.01 «Русский язык» автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Н. А. Кичикова. – Волгоград, 2011. – 25 с. – Текст : непосредственный.
88. Климкова, Л. А. Библионимы в лирике С. А. Есенина / Л. А. Климкова. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2020а. – № 3 (38). – С. 17–26.
89. Климкова, Л. А. Тезоименность в русской библионимии / Л. А. Климкова. – Текст : непосредственный // Ономастика Поволжья : материалы XVIII Международной научной конференции (Кострома, 9–10 сент. 2020 г.): в 2 т. – Кострома : Костромской государственный университет, 2020б. – Т. 1. – С. 64–71.
90. Ковалев, Г. Ф. Воланд и его свита / Г. Ф. Ковалев. – Текст : непосредственный // Избранное. Литературная ономастика. – Воронеж : Научная книга, 2014. – С. 243–271.
91. Ковалев, Г. Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях / Г. Ф. Ковалев. – Текст : непосредственный // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сборник научных статей / научный редактор А. М. Мезенко. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2016. – С. 19–23.
92. Кожина, Н. А. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, параметры типологии / Н. А. Кожина. – Текст : непосредственный // Проблемы структурной лингвистики 1984 / ответственный редактор В. П. Григорьев. – Москва : Наука, 1988. – С. 167–183.
93. Колеватых, Г. М. Заглавие в русской поэзии 1980–1990-х гг. : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Г. М. Колеватых. – Елец, 2008. – 19 с. – Текст : непосредственный.

94. Колесник, Н. С. Онімний простір українського пісенного фольклору: семантичний, структурний та функціональний аспекти : спеціальність 10.02.01 «Українська мова» : дисертацій на здобуття наукового ступеня доктора (кандидата) філологічних наук / Н. С. Колесник. – Чернівці, 2017. – 441 с. – Текст : непосредственный.

95. Колосова, П. А., Иванова, О. В. Эволюция заглавия классического англоязычного детектива как отражение развития жанра (на материале произведений А.К. Дойля, А. Кристи, Р.Т. Стаута и Р. Ренделл) / П. А. Колосова, О. В. Иванова. – Текст : непосредственный // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2023. – № 48. – С. 94–99.

96. Кольцова, Л. М. Заголовок в структуре художественного текста / Л. М. Кольцова. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2007. – № 2. – С. 6–19.

97. Коржова, И. Н. Заглавия принятые и отвергнутые в «Повести о жизни» К.Г. Паустовского (к реконструкции творческой истории) / И. Н. Коржова. – Текст : непосредственный // Литературный факт. – 2024. – № 3 (33). – С. 243–260.

98. Коровин, В. И. Наблюдения над заглавиями произведений А. С. Пушкина / В. И. Коровин. – Текст : непосредственный // От истории текста к истории литературы: Сборник статей. Вып. 1. / ответственный редактор М. И. Щербакова. – Москва : ИМЛИ РАН, 2015. – С. 46–63.

99. Королева, А. М. Поэтика заглавия: из истории почти 100-летних наблюдений / А. М. Королева. – Текст : непосредственный // Журнал филологических исследований. – 2022. – Т. 6. – № 4. – С. 55–60.

100. Королёва, И. А. Национальная ментальность в именах собственных / И. А. Королёва. – Текст : непосредственный // Известия Смоленского государственного университета. – 2016. – № 2 (34). – С. 58–67.

101. Коршунова, Е. А. Роман И. С. Шмелева «Пути небесные»: поэтика оглавления / Е. А. Коршунова. – Текст : непосредственный // Вестник

Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. – 2013. – Т. 1048. – № 67. – С. 146–150.

102. Косиченко, Е. Ф. Лингвосемиотическая концепция ономастикона (на материале художественных текстов) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Е. В. Косиченко. – Москва, 2017. – 353 с. – Текст : непосредственный.

103. Котюрова, М. П. О смысловой структуре оглавления монографий и особенностях ее выражения / М. А. Котюрова. – Текст : непосредственный // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. / под редакцией М. Н. Кожиной : в 3 т. Т. II. Стилистика научного текста (общие параметры). – Пермь : Издательство Пермского университета, 1996. – Ч. 1. – С. 353–363.

104. Кофман, А. Ф. Эрнан Кортес. Первое послание-реляция императору. Испанцы на острове Косумель. Перевод с комментариями / А. Ф. Кофман. – Текст : непосредственный // Латинская Америка. – 2022. – № 3. – С. 6–21.

105. Кошечая, И. Г. Текстобразующие структуры языка и речи / И. Г. Кошечая. – 2-е издание. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 184 с. – Текст : непосредственный.

106. Кржижановский, С. Д. Поэтика заглавий / С. Д. Кржижановский. – Москва : Никитинские субботники, 1931. – 34 с. – Текст : непосредственный.

107. Крутова, М. С. Именование памятников письменности в истории русской словесности XI–XIX веков: текстология, семантика, жанровые формы : специальность 10.01.01 «Русская литература» ; 10.01.08 «Теория литературы. Текстология» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / М. С. Крутова. – Москва, 2010. – 48 с.

108. Крысько, В. Б. Экстратексты восточнославянских рукописей XI–XIV вв. как источник по истории древнерусского языка / В. Б. Крысько. – Текст : непосредственный // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2019. – Т. 78. – № 2. – С. 14–32.

109. Крюкова, И. В. Периферийные разряды ономастики / И. В. Крюкова. – Текст : непосредственный // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография / Научные редакторы В. И. Супрун, С. В. Ильясова. – Майкоп : Издательство «Магарин О.Г.», 2017. – С. 169–183.

110. Кузнецова, Т. Е. Методика работы над заглавием текста в средней школе : специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)» : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Т. Е. Кузнецова. – Москва, 1999. – 167 с. – Текст : непосредственный.

111. Куляпин, А. И. Семиотика художественного пространства В. М. Шукшина : монография / А. И. Куляпин. – Барнаул : АлтГПУ, 2016. – 160 с. – Текст : непосредственный.

112. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста : учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности № 2103 «Иностранный язык» / В. А. Кухаренко. – Москва : Просвещение, 1988. – 192 с. – Текст : непосредственный.

113. Лагузова, Е. Н. Синтаксическая компрессия и синтаксическая редукция в современном русском языке // Е. Н. Лагузова. – Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные знания. – 2016. – Т. 2. – № 4 (8). – С. 315–318.

114. Лазарева, Э. А. Заголовочный комплекс текста – средство организации и оптимизации восприятия / Э. А. Лазарева. – Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета – 2006. – № 40. – С. 158–166.

115. Лазарева, К. В. Заглавие как элемент поэтики фантастического в русской прозе 20–40-х годов XIX века / К. В. Лазарева. – Текст : непосредственный // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 150. – № 6. – С. 48–57.

116. Леонтьев, А. А. Окоем / А. А. Леонтьев. – Текст : непосредственный // Вопросы культуры речи. – 1964. – Вып. V. – С. 164–171.
117. Ли Лицюнь. Структура, семантика и прагматика заглавий художественных произведений : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ли Лицюнь. – Москва, 2004. – 185 с. – Текст : непосредственный.
118. Лозинский, С. Г. Роковая книга Средневековья / С. Г. Лозинский. – Текст : непосредственный // Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. – С. 3–76.
119. Лукин, В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум / В. А. Лукин. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : «Ось-89», 2005. – 560 с. – Текст : непосредственный.
120. Любимцева-Наталуха, Л. Н. Функции аллюзивных онимов-заглавий в русской драматургии рубежа XX-XXI столетий / Л. Н. Любимцева-Наталуха. – Текст : непосредственный // Слово в зеркале истории языка: VIII Абрамовские научные чтения / под общей редакцией К. А. Калинина. Выпуск 6. – Набережные Челны : НГПУ ; Казань : РИЦ «Школа», 2024. – С. 144–153.
121. Максимова, П. В., Ефремова, С. И. Взаимосвязь глав и частей в романе Н.Е. Мординова «Весенняя пора» как показатель композиционной структуры произведения / П. В. Максимова, С. И. Ефремова. – Текст : непосредственный // Вестник Якутского государственного университета. – 2005. – Т. 2. – № 4. – С. 41–46.
122. Мальцева, Г. Ю. Особенности игровой поэтики заглавия рассказа «Истребление тиранов» В. В. Набокова / Г. Ю. Мальцева. – Текст : непосредственный // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 161. – № 5-6. – С. 23–35.
123. Маркова, Т. Д., Шибаева, Н. Б. Заголовок художественного произведения как элемент интерпретационной парадигмы / Т. Д. Маркова, Н. Б. Шибаева. – Текст : непосредственный // Семантика. Функционирование.

Текст : межвузовский сборник научных трудов. – Киров : Радуга-пресс, 2016. – С. 51–57.

124. Маркова, М. А. Место библионимов в ономастическом пространстве / М. А. Маркова. Текст : непосредственный // Этническая культура. – 2024. – Т. 6. – № 2. – С. 44–48.

125. Маркова, М. А. Русская и чувашская библионимия в контрастивном аспекте : специальность 5.9.8 «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / М. А. Маркова. – Чебоксары, 2025. – 24 с. – Текст : непосредственный.

126. Матвеев, Е. М. Антропонимы в русской торжественной оде XVIII века / Е. М. Матвеев. – Текст : непосредственный // Антропонимы в русской словесной культуре XVIII века / под редакцией П. Е. Бухаркина, С. С. Волкова и Е. М. Матвеева. – Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2023. – С. 103–160.

127. Матвеева, Г. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк / Г. В. Матвеева. – Свердловск : Издательство Уральского университета, 1990. – 172 с. – Текст : непосредственный.

128. Матлина, С. Г. Библионимика. Имя как символ и бренд библиотеки: (постановка проблемы) / С. Г. Матлина. – Текст : непосредственный // Научные и технические библиотеки. – 2007. – № 4. – С. 5–14.

129. Мельникова, А. Ю. Образы-порталы в художественной виртуальности (на примере романа В. Пелевина «Чапаев и Пустота») / А. Ю. Мельникова. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 22 (203). – С. 74–76.

130. Монтень, М. Опыты : в 3 кн. / издание подготовил А. С. Бобович, Ф. А. Коган-Бернштейн, Н. Я. Рыкова и А. А. Смирнов ; ответственный редактор А. А. Смирнов. Книга 3. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1960. – 495 с. – Текст : непосредственный.

131. Москвин, В. П. Высокий произносительный стиль: базисные категории и признаки / В. П. Москвин. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – № 8 (112). – С. 98–102.

132. Москвин, В. П. Теоретические основы стилистики : монография. – 4-е издание, переработанное и дополненное / В. П. Москвин. – Москва : ФЛИНТА, 2023. – 563 с. – Текст : электронный.

133. Москвин, В. П. Теория текста. Спорные вопросы : монография / В. П. Москвин ; ответственный редактор В. И. Карасик. – Москва : ФЛИНТА, 2024. – 320 с. – Текст : непосредственный.

134. Морева, А. В. Динамика развития заглавия как паратекстового элемента (на материале немецкой литературы путешествий XVIII–XIX вв.) / А. В. Морева. – Текст : непосредственный // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2017. – Т. 14. – Вып. 1. – С. 27–39.

135. Моретти, Ф. Корпорация стиля: размышления о 7 тысячах заглавий (британские романы 1740-1840) / Ф. Моретти. – Текст : непосредственный // Моретти Ф. Дальнее чтение / перевод с английского А. Вдовина, О. Собчука, А. Шели. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2016. – 248–287.

136. Мурясов, Р. З. Библионимы как средство обогащения вокабуляра языка / Р. З. Мурясов. – Текст : непосредственный // Вестник Башкирского университета. – 2015. – Т. 20. – № 3. – С. 946–951.

137. Немировская, А. Ф. Ономастическое пространство в художественном тексте: на материале романа О. Т Гончара «Твоя заря» : специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) ; 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / А. Ф. Немировская. – Киев, 1989. – 16 с. – Текст : непосредственный.

138. Никулина, Н. А. Специфика интерпретации романа М. Павича «Последняя любовь в Константинополе» / Н. А. Никулина. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11 (65). – С. 28–30.

139. Новиков, Л. А. Художественный текст и его анализ / Л. А. Новиков. – 3-е издание – Москва : ЛКИ, 2007. – 300 с. – Текст : непосредственный.

140. Новохатский, Д. Спасти прошлое: хронокоррекция в русской литературе / Д. Новохатский. – Милан : Criterion Editrice, 2023. – 333 с. – Текст : непосредственный.

141. Олюнина, В. М. К вопросу о функциональной специфике названий американских кинофильмов / В. М. Олюнина. – Текст : непосредственный // Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 9 (9). – С. 119–124.

142. Павлова, А. В. Определение или предикат? / А. В. Павлова. – Текст : непосредственный // Лингвистика от Востока до Запада. В честь 70-летия В. Б. Касевича / под редакцией Л. А. Вербицкой. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2011. – С. 330–345.

143. Панина, Н. Л. К вопросу о номинативном комплексе лицевого памятника / Н. Л. Панина. – Текст : непосредственный // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 3. – С. 21–24.

144. Петрова, Н. Г. Заглавия в поэтическом дискурсе футуристов: соотношение общего и индивидуального / Н. Г. Петрова. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, Образования. – 2012. – № 5 (36). – С. 257–261.

145. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 8-е издание, дополненное. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 544 с. – Текст : непосредственный.

146. Піддубна, Н. В. Розбудова понятійного апарату теолінгвістики: бібліїзм, біблієма, біблійність, бібліонім / Н. В. Піддубна. – Текст :

непосредственный // Лінгвістичні дослідження : Збірник наук. праць ХНПУ ім. Г.С. Сковороди. – 2017. – Вип. 46. – С. 92–99.

147. Поварнин, С. И. Как читать книги / С. И. Поварнин. – Москва : Книга, 1971. – 79 с. – Текст : непосредственный.

148. Подковырин, Ю. В. Заглавие / Ю. В. Подковырин. – Текст : непосредственный // Новый филологический вестник. – 2011. – № 2 (17). – С. 101–110.

149. Покалюхина, М. В. Имена собственные как носители лингвокультурной информации в паратексте научно-популярной англоязычной литературы / М. В. Покалюхина. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 32 (286). – С. 94–102.

150. Портильо, М. Н. Н. Семантика заглавий как обособленных образований и как компонентов текста (На материале рассказов А.П. Чехова) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / М. Н. Н. Портильо. – Воронеж, 1989. – 214 с. – Текст : непосредственный.

151. Путило, О. О. Топология вымышленного пространства «Баклужинского цикла» / О. О. Путило. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 1 (134). – С. 227–231.

152. Путило, О. О. «Говорящие имена» в романе Е. Лукина «Катали мы ваше солнце» / О. О. Путило. – Текст : непосредственный // Восточнославянская филология. Литературоведение. – 2022. – № 15 (39). – С. 76–80.

153. Разумов, Р. В. Урбанонимический вкус эпохи как объект научного исследования / Р. В. Разумов. – Текст : непосредственный // Ономастика Поволжья : материалы XIX Международной научной конференции, посвящённой 220-летию со дня рождения лексикографа, собирателя фольклора и русского писателя В. И. Даля. Оренбург, 11–12 ноября 2021 г. ;

научный редактор: Е. Н. Бекасова, В. И. Супрун; составитель: П. А. Якимов. – Оренбург : Издательство «Оренбургская книга», 2021. – С. 63–68. – Текст : непосредственный.

154. Реформатский, А. А. Техническая редакция книги. Теория и методика работы / А. А. Реформатский ; под редакцией Д. Л. Вейса. – Москва : Государственное издательство легкой промышленности, 1933. – 414 с. – Текст : непосредственный.

155. Рейсер, С. А. Палеография и текстология нового времени / С. А. Рейсер. – Москва : Просвещение, 1970. – 336 с. – Текст : непосредственный.

156. Рейтблат, А. И. Теория без фактов, цифры без теории / А. И. Рейтблат. – Текст : непосредственный // НЛО. – 2018. – № 2 (150). – С. 57–61.

157. Ронгинский, В. М. Синтаксические модели заголовков и их использование в различных стилях речи : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / В. М. Ронгинский. – Киев, 1965. – 20 с. – Текст : непосредственный.

158. Руднев, В. Н. Философия книги : монография / В. Н. Руднев. – Москва : РосНОУ, 2019. – 264 с. – Текст : непосредственный.

159. Селеменова, М. В. Поэтика заглавий городской прозы Ю. В. Трифонова / М. В. Селеменова. – Текст : непосредственный // Культурная жизнь Юга России. – 2007. – № 6 (25). – С. 50–53.

160. Селеменова, О. А., Бородина, Н. А. Мифологические имена в поэзии И.А. Бунина : монография / М. В. Селеменова, Н. А. Бородина. – Елец : Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2022. – 170 с. – Текст : непосредственный.

161. Селиванова, Е. А., Калько, В. В. Анализ функций заголовков (на материале иронических детективов Дарьи Донцовой) / Е. А. Селиванова,

В. В. Калько. – Текст : непосредственный // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2021. – № 1 (27). – С. 157–179.

162. Силина, Л. А. Поэтика заглавий-цитат в художественном тексте (на материале рассказов И. А. Бунина) / Л. А. Силина. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Том 18. – Выпуск 7. – С. 2793–2797.

163. Скороходов, М. В. К вопросу о печатных источниках 6-й части «Повести о жизни» К. Г. Паустовского «На медленном огне. (Книга скитаний)» / М. В. Скороходов. – Текст : непосредственный // Литературный факт. – 2024. – № 3 (33). – С. 261–289.

164. Скрябина, А. С. Влияние стилистических особенностей заглавий на восприятие художественного текста / А. С. Скрябина. – Текст : непосредственный // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2016. – № 11 (199). – С. 52–57.

165. Скударь, Е. В. Название (заглавие) литературного произведения. размышления редактора / Е. В. Скударь. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2011. – № 2. – С. 61–68.

166. Скуридина, С. А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / С. А. Скуридина. – Воронеж, 2020. – 392 с. – Текст : непосредственный.

167. Скуридина, С. А., Карташова, Е. Н. Библионимы в творчестве В.М. Шукшина / С. А. Скуридина. – Текст : непосредственный // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2024. – №2 (53). – С. 271–279.

168. Смородина, П. В. Название как бифункциональная единица текста (на материале ряда произведений В. Шекспира) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / П. В. Смородина. – Москва, 2009. – 207 с. – Текст : непосредственный.

169. Снигирева, Т. А., Подчиненов, А. В. Серия «ЖЗЛ»: стратегии жизнеописания / Т. А. Снигирева, А. В. Подчиненов. – Текст : непосредственный // Феномен затекста : монография / Т. А. Снигирева, А. В. Подчиненов, О. А. Михайлова [и др.]; под общей редакцией Т. А. Снигиревой, А. В. Подчиненова. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2022. – С. 430–436.

170. Соколов, В. Ю. Место и значение названия библиотеки в повышении эффективности её социокультурной деятельности / В. Ю. Соколов. – Текст : непосредственный // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2017. – № 11-9 (31). – С. 70–77.

171. Сорочан, А. Ю. Заглавия русских исторических романов XIX века: опыт классификации / А. Ю. Сорочан. – Текст : непосредственный // Мир романтизма. Памяти Ирины Вячеславовны Карташовой (1931–2019). Статьи и воспоминания. – Тверь, 2022. – С. 188–198.

172. Сребрянская, Н. А., Мартынова, Е. А. Специфика функций заглавий художественных произведений в жанре антиутопии / Н. А. Сребрянская, Е. А. Мартынова. – Текст : непосредственный // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 1. – С. 40–47.

173. Стаф, И. К. История книги и история литературы: проблемы взаимодействия / И. К. Стаф. – Текст : непосредственный // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2018. – № 217. – С. 99–111.

174. Степанова, Н. Ю. Роль заголовков в раскрытии авторского замысла в романе Ю. Юнассона «Девочка, которая спасла короля Швеции» / Н. Ю. Степанова. – Текст: непосредственный // Иностранные языки в высшей школе. – 2021. – № 1 (56). – С. 55–62.

175. Строганов, М. В. Заглавие как проблема исторической поэтики / М. В. Строганов. – Текст : непосредственный // Проблемы исторической поэтики. – 2021. – Т. 19. – № 3. – С. 53–77.

176. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – Москва : Наука, 1973. – 366 с. – Текст : непосредственный.

177. Супрун, В. И. Паремийные библионимы А. Н. Островского: к 200-летию со дня рождения драматурга / В. И. Супрун. – Текст : непосредственный // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей: к юбилею доктора филологических наук, профессора А. М. Мезенко. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2023. – С. 167–171.

178. Сухих, И. Н. Структура и смысл: Теория литературы для всех / И. Н. Сухих. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 544 с. – Текст : непосредственный.

179. Сыров, И. А. Способы реализации категории связности в художественном тексте : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / И. А. Сыров. – Москва, 2005. – 349 с. – Текст : непосредственный.

180. Тарланов, З. К. Синтаксис русского языка: университетский курс: учебник для вузов / З. К. Тарланов. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Москва : Юрайт, 2022. – 389 с. – Текст : непосредственный.

181. Теория и мифология книги. Французская книга во Франции и России : Российско-французская конференция. М., РГГУ, 11–12 сентября 2006 г. – Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2007. – 200 с. – Текст : непосредственный.

182. Терпугова, А. В. Оглавление книг серии «Жизнь замечательных людей» как особый предмет рассмотрения / А. В. Терпугова. – Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – Т. 9. – № 2. – С. 66–74.

183. Тикунова, С. Г. Взаимодействие структурных и содержательных характеристик художественного текста и его заглавия (на материале английского языка) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / С. Г. Тикунова. – Москва, 2005. – 24 с. – Текст : непосредственный.

184. Тимошик, Г. В. Біблісантропоніми новозавітного тексту в лексикографічному опрацюванні (на матеріалі перекладів Святого Письма українською мовою кінця ХІХ – ХХ століть) / Г. В. Тимошик. – Текст : непосредственный // Слово и словарь. *Vocabulum et vocabularium*: сб. науч. трудов по лексикографии. Вып. 12 / под редакцией В. В. Дубичинского и Т. Ройтера. – Харьков : Видавництво «Підручник НТУ «ХП»», 2011. – С. 107–110.

185. Тихонова, Е. В., Косычева, М. А. Заглавие научной статьи: лучшие практики конструирования / Е. В. Тихонова, М. А. Косычева. – Текст : непосредственный // Хранение и переработка сельхозсырья. – 2022. – № 3. – С. 11–25.

186. Торчинський, М. М. Структура онімного простору української мови : монографія / М. М. Торчинський. – Хмельницький : Авіст, 2008. – 550 с. – Текст : непосредственный.

187. Тресорукова, И. В. Библиейские имена собственные в греческой фразеологической картине мира / И. В. Тресорукова. – Текст : непосредственный // *Рема. Rhema*. – 2019. – № 3. – С. 101–114.

188. Трифонова, Е. А. Названия деловых объектов: семантика, прагматика, поэтика (на материале русских и английских эргонимов) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е. А. Трифонова. – Волгоград, 2006. – 20 с. – Текст : непосредственный.

189. Тутатина, Е. А. Заглавия книг в современных издательских практиках: генезис, эволюция, поэтика и прагматика : специальность 05.25.03

«Библиотечковедение, библиографоведение и книговедение» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е. А. Тутатина. – Москва, 2021. – 197 с. – Текст : непосредственный.

190. Турлачева, Е. Ю. Лексико-грамматическая организация заголовка англоязычного художественного текста (на материале коротких рассказов XVIII-XXI вв.) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. / Е. Ю. Турлачева. – Иваново, 2010. – 19 с. – Текст : непосредственный.

191. Тюпа, В. И. Поэтика заглавия / В. И. Тюпа. – Текст : непосредственный // Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). – Москва : Лабиринт, РГГУ, 2001. – С. 115–118.

192. Унгуряну, Т. Н., Гржибовский, А. М. Краткие рекомендации по описанию, статистическому анализу и представлению данных в научных публикациях / Т. Н. Унгуряну, А. М. Гржибовский. – Текст : непосредственный // Экология человека. – 2011. – Т. 5. – С. 55–60.

193. Уразметова, А. В. Английская топонимика как лексическая подсистема языка (на материале топонимической лексики Великобритании и США) : специальность 10.02.04 «Германские языки» ; 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / А. В. Уразметова. – Уфа, 2016. – 461 с. – Текст : непосредственный.

194. Ускова, У. А., Водоватова, Т. Е. Функции заголовков художественных произведений и их языковая реализация (на материале рассказов О. Генри) / У. А. Ускова, Т. Е. Водоватова. – Текст : непосредственный // Вестник Международного института рынка. – 2023. – № 1. – С. 136–143.

195. Устинова, Н. Н. Аспекты изучения библионимов / Н. Н. Устинова. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2022. – № 4 (47). – С. 60–63.

196. Устинова, Н. Н. Библионимы М.М. Пришвина / Н. Н. Устинова. – Текст : непосредственный // Имя в пространстве культуры : коллективная

монография к 80-летию профессора Г. Ф. Ковалева / под общей редакцией С. А. Скуридиной и С. А. Попова. – Воронеж : АО «Воронежская областная типография», 2023. – С. 317–323.

197. Фатеева, Н. А. Синтез целого: на пути к новой поэтике / Н. А. Фатеева. – Москва : Новое литературное обозрение, 2010. – 352 с. – Текст : непосредственный.

198. Фатина, А. В. Функционирование заголовочных комплексов в современной российской газете (стилистика-синтаксический аспект) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / А. В. Фатина. – Санкт-Петербург, 2005. – 24 с. – Текст : непосредственный.

199. Федотова, К. С. Онимная лексика в языке писателя: поэтонимографический аспект: на материале творчества Н.С. Гумилёва : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / К. С. Федотова. – Волгоград, 2018. – 232 с. – Текст : непосредственный.

200. Феномен незавершенного : монография / под общей редакцией Т. А. Снигиревой и А. В. Подчиненова. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2019. – 670 с. – Текст : непосредственный.

201. Фонякова, О. И. Имя собственное в художественном тексте : учебное пособие / О. И. Фонякова. – Ленинград : Издательство ЛГУ, 1990. – 103 с. – Текст : непосредственный.

202. Фоменко, И. В., Минько, О. Н. Заглавие-антропоним и система имен (на материале романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита») / И. В. Фоменко, О. Н. Минько. – Текст : непосредственный // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – № 4 (265). – 2014. – С. 146–149.

203. Харитонов, Е. Вполголоса о главном / Е. Харитонов. – Текст : непосредственный // Лукина Л., Лукин Е. Разбойничья злая луна:

Фантастические романы. – Москва : ООО «Издательство АСТ»; Санкт-Петербург : Terra Fantastica, 1997. – С. 557–566.

204. Холиков, А. А. Принципы научного изучения прижизненных полных собраний сочинений русских писателей / А. А. Холиков. – Текст : непосредственный // Филологические науки. – 2011. – № 3. – С. 15–25.

205. Ху Сюэ, Ху Гумин. Анализ русского перевода заголовков глав романа «Сон в красном тереме» в аспекте теории адаптации / Сюэ Ху, Гумин Ху. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2019. – № 5. – С. 342–349.

206. Челнокова, Д. А., Вдовин, А. В., Орехов, Б. В. Как «толстый» журнал изменил заглавия русских романов: эволюция 2000 заглавий (1763–1917) / Д. А. Челнокова, А. В. Вдовин, Б. В. Орехов. – Текст : непосредственный // Slověne. – 2023. – Т. 12. – № 2. – С. 143–167.

207. Черняк, М. А. Феномен массовой литературы XX века : монография / М. А. Черняк. – Санкт-Петербург : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – 308 с. – Текст : непосредственный.

208. Чо Ю-Сон. Поэтика наименований в романах Ф.М. Достоевского (на материале создания внешней композиции «Бесов» и «Братьев Карамазовых») / Чо Ю-Сон. – Текст : непосредственный // Достоевский и мировая культура: Альманах. – 2001. – № 14. – С. 82–95.

209. Щетинин, Л. М. Антропонимический текст как источник исторической информации / Л. М. Щетинин. – Текст : непосредственный // Перспективы развития славянской ономастики. – Москва : Наука, 1980. – С. 163–168.

210. Шамякіна, Т. І. Беларуская проза ў кантэксце часу (1940–1980): паэтыка загаловаў / Т. І. Шамякіна. – Текст : непосредственный // Веснік БДУ. Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. – 2011. – № 2. – С. 14–21.

211. Эко, У. Как написать дипломную работу. Гуманитарные науки : учебно-методическое пособие / перевод с итальянского Е. Костюкович. – 2

издание. – Москва : Книжный дом «Университет», 2003. – 240 с. – Текст : непосредственный.

212. Эткинд, А. Поэтика заглавий / А. Эткинд. – Текст : непосредственный // *Revue des études slaves*. – 1998. – Vol. 70. – Issue 3. – P. 559–565.

213. Adams, H. Titles, Titling, and Entitlement To / H. Adams. – Text : direct // *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. – 1987. – Vol. 46. – No. 1. – P. 7–21.

214. Baicchi, A. The cataphoric indexicality of titles / A. Baicchi. – Text : direct // *Discourse Patterns in spoken and Written Corpora* / edited by K. Aijmer, A. B. Stenström. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2004. – P. 17–38.

215. Besa Camprubí, J. El títol y el text. Una tipologia dels efects del títol en el text en poesia: PhD diss / J. Besa Camprubí. – Universitat Autònoma de Barcelona, 2002. – 381 p. – Text : direct.

216. Dames, N. The Chapter: A Segmented History from Antiquity to the Twenty-First Century / N. Dames. – Princeton, New Jersey : Princeton University Press Princeton, 2023. – 370 p. – Text : direct.

217. Duchet, C. «La Fille abandonnée et La Bête humaine, éléments de titrologie romanesque» / C. Duchet. – Text : direct // *Littérature*. – 1973. – No 12. – P. 49–73.

218. Dvořáková, Ž. Notes on functions of proper names in literature / Ž. Dvořáková. – Text : direct // *Onoma* 53. – 2018. – P. 33–48.

219. Elsen, H. Die Aufgaben der Namen in literarischen Texten – Science Fiction und Fantasy / H. Elsen. – Text : direct // *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*. – 2008. – Heft 147. – P. 151–163.

220. Fisher, J. Entitling / J. Fisher. – Text : direct // *Critical Inquiry*. – 1984. – Vol. 11. – P. 286–298.

221. Fox, C. W., Burns, C. Sean The relationship between manuscript title structure and success: editorial decisions and citation performance for an ecological

journal / C. W. Fox, C. Sean Burns. – Text : direct // Ecology and Evolution. – 2015. – Vol. 5. – Issue 10. – P. 1970–1980.

222. Fowler, A. Kinds of Literature: An Introduction to the Theory of Genres and Modes / A. Fowler. – Oxford : Clarendon Press, 1982. – 357 p. – Text : direct.

223. Gawlak, M. O przekładzie tytułu (na przykładzie prozy słoweńskiej) / M. O. Gawlak. – Text : direct // Przekłady Literatur Słowiańskich. – 2015. – T. 6. – Cz. 1. – P. 56–69.

224. Genette, G. Structure and Functions of the Title in Literature / G. Genette. – Text : direct // Critical Inquiry. – 1988. – Vol. 14. – No. 4. – P. 692–720.

225. Génette, G. Paratexts Thresholds of interpretation / G. Genette / Translation by Jane E. Lewin. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – 427 p. – Text : direct.

226. Gibbons, V. Towards a Poetics of Titles: The Prehistory. PhD Thesis / V. Gibbons. – Cardiff : Cardiff University, 2010. – 250 p. – Text : direct.

227. Gibka, M. Literary Onomastics: a Theory / M. Gibka. – Łódź : ArchaeGraph Wydawnictwo Naukowe, 2019. – 170 p. – Text : direct.

228. Gorczowska, N. Nazwy własne w polskich cyklach powieściowych high fantasy: doktorská práce / N. Gorczowska – Kraków, 2018. – 487 p. – Text : direct.

229. Grivel, C. Production de l'intérêt romanesque. Un état du texte (1870–1880). Un essai de constitution de sa théorie / C. Grivel. – La Haye-Paris : Mouton edition, 1973. – 428 p. – Text : direct.

230. Hébert, L. L'analyse des textes littéraires. Une méthodologie complete / L. Hébert. – Paris : Classiques Garnier, 2014. – 346 p. – Text : direct.

231. Hoek, L. H. La marque du titre. Dispositifs sémiotiques d'une pratique textuelle / L. H. Hoek. – La Haye ; Paris ; New York : Mouton, 1981. – 381 p. – Text : direct.

232. Hosington, B. M. Textual Standard-Bearers: Translated Titles and Early Modern English Print / B. M. Hosington. – Text : direct // Thresholds of Translation

Paratexts, Print, and Cultural Exchange in Early Modern Britain (1473–1660) / Edited by M.-A. Belle and B. M. Hosington. – Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan, 2018. – P. 75–100.

233. Howley, J. A. Tables of Contents / J. A. Howley. – Text : direct // Book Parts / Edited by D. Duncan, A. Smyth. – Oxford : Oxford University Press, 2019. – P. 65–79.

234. Kowalik, K. Próba typologii tytułów (ideonimów) prozy Jana Wiktora / K. Kowalik. – Text : direct // Studia Linguistica. – 2019. – No. 14. – P. 96–107.

235. La Table des matières: Son histoire, ses règles, ses fonctions, son esthétique / Edited by G. Mathieu, J.-C. Arnould. – Paris : Classiques Garnier, 2017. – 525 p. – Text : direct

236. Levin, H. The Title as a Literary Genre / H. Levin. – Text : direct // The Modern Language Review. – 1977. – Vol. 72. – No. 4. – P. 23–36.

237. Lodge, D. The Art of Fiction. Illustrated From Classic and Modern Texts / D. Lodge. – New York : Viking, 1993. – 240 p. – Text : direct.

238. Maiorino, G. First Pages: A Poetics of Titles / G. Maiorino. – Pennsylvania : Pennsylvania State University Press, 2010. – 362 p. – Text : direct.

239. Milojević, S. The Length and Semantic Structure of Article Titles – Evolving Disciplinary Practices and Correlations with Impact / S. Milojević. – Text : direct // Frontiers in Research Metrics and Analytics. – 2017. – Vol. 2. – P. 1–10.

240. Nord, C. Text-Functions in Translation: Titles and Headings as a Case in Point / C. Nord. – Text : direct // Target International Journal of Translation Studies. – 1995. – Vol. 7. – Issue 2. – P. 261–284.

241. Orbay, K., Fernando, A. M., Orbay, M. Short, But How Short? Analysis of Educational Research Titles / K. Orbay, A. M. Fernando, M. Orbay. – Text : direct // SAGE Open. – 2025. – Vol. 15. – Issue 1. – P. 1–18.

242. Πασχαλίδης, Γ. Περί Τίτλων: Οι τίτλοι μέσα και ανάμεσα στα λογοτεχνικά κείμενα και την ερμηνεία τους / Γ. Πασχαλίδης. – Text : direct // Βιβλιοπωλείον της «Εστίας». – 1996. – No. 4. – P. 73–91.

243. Remonato, I. *Translating Russian Literature into Italian: A Case Study between Language and Culture* / I. Remonato. – Text : direct // *Translation Studies: Theory and Practice*. – 2023. – Vol. 3. – No. 1 (5). – P. 38–65.
244. Roy, M. *Du titre littéraire et de ses effets de lecture* / M. Roy. – Text : direct // *Protée*. – 2008. – Vol. 36. – No. 3. – P. 47–56.
245. Stanton, V. H. *The Gospels as Historical Documents. Part I. The Early Use of the Gospels* / V. H. Stanton. – Cambridge : Cambridge University Press, 1903. – 288 p. – Text : direct.
246. Schaper, B. *The Importance Of The Literary Title And Its Implications For Translation Theory* / B. Schaper. – Text : direct // *Focus on German Studies*. – 2013. – Vol. 20. – P. 101–112.
247. Shevlin, Eleanor F. «To Reconcile Book and Title, and Make'em Kin to One Another»: *The Evolution of the Title's Contractual Functions* / Eleanor F. Shevlin. – Text : direct // *Book History*. – 1999. – Vol. 2. – P. 42–77.
248. Schröder, B.-J. *Titel und Text: zur Entwicklung lateinischer Gedichtüberschriften. Mit Untersuchungen zu lateinischen Buchtiteln, Inhaltsverzeichnissen und anderen Gliederungsmitteln* / B.-J. Schröder. – Berlin ; New York : de Gruyter, 1999. – 349 p. – Text : direct.
249. Symes, C. *You Can't Judge a Book by Its Cover: The Aesthetics of Titles and Other Epitextual Devices* / C. Symes. – Text : direct // *The Journal of Aesthetic Education*. – 1992. – Vol. 26. – No. 3. – P. 17–26.
250. Szurek, M. M., Zmuda, E. *Ideonimy książek dla przedszkolaków. Wprowadzanie dziecka w świat nazw* / M. M. Szurek, E. Zmuda. – Text : direct // *Annales Academiae Paedagogicae Cracoviensis. Studia Linguistica*. – 2020. – Vol. 15. – P. 287–300.
251. Yang, Y., Zhang, W., Liao, S. *Differences in Journal Paper Titles between Natural Sciences and Humanities: A Corpus-based Analysis* / Y. Yang, W. Zhang, S. Liao. – Text : direct // *Corpus-based Studies across Humanities*. – 2025. – Vol. 3. – Issue 1. – P. 143–163.

252. Viezzi, M. Titles and translation / M. Viezzi. – Text : direct // Eronen, M. & M. Rodi-Risberg (toim.) Haasteena näkökulma, Perspektivet som utmaning, Point of view as challenge, Perspektivität als Herausforderung. VAKKI-symposiumi XXXIII 7.–8.2.2013. – Vaasa : Universität Vaasa. – P. 374–384.

253. Zanon, J. Une robe nommée désir: contribution à la titrologie de mode dans l'entre-deux guerres / J. Zanon. – Text : direct // Livraisons d'Histoire de l'Architecture. – 2014. – P. 129–152.

254. Weiss, Hermann F. Chapter division and chapter heading in the nineteenth-century Nouvelle / Hermann F. Weiss. – Text : direct // Neophilologus. – 1971. – Vol. 55. – Issue 1. – P. 290–297.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ

1. БАС – Большой академический словарь русского языка / главный редактор К. С. Горбачевич; научный редактор А. С. Герд. – Москва : Наука. – Т. 6: 3 – Зятюшка, 2006. – 825 с. – Текст : непосредственный.
2. БСРП – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Москва : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с. – Текст : непосредственный.
3. БТС – Большой толковый словарь русского языка / составитель и главный редактор С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1536 с. – Текст : непосредственный.
4. БТСРС – Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы [Электронный ресурс] / под редакцией Л. Г. Бабенко. – Москва : АСТ-Пресс Книга, 2005. – 863 с. – URL: [https://gramota.ru/poisk?query=миссионер&mode=slovari&dicts\[\]=50](https://gramota.ru/poisk?query=миссионер&mode=slovari&dicts[]=50) (дата обращения: 20.09.2025).
5. БУСРЯ – Большой универсальный словарь русского языка : в 2 томах / под редакцией В. В. Морковкина. – Москва: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА. – Т. 1 (А – О), 2023. – 752 с. – Текст : непосредственный.
6. Бубнов, С. А. Словарь литературоведческих терминов. От значения слова к анализу текста: словарь / С. А. Бубнов. – Саратов : Ай Пи Эр Медиа, 2018. – 212 с. – Текст : электронный. – URL: <https://www.iprbookshop.ru/73342.html> (дата обращения: 07.12.2024).
7. Ганшина, К. А. Французско-русский словарь. 51 000 слов / К. А. Ганшина. – 7-е издание, стереотипное. – Москва : Русский язык, 1977. – 912 с. – Текст : непосредственный.
8. Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь : в 2 томах / под редакцией С. И. Соболевского. – Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. – Т. II. М – Ω. – 870 с. – Текст : непосредственный.

9. Книга: Энциклопедия / Редакторы И. Е. Баренбаум, А. А. Беловицкая, А. А. Говоров и др. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 800 с. – Текст : непосредственный.
10. Книговедение: энциклопедический словарь / главный редактор Н. М. Сикорский. – Москва : Советская энциклопедия, 1982. – 664 с. – Текст : непосредственный.
11. Комлев, Н. Г. Словарь новых иностранных слов / Н. Г. Комлев. – Москва : Издательство МГУ, 1995. – 144 с. – Текст : непосредственный.
12. Ламзина, А. В. Заглавие / А. В. Ламзина. – Текст : непосредственный // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины : учебное пособие. – Москва : Высшая школа, Академия, 1999. – С. 94–107.
13. Ламзина, А. В. Рама произведения / А. В. Ламзина. – Текст : непосредственный // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под редакцией А. Н. Николюкина. – Москва : НПК «Интелвак», 2001. – Стб. 848–853.
14. МАС – Словарь русского языка : 4 томах / под редакцией А. П. Евгеньевой. – 3-е издание, стереотипное. – Москва : Русский язык, 1985. – Т. 1. А – Й. – 696 с. – Текст : непосредственный.
15. Мильчин, А. Э., Чельцова, Л. К. Справочник издателя и автора: Редакционно-издательское оформление издания / А. Э. Мильчин, Л. К. Чельцова. – 3-е издание, исправленное и дополненное. – Москва : Издательство Студии Артемия Лебедева, 2009. – 1084 с. – Текст : непосредственный.
16. Никитина, С. Е., Васильева, Н. В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи / С. Е. Никитина, Н. В. Васильева. – Москва : Институт языкознания РАН, 1996. – 172 с. – Текст : непосредственный.

17. Отин, Е. С. Словарь коннотативных собственных имен / Е. С. Отин. – Донецк : ООО «Юго-Восток, Лтд», 2004. – 412 с. – Текст : непосредственный.

18. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Наука, 1988. – 192 с. – Текст : непосредственный.

19. РЭС – Аникин, А. Е. Русский этимологический словарь / А. Е. Аникин. – Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – Выпуск 3 (бе – болдыхать). – 344 с. – Текст : непосредственный.

20. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. – Санкт-Петербург : типография Императорской Академии наук, 1899. – Т. 2. – Выпуск 3: За – Заграчить. – 633–952 стб. – Текст : непосредственный.

21. СРНГ – Словарь русских народных говоров / под общей редакцией Ф. П. Филина. – Ленинград : Наука, 1987. – Вып. 23. Одале – Осеть. – 376 с. – Текст : непосредственный.

22. ССАСРЯ – Лопатин, В. В., Улуханов, И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка / В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. – Москва : Издательский центр «Азбуковник», 2016. – 812 с. – Текст : непосредственный.

23. Суперанская, А. В. Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание / А. В. Суперанская – Москва : Айрис-пресс, 2005. – 384 с. – Текст : непосредственный.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Лукин, Е. На самом деле трилогия... [Электронный ресурс]. URL: <https://author.today/post/239313> (дата обращения: 25.11.2024).
2. Улыбина, Ю. На бал к сатане можно попасть в Иркутске // «СМ Номер один». 2006. № 12. [Электронный ресурс]. URL: <https://http://www.ppressa.irk.ru/sm/2006/12/003001.html> (дата обращения: 18.10.2024).
3. Capituli: Some notes on summaries, chapter divisions and chapter titles in ancient and medieval manuscripts [Электронный ресурс]. URL: https://www.tertullian.org/rpearse/manuscripts/chapter_titles.htm (дата обращения: 06.06.2024).
4. Mrázková, K. Název textu // Nový encyklopedický slovník češtiny. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.czechency.org/slovník/NÁZEV%20TEXTU> (дата обращения: 06.05.2024).